

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ

Портрет ученого БГУ

**«ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ...»:
ГАРМАЕВА СВЕТЛАНА ИСКРОВНА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Ответственный редактор
Г. Ц. Бадужева, кандидат филологических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2024

УДК 80(092)
ББК 80я434
В 611

Утверждено к печати редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 1 от 16 февраля 2024 г.

Рецензенты

З. А. Серебрякова, доктор филологических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
М. Д. Данчинова, кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

В 611 **«Во всем мне хочется дойти до самой сути...»: Гармаева Светлана Искровна** (к 85-летию со дня рождения) / ответственный редактор Г. Ц. Бадуева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова, 2024. 152 с. ISBN 978-5-9793-1898-1

Издание подготовлено к 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы БГУ. Сборник включает биографические данные, статьи и отзывы С. И. Гармаевой, интервью с ней, воспоминания коллег, близких, друзей и учеников, а также сведения о трудах ученого.

Библиографическая информация собрана на базе Научной библиотеки Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Национальной библиотеки Республики Бурятия.

Предназначено для всех, кто интересуется проблемами типологии художественных традиций, литературы Бурятии и национальных литератур России.

УДК 80(092)
ББК 80я434

ISBN 978-5-9793-1898-1

© Бурятский госуниверситет
имени Доржи Банзарова, 2024

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ

1938 родилась в г. Закаменск Бурятской АССР

1957 окончила школу № 8 г. Закаменск

1957–1962 обучалась в Московском педагогическом государственном институте им. В. И. Ленина

1962–1964 работала в коррекционной школе-интернате для глухих детей г. Улан-Удэ

1965–1966 работала в районном отделе образования Боханского района Иркутской области

1967–1969 работала ассистентом кафедры иностранных языков Бурятского государственного педагогического института имени Доржи Банзарова

1969–1972 обучалась в аспирантуре Института мировой литературы им. А. Горького

1973 защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии» в Институте мировой литературы им. А. Горького

1973–2022 работала в Бурятском государственном педагогическом институте имени Доржи Банзарова (ныне Бурятский государ-

ственный университет имени Доржи Банзарова): ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

1986–1996 руководила кафедрой литературы

1997 опубликовала монографию «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века (опыт сравнительного анализа литератур тюрко-монгольского ареала)»

1998 защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст» в Институте мировой литературы им. А. Горького

Награды и почетные звания

1987 звание «Отличник высшей школы СССР»

1991 знак «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР»

1999 звание «Заслуженный работник образования РБ»

2007 Почетная грамота Народного Хурала РБ

2012 золотой Почетный нагрудный знак РБ

2015 звание «Заслуженный работник БГУ»

**СВЕТЛАНА ИСКРОВНА ГАРМАЕВА:
от ассистента до профессора (штрихи к портрету)**

Талантливый педагог, великолепный лектор, крупный ученый, легенда филологического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова Светлана Искровна Гармаева родилась 31 марта 1938 года в г. Закаменск в семье Искры Шараповича и Веры Жаповны Гармаевых.

Отец Искра Шарапович Гармаев, родом из Закаменского района, до войны работал летчиком-испытателем авиационного завода, затем секретарем партийной организации, заместителем директора завода по летной части. В декабре 1941 года в составе сводного батальона добровольцев ушел на фронт, несмотря на имевшуюся бронь. Он прошел всю Великую Отечественную войну, был пилотом бомбардировщика. Имел боевые награды, в том числе орден Боевого Красного знамени. В конце войны был тяжело ранен. Последствия ранений сказались на здоровье уже после войны и стали причиной ранней смерти.

Мама Вера Жаповна Буханаева, родом из Тункинского района, до замужества работала в обкоме ВЛКСМ Бурятской АССР. Выростила троих детей, Светлану и двух младших сыновей Игоря и Льва, который был назван в честь фронтового друга отца.

После ухода Искры Шараповича на фронт семья переехала из Улан-Удэ, где жили в районе машзавода (ныне авиазавод), на родину отца — в с. Енгорбой, где дети забыли русский язык и разговаривали только на родном. А Светлана прекрасно знала не только бурятский, но и монгольский язык. Еще она умела делать все виды деревенских работ.

Старший ребенок в семье, Светлана с детства отличалась большим чувством ответственности: пока матери были на работе, воспитывала не только своих младших братьев, но и двоюродных братьев и сестер. В течение всей жизни она поддерживала тесные отношения со всеми ними и всячески помогала (всего их было больше 30).

После войны отец попал под репрессии, но не был арестован по состоянию здоровья из-за фронтовых ранений. Был выслан с семьей

из Улан-Удэ в Закаменский район. Так Гармаевы снова оказались на родине Искры Шараповича.

Светлана училась в закаменской школе № 8, которую окончила в 1957 году. В старших классах возглавляла школьную комсомольскую организацию и всегда была одной из лучших учениц. Молодая учительница английского языка Марина Петровна Сергеева, приехавшая по распределению из г. Орехово-Зуево, всегда считала, что талантливую ученицу ожидает большое будущее. Вместе с мамой Верой Жаповной она сыграла важную роль в решении Светланы стать преподавателем и поехать учиться в Москву. Из своей скромной зарплаты весь первый год обучения подопечной Марина Петровна отправляла небольшую сумму, чтобы девушка не бросила учебу из-за материальных трудностей.

О смелом характере Светланы Искровны говорит случай из тех лет: будучи студенткой первого курса, она попала на прием к министру обороны маршалу Р. Я. Малиновскому и добилась назначения пенсии матери и младшим братьям как вдове и детям офицера.

Мыслящая, самозабвенно любящая литературу, С. И. Гармаева получила профессиональное образование в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (1957–1962; специальность «Русский язык и литература»), защитила кандидатскую и докторскую диссертации в Институте мировой литературы им. А. Горького (ИМЛИ РАН).

После окончания института Светлана Искровна навсегда связала свою жизнь с образованием. В 1962–1969 годах она работала в коррекционной школе-интернате для глухих детей г. Улан-Удэ, в районном отделе образования Боханского района Иркутской области (уехала в связи с замужеством), на кафедре иностранных языков Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова (БГПИ). В 1969 году поступила в аспирантуру ИМЛИ РАН и определилась со своей миссией — открыть миру бурятскую национальную литературу. Здесь в 1973 году защитила кандидатскую диссертацию «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии». С этого времени главными приоритетами научно-исследовательской деятельности С. И. Гармаевой стали теория и практика литературного процесса, литература народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Важную роль

в развитии литературоведения народов Сибири сыграли ее монография «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века (опыт сравнительного анализа литератур тюрко-монгольского ареала)» (1997) и докторская диссертация «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст» (1998).

С 1973 года до конца жизни трудовая деятельность С. И. Гармаевой была связана с филологическим факультетом БГПИ–БГУ, где она вела теоретические курсы. Вдумчивый педагог, много работавший над совершенствованием учебно-воспитательного процесса, она постоянно стремилась помочь студентам осмыслить место и роль теории литературы в постижении предмета, знакомила с актуальными литературоведческими проблемами. Ее блестящие концептуальные лекции в полной мере формировали мировоззренческий потенциал будущих филологов, они навсегда остались в памяти учеников многих поколений.

В течение десяти лет (1986–1996) С. И. Гармаева возглавляла кафедру литературы, сделала многое для улучшения преподавания литературы в вузе и школе, особенно в сельских учебных заведениях Бурятии. По ее инициативе была создана экспериментальная школа гуманитарного направления в г. Закаменск, которая стала первой районной гимназией и федеральной экспериментальной площадкой.

За годы работы в качестве заведующей С. И. Гармаевой создавались благоприятные условия для роста и совершенствования кадрового состава кафедры: защитили кандидатские диссертации посланные ею в аспирантуру М. Ц. Цыренова (г. Москва), И. Б. Костина (г. Санкт-Петербург), Е. В. Семенова (г. Москва), Г. Ц. Бадиева (г. Улан-Удэ); докторские диссертации — С. Ж. Балданов (г. Улан-Удэ), С. С. Имixelова (г. Москва).

С. И. Гармаева вела плодотворную работу со студентами и аспирантами в качестве научного руководителя, эксперта, оппонента. Под ее руководством успешно защитили кандидатские диссертации по литературе народов России Г. Ц. Бадиева (1999), Д. Ч. Дымбрылова (2000), Э. Г. Сангадиева (2004), Н. Н. Алексеева (2009), А. Б. Матуева (2011), М. Ю. Дондокова (2013), С. Д.-Н. Малзурова (2015), Херел А. Х. (2019). Сегодня они работают в различных российских вузах.

В 1998 году организовала первую на факультете межвузовскую научную конференцию «Литература и религия», сборник материалов которой сразу стал библиографической редкостью; в 2001 году под ее научным руководством впервые вышел сборник «Труды молодых филологов»; в течение 10 лет (2005–2015) руководила Международным круглым столом по актуальным проблемам евразийского фронта в рамках конференций «Россия — Азия», в том числе «Национальное самосознание и глобализация» (Улан-Удэ, 2005), «Менталитет и образование» (Улан-Батор, 2006). Долгие годы являлась членом Ученого совета филологического факультета, Ученого совета БГПИ–БГУ, членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций по русской литературе и литературе народов России, научным руководителем направления «Теоретические аспекты изучения регионального научного текста».

С. И. Гармаева, Педагог с большой буквы, профессионально подготовленный преподаватель и наставник-воспитатель молодых, глубокий исследователь литературы и литературного процесса, пользовалась заслуженным уважением среди студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников не только филологического факультета, Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций (ныне Институт истории и филологии), но и всего Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, а также российских литературоведов, исследователей национальных литератур Сибири, высоким авторитетом и искренней любовью среди учителей-практиков.

Заслуги С. И. Гармаевой оценены по достоинству. За многолетний добросовестный труд она была удостоена званий «Отличник высшей школы СССР» (1987), «Заслуженный работник образования РБ» (1999), «Заслуженный работник БГУ» (2015), знака «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР» (1991), золотого почетного нагрудного знака РБ (2012), награждена Почетной грамотой Народного Хурала РБ (2007).

Светлана Искровна была замечательной дочерью, сестрой, женой, мамой, бабушкой.

В начале 1960-х годов встретила любимого человека — Льва Хуриновича Хилханова. Он работал главным специалистом «Бургражданпроекта», проектировал здания по всей территории Сибири и Дальнего Востока. В 1964 году родился сын Доржи, который,

окончив исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работал в Восточно-Сибирском государственном институте культуры (г. Улан-Удэ), где прошел путь от преподавателя до проректора по научной работе. Как и мама, стал ученым, доктором социологических наук. В настоящее время является профессором Московского городского педагогического университета. Его супруга Эржен Владимировна Хилханова также доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. У Светланы Искровны две внучки: Аюна — переводчик, Алтана — будущий дизайнер. Младший брат Лев Искрович Гармаев, как и сестра, много лет работал в БГУ, преподавал английский язык, был любим студентами, пользовался большим авторитетом среди коллег.

Вся жизнь С. И. Гармаевой является примером бесконечной преданности выбранному делу и служения людям.

© *И. В. Булгутова*

Теоретико-методологические подходы С. И. Гармаевой в изучении литератур народов РФ

Свою статью, посвященную научному вкладу С. И. Гармаевой, доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, отличника высшей школы СССР, заслуженного работника образования Бурятии, внесшего большой вклад в развитие литературоведения народов РФ, я как филолог, который с первого курса филологического факультета БГПИ имени Д. Банзарова учился азам литературоведения у Светланы Искровны, хотела бы предварить словом учителю от лица его благодарных учеников.

Светлана Искровна Гармаева начала работу в БГПИ–БГУ в 1973 году и, проработав на протяжении нескольких десятилетий, внесла огромный вклад в подготовку филологических кадров нашей республики, в становление и развитие профессионального филологического образования. Как преподаватель, который вел теоретические дисциплины на первом и выпускном курсах, Светлана Искровна формировала у своих студентов умение самостоятельно мыслить и

рассуждать, ставить проблемные вопросы и отвечать на них. Ее лекции стали для многих поколений филологов нашей республики настоящей школой мастерства литературоведческого анализа, формировали системное научное мышление, определяли личностное становление профессионального филолога. И в том, что сегодня мы можем говорить о филологической школе в нашем университете, есть огромная заслуга и вклад С. И. Гармаевой. И нам, ее студентам, очень повезло учиться литературоведению у педагога и ученого большого масштаба.

Трудно переоценить вклад С. И. Гармаевой в развитие бурятского литературоведения и в изучение литератур народов РФ в целом. Ей как ученому всегда был присущ системно-обобщающий взгляд на явления и процессы, что отразилось уже в первой научно-квалификационной работе — диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии» [1].

Сравнительно-типологическое изучение национальных литератур позволяет ученому провести ряд обобщений, вывести и проследить основные тенденции в развитии прозы, выявить закономерности литературного процесса. Этот подход, сформулированный в кандидатской диссертации, определил дальнейшее направление научных поисков исследователя.

В литературоведении советского периода доминировал социологический метод, что особенно очевидно прослеживается в изучении литератур народов РФ. Это сказывалось в преимущественном интересе к отражению реалий действительности, выявлению классового конфликта, оценке личности с учетом таких параметров, как классовость и партийность, роли идеологического фактора в идейно-художественной системе произведения, порой в ущерб определению художественно-эстетической ценности самих произведений. Тем не менее, литературе, как известно, в советское время уделялось много внимания как фактору, способствующему формированию определенных общественных взглядов, свидетельством чему является работа с организацией писателей, развитие литературной критики и т. д.

Переломное время 90-х годов XX века — время переосмысления наследия советской эпохи — изменило вектор исследовательских направлений в целом в сфере социально-гуманитарных наук, в том числе и в национальном литературоведении. Так, наш ведущий ученый-литературовед В. Ц. Найдаков в 1996 году опубликовал монографию о бурятской литературе в период с 1917 по 1995 годы, которую назвал «Становление, развитие и распад бурятской советской литературы» [2].

Распад «бурятской советской литературы» не означал, конечно, распада самой «бурятской литературы». Это время исторического перехода обусловило поиски определения национальной идентичности народов и новые поиски бурятского литературоведения в изменившихся социокультурных условиях. Новый этап бурятского литературоведения ознаменовали диссертационные исследования С. Ж. Балданова (1995), С. И. Гармаевой (1998), Б. Д. Баяртуева (2001). Если работы С. Ж. Балданова и Б. Д. Баяртуева посвящены традициям художественной словесности бурят, их фольклорным истокам по преимуществу, то работа С. И. Гармаевой «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст» представляет собой осознание литературного процесса Бурятии с новых методологических позиций. Общеметодологический принцип рассмотрения литературных произведений в широком контексте, свойственный научным принципам С. И. Гармаевой, позволил ученому определить и выявить мировоззренческие факторы, определяющие развитие бурятской национальной культуры. В основе научного труда, по словам исследователя, «теории эволюции и космизма, теория этногенеза, идея евразийства и пассионарного напряжения» [3, с. 3], они конкретизируются понятиями в области поэтики и литературных направлений, «открывшимися возможностями осознания религии и религиозоведения» [3, с. 3].

Научная новизна авторского подхода прослеживается уже в самой структуре монографии С. И. Гармаевой «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века». В советское время в анализе литератур народов СССР были выработаны различные концепции, в частности, концепция их ускоренного, интенсивного развития, что отразилось, например, в терминах «новописьменные», «младописьменные» литературы. Материал бурятской литературы,

которая к таковым не относится, дает возможность для обобщений другого ряда, для выстраивания соотношения этнического, национального и универсального. Прослеживание «национальной поэтики в ее эволюционном движении на этногеографическом уровне дает возможности подойти к определенному типологическому ряду, подготовить тем самым вхождение тюрко-монгольского ареала в еще более общие системы» [3, с. 5].

Идеи евразийства в методологии работы С. И. Гармаевой прослеживаются в определении национальной специфики бурятской культуры в целом и литературы в частности. Считая, что этногенез по преимуществу «явление природное, формирующееся особенностями географии, климата и ландшафта в целом» [3, с. 6], С. И. Гармаева выдвигает тезис о том, что бурятская культура складывалась, с одной стороны, «под влиянием степной стихии и мира кочевника, с другой стороны, традиций оседлости и земледелия» [3, с. 6]. Мысль о том, что «Бурятия этнически и географически оказалась в центре соединения Запад–Восток» [3, с. 6], позволяет исследователю рассматривать национальную литературу в широком контексте. При обращении к уровню мифопоэтической модели мира ученый делает обобщения, выводящие за границы литературы Бурятии в ареал тюрко-монгольского мира. Сама мысль о географическом детерминизме, которая раскрывается в первой главе работы С. И. Гармаевой, вызывала споры, и рецензенты, в частности, известный монголовед Л. К. Герасимович писала об опасности ее абсолютизации, отмечая при этом, что литературоведческий анализ С. И. Гармаевой гораздо шире и учитывает многие факторы, «формировавшие художественное сознание бурят» [4, с. 140].

Мысль о важности религиозных воззрений и мотивов в формировании художественного мышления народа, выраженная С. И. Гармаевой, становится возможной в литературоведении народов РФ лишь на рубеже XX–XXI вв. И это очень важный шаг в самосознании народа.

Исследование жанровых особенностей литературы, в частности, романного мышления, находится в основе типологии собственно писательской, авторской философии. Взлет романа в бурятской литературе в 50–60-е гг. XX века так же, как и выделенные ранее модели, по мысли исследователя, становятся отражением «вспышек пассионарной энергии» [3, с. 9].

В центре внимания исследователя уже не социальные процессы в первую очередь, а элементы национальной картины мира в их взаимосвязи; социологический вектор сменяется и приближается уже к принципам культурно-исторической школы, толкующей литературу как выражение духовной жизни народа. При этом внимание к природным факторам, к геоландшафтным особенностям, к условиям, в которых формировался народ и его культура, определяет обращение литературоведа к этнографическим реалиям, анализу того, как они начинают реализовываться в образной системе художественных произведений. Таков анализ образов юрты, степи, огня, очага, сделанный литературоведом на материале многочисленных произведений бурятской литературы. Анализируется и выявляется семантика этнографических реалий и образов в художественном произведении и рассматривается образ человека. Мысли С. И. Гармаевой во многом созвучны рассуждениям Г. Гачева о том, что «каждому народу и его мыслителям как бы врождены Бытием определенные идеи=видения, интуиции, схемы, модели, в которых ему свойственно представлять все явления» [5, с. 42]. Обращение к анализу и выявление эстетического потенциала легенд и преданий, включаемых автором в композицию произведений, — важная часть научного наследия С. И. Гармаевой.

Обоснование ученым буддийской модели мира в бурятской литературе заслуживает отдельного разговора. Новаторским для бурятского литературоведения был подход, когда исследователь рассматривает концепцию человека в бурятской литературе в контексте буддийской философии. «Основная концепция буддизма — человек — это вселенная», — отмечает исследователь в своей монографии [3, с. 74]. По его мнению, «общечеловеческая сущность канонов буддизма, их философская, нравственно-этическая основательность определяли их востребованность литературой» [3, с. 75]. С. И. Гармаева рассмотрела в таком контексте отдельные темы и мотивы, такие, как мотив гонимости, странствий, страдания в романах Д. Батожабая «Похищенное счастье», А. Бальбурова «Поющие стрелы», повестях Ч. Цыдендамбаева «Бурятка», Н. Очирова «Найденыш» и др. Исследователь обращается и к типологии образной системы произведения, прослеживая, в частности, эстетику богатства или же давая типологию женских образов в бурятской

литературе, выделяя, с одной стороны, «образ элегически-покорной жены», а, с другой, «социально-активный характер» [3, с. 117].

Все выделяемые С. И. Гармаевой положения, концепции и тезисы нашли свое развитие в дальнейшем в трудах следующего поколения бурятских литературоведов. Профессор С. И. Гармаева руководила на протяжении последних десятилетий одним из важных направлений научной работы кафедры литературы (затем кафедры зарубежной литературы, далее русской и зарубежной литературы) — «Теоретические аспекты изучения регионального научного текста»; а также международным круглым столом по актуальным проблемам евразийского фронта в рамках конференций «Россия — Азия». Именно Светлана Искровна Гармаева была идейным вдохновителем конференций по евразийскому фронтиру в литературе, так как сами теоретико-методологические подходы были сформулированы в ее диссертационном исследовании.

Определение специфики евразийской модели в литературе региона, взятой в широком контексте, было важным направлением научной мысли С. И. Гармаевой. Отправная точка многих рассуждений исследователя — идея глобализирующегося мира. При этом ученым осознается, что важная задача в этом процессе — сохранение национальной идентичности. «Вот это „лица необщее выражение” в нашем глобализированном мире очень нелегко сохранить. Сохранить трудно еще и потому, что мы сегодня вступаем в евразийскую модель мира, то есть соединяем в себе две цивилизации, две культуры. Особенно это актуально для Бурятии. Если Великий Шелковый путь проходил через Среднюю Азию, то Великий Чайный путь проходил через нашу Бурятию. Бурятия является связующим звеном этих двух цивилизаций», — отмечала С. И. Гармаева [6, с. 43].

Как ученому и как преподавателю теоретических дисциплин профессору С. И. Гармаевой было свойственно системно-обобщающее мышление, способность проводить обобщения широкого масштаба, был характерен интерес к методологии в целом. В этом плане интересна попытка осмыслить философские каноны буддизма в гуманитарной деятельности, осознание буддийского принципа Срединного пути применительно к идее евразийства. Осознавая сложность развития национальной культуры на стыке разных влияний, необходимость формирования определенных

условий для диалога, С. И. Гармаева, трактуя буддизм не только как религию, но и как философию, размышляла о потенциале буддийской идеи срединности как способе найти баланс и гармонию.

Большой образовательный и воспитательный потенциал профессор Гармаева видела в каноне кармы, каноне осознания ценности человеческой жизни и в каноне страдания [7, с. 28]. Мысль Далай-ламы XIV о новом синтезе разных сфер общественного познания в XXI веке находит отражение в размышлениях ученого.

При всей масштабности методологических поисков как литературовед С. И. Гармаева располагала своим арсеналом излюбленных приемов и средств: в первую очередь, это композиционный анализ, затем анализ символических деталей. Мастерство литературоведческого анализа выражалось в совершенном владении как дедуктивным способом научного познания, так и индуктивным. У слушателей лекций, публичных устных выступлений С. И. Гармаевой всегда вызывала восхищение ее способность делать масштабные обобщения, выстраивать концепции и в то же время умение идти от отдельных деталей и элементов произведения к общему панорамному взгляду на явления и процессы.

Научное наследие С. И. Гармаевой раскрывает литературный процесс, протекающий в рамках одной национальной культуры не локально, а в широком социокультурном контексте. Это позволяет применить выявляемые ученым закономерности в литературах разных народов, находя и выявляя общность пути формирования, начиная от истоков.

Литература

1. Гармаева С. И. Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.03. Москва, 1973. 158 с.
2. Найдаков В. Ц. Становление, развитие и распад бурятской советской литературы (1917–1995). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 106 с.
3. Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века (опыт сравнительного анализа литератур тюркомонгольского ареала) : монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 170 с.
4. Герасимович Л. К. [Рец. на кн.: Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос.

ун-та, 1998] // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 6: Филология. 1999. Вып. 3. С. 139–141.

5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. Москва: Академия, 1998. 432 с.

6. Гармаева С. И. Идеи ламы Д.-Х. Самаева как основа нравственного воспитания молодежи // Экология, духовные и социально-экономические перспективы развития Байкальского региона : материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2011. С. 42–45.

7. Гармаева С. И. Глобализация и эталон обучения в национальном вузе // Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты: материалы I межвузовской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора В. Б. Махатова (28–30 марта 2009 г.): в 2 частях. Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад үнэн», 2009. Ч. 1. С. 26–28.

Ст. опубликована в Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 2. С. 3–8.

© Л. К. Герасимович

**Рецензия на монографию С. И. Гармаевой
«Типология художественных традиций
в прозе Бурятии XX века»
(Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998)**

В монографии С. И. Гармаевой затрагивается, рассматривается или просто обозначается гораздо более широкий круг проблем, многие из которых либо недостаточно изучены, либо вовсе обойдены вниманием исследователей литератур Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Автор работы предпринимает весьма успешную попытку выявить исторические и эстетические корни возникновения и становления этих литератур, основываясь при этом на достижения современной филологии, эстетики и культурологии с учетом конкретного историко-культурного контекста бурятской литературы.

В этой связи представляется очень важным тезис о необходимости выявить в данной национальной литературе как традиционное, так и универсальное начало, включающее конкретную литературу в общий интеграционный процесс.

Представленная монография бесспорно вносит свой вклад в ряд типологических исследований об устойчивых этнохудожественных символах. На примере бурятской прозы XX в. автор исследует целый комплекс проблем типологии художественных традиций национальной поэтики.

Задачу первой главы монографии автор видит в «рассмотрении процесса наполнения старых структур и мотивов новым жизненным содержанием» (с. 181). Вполне обоснованно подчеркивая важность природной Среды, ландшафта как неперемного условия формирования этнической культуры, автор счел возможным (со ссылкой на отнюдь не бесспорную теорию этногенеза, предложенную Л. Н. Гумилевым) говорить о географическом детерминизме. Думается, вряд ли стоило от одной крайности — характерного в течение многих десятилетий для отечественного обществознания принижения роли географической Среды — впадать в другую — абсолютизацию последней. К тому же в своем литературоведческом анализе сама С. И. Гармаева обращается и к другим факторам, формировавшим художественное сознание бурят.

Автор выделяет в национальной картине мира несколько типологических компонентов бурятских этнографических реалий, определяющих типологию национальной модели. Особое значение она придает юрте, «соединившей в себе этническую специфику с общечеловеческими представлениями» (с. 29). Именно в ее образной содержательности берут свое начало многие компоненты поэтики. С. И. Гармаева доказывает свой тезис чрезвычайно обстоятельно, убедительно и подробно. Ее доводы основаны не на простом перечислении фактов, а на концепции бытия человека, связанной с религиозными и другими понятиями о мире.

Автор монографии совершенно справедливо отмечает (и это важно для понимания общего литературного процесса), что, если бурятский роман 50-х гг. изобиловал чрезмерно подробными этнографическими описаниями, то в дальнейшем писатели научились извлекать из этнографических реалий их знаковую сущность, превращая деталь в образ.

Очень интересно и живо проанализирована содержательная суть и других поэтических моделей (коновязь, степь, конь, огонь). Автор монографии приводит уместные и убедительные примеры из бурятской и других регионально близких литератур. Отметим лишь, что

огонь в современной монгольской литературе трансформировался в модель очага — символа семьи, наследия предков.

Вторая проблема, рассматриваемая в первой главе, касается типологии традиций в рамках национальной картины мира, которые связаны с фольклором и его литературным освоением. Главным объектом творческой взаимосвязи фольклорной и литературной традиций становится человек. Самое сложное при переходе к принципиально новой типизации художественного образа состоит в умении писателя преодолеть одномерность фольклорного героя и создать психологически достоверный человеческий характер. В бурятской литературе (монгольской и многих других) существовал как бы переходный период (30–40-е гг.), когда положительный литературный герой характеризовался одной, наиболее близкой к традиции положительной чертой — богатырством. Проза как по форме, так и по содержанию оставалась близкой к фольклорной этике. Автор монографии достаточно убедительно проанализировала все тонкости этого процесса, проиллюстрировала свою концепцию рядом убедительных примеров из бурятской прозы.

Самостоятельный интерес представляют научно-плодотворные суждения С. И. Гармаевой о типологии отступлений в художественной прозе Бурятии и документализме как специфической черте исторических, философских и религиозных отступлений. Генетические корни документализма современной бурятской прозы автор справедливо видит в древнейших памятниках монгольской культуры, исторических летописях, хрониках и, конечно же, в «Сокровенном сказании».

Однако (возможно, из-за неточности формулировки) вызывает возражение определение «Сокровенного сказания» как одного из главных жанров традиционной документалистики. Характер памятника вызывал оживленную дискуссию ученых: П. Кафаров считал его исторической хроникой, В. В. Бартольд возражал из-за неопределенности и запутанности хронологии, однозначно относя «Сокровенное сказание» к богатырскому эпосу, Б. Я. Владимирцов определял как «историю-хронику, написанную эпическим стилем», монгольский ученый М. Гаадамба вообще считал «Сокровенное сказание» памятником художественной литературы.

Если в первой главе монографии говорилось о тяготении форм и поэтики бурятской прозы XX в. к фольклору, то вторая глава выде-

ляет ту доминанту, которая обуславливает особенности этнопсихологии бурят. Таким определяющим фактором, по мнению автора, является буддизм. Концепция главы сводит все идейно-содержательные и художественные особенности бурятской прозы к иллюстрации буддийской модели мира. Исследуя конкретный литературный материал, автор приходит к выводу об особом значении в бурятской литературе (но не монгольской — Л. Г.) буддийского учения о карме и причинно-следственной зависимости, которое оказало влияние на формирование романного жанра, в частности его сюжетостроения.

Несомненно, что данная монография обогатит литературоведение новыми аспектами, позволит расширить диапазон научных поисков. Она нужна сегодня тем, кого интересует судьба национальных литератур России.

Ст. опубликована в: Вестник Бурятского государственного университета. Серия 6: Филология. 1999. Вып. 3. С. 139–141.

© Г. Ц. Бадуева, В. В. Башкеева

О научной конференции «Типология художественных традиций в литературе», посвященной профессору С. И. Гармаевой (1938–2022)

30–31 марта 2023 года в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова на базе Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Типология художественных традиций в литературе», посвященная 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, отличника высшей школы СССР, заслуженного работника образования РБ и БГУ Светланы Искровны Гармаевой. Соорганизаторами выступили Министерство образования и науки Республики Бурятия, Тувинский государственный университет, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Конференция прошла в смешанном формате (очный, онлайн, дистанционный). На пленарном заседании с приветственным словом выступили министр образования и науки РБ В. А. Поздняков; ректор БГУ имени Доржи Банзарова А. В. Дамдинов; проректор по научно-исследовательской работе В. В. Номогоева; директор ИФИЯиМК Э. В. Семенова; сын и сестра С. И. Гармаевой профессор МГПУ Д. Л. Хилханов, Т. Н. Сенгеева; ученица С. И. Гармаевой, председатель оргкомитета конференции Г. Ц. Бадуева.

В пленарном докладе д. филол. н. И. В. Булгутовой «Теоретико-методологические подходы С. И. Гармаевой в исследовании литератур народов РФ» речь шла о вкладе юбиляра в изучение литератур народов России. Были выделены методологические идеи ученого: значение мифопоэтических традиций; осмысление философских канонов буддизма, в том числе буддийского принципа Срединного пути, для анализа литературы; определение национальной специфики бурятской литературы и культуры как перекрестка в художественном диалоге Востока–Запада; придание особого значения литературе реализма как закономерному и высокому этапу в развитии национальных литератур.

В методологическом докладе д. филол. н. В. В. Башкеевой «Типология художественных традиций в русской литературе Нового времени в связи с историческим процессом» было показано, что евразийский подход в ситуации культурного доминирования Запада позволяет интерпретировать русскую и другие литературы прежде всего как национальные с акцентированием уникального, особенного, того, что составляет своеобразие литературы. При таком подходе формируются собственный научный объект и особый методический инструментарий.

Евразийская точка зрения позволяет поставить вопрос о крупных культурно-исторических циклах в развитии истории и литературы и следующих из этого проблемах периодизации и классификации как важнейших инструментах историко-литературного анализа. Выделены два витка повторений историко-литературных периодов в русской литературе: классицизм — реализм XIX века — социалистический реализм; романтизм — модернизм — постмодернизм. Для данной дихотомии характерно абсолютное, сущностное (эссенциальное) противопоставление ценностных парадигм в философии и в литературе.

Пленарные доклады вызвали большой интерес и задали векторы научной дискуссии.

Работа конференции, рабочими языками которой стали русский и монгольский, прошла в шести секциях. В обсуждении выдвинутых проблем приняло участие 105 исследователей. Обширная география научного собрания: Улан-Батор, Шанхай, Чжэньцзянь, Тяньцзинь, Чжанцзякоу, Улан-Удэ, Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Абакан, Кызыл, Горно-Алтайск, Новокузнецк, Красноярск, Томск, Екатеринбург, Челябинск, Якутск, Элиста, Калуга, Курск, Волгоград и др. города, — включила не только Россию, но и Китай, Монголию, отразила масштабы евразийского континента, создав тем самым базу для более полного анализа художественных традиций.

В секции «Типология литературного процесса в национальной культуре» (председатель д. ф. н. проф. В. В. Башкеева) в центре внимания были нравственно-этические проблемы (Э. Г. Сангадиева, Е. Д. Монгуш, Х. Г. Цыденова, Г. Ц. Бадиева), жанровые и типологические вопросы (И. П. Цыренова, Б. Б. Шагдарова), проблемы этнической идентичности в малых жанрах фольклора (Л. С. Дампилова), интертекстуальности (Д. В. Дашибалова, А. В. Исаков), исторической поэтики тувинской литературы, тувинской женской поэзии, драматургии (У. А. Донгак, М. А. Кужугет, А. Х. Херел), давалась интерпретация отдельного текста (М. Ц. Цыренова). Участники отметили важность проведения конференций по проблемам художественной типологии.

В секции «Художественный мир национального писателя» (председатель д. ф. н. доц. И. В. Булгутова) обсуждались вопросы национальной специфики искусства, особенности национальной картины мира на примере произведений бурятских, монгольских, тувинских, хакасских, калмыцких, алтайских и др. авторов (Ц.-Ж. Жимбиев, Д. Улзытуев, В. Липатов, В. Гармаев, А. Гатапов, А. Лыгденов, С. Доржиев, Д. Нацагдорж, Д. Бодоо, Д. Торбат, Ч. Лодойдамба, Г. Аюрзана, Б. Лхагвасурен, В. Монгуш, Н. Куулар, М. Туран, Л. Чебодаева, М. Хонинов и др.), проблемы поэтики, в том числе жанра, мотива, образности, пейзажа, мифопоэтического контекста, вопросы перевода и др.

Участники секции «Русская литература XIX–XX веков в диалоге культуры» (председатель д. ф. н. проф. Т. В. Затеева) обсудили доклады, посвященные вопросам жанрового своеобразия, ценностного

мира русской словесности, мотивам и образам в произведениях писателей XIX–XX веков (А. О. Мандрик, М. С. Яклюшина, Т. Б.-Д. Сангажапова, Т. Е. Рубцова, С. В. Мельникова и др.), вопросам художественной традиции, художественной и литературоведческой рецепции творчества русских писателей (Н. В. Ковтун, Т. В. Затеева, М. А. Бурцева, Е. А. Полева, Лю Чжицян, Ван Чжуанчу и др.). Доклады по русской литературе оказались значимыми не только по охвату проблем и имен, но и с точки зрения многообразия исследовательских стратегий, позволяющих открывать новые смыслы.

Представленные на секции «Художественная картина мира в современной русской литературе» (председатель к. ф. н. доц. Ю. М. Брюханова) доклады содержательно соотносились друг с другом: типологические связи рассматривались в контексте образной системы (И. Б. Ничипоров, Ю. М. Брюханова, Е. П. Березкина), мифопоэтики, ценностных категорий (О. П. Величко, Е. О. Новикова, Чжао Синь), повествовательной стратегии (С. С. Имixelова, М. Л. Штуккерт), что позволило обозначить единое проблемное поле, отраженное в произведениях современных авторов и связанное с потребностью самоидентификации современного человека (в мире, в истории, в индивидуально-личностном пространстве).

В работе секции «Преподавание русской литературы и литератур народов РФ в школе и вузе» (председатель к. пед. н. И. Б. Костина) приняли участие учителя школ республики. Они рассмотрели методические аспекты изучения концептов, бродячих сюжетов, образов (С. В. Васильева, Э. Д. Цыдыпова и др.), а также методические проблемы преподавания национальных литератур, в том числе русской и бурятской (И. Б. Костина, Э. С. Доржиева, Д. Э. Бальжинимаева, Т. С. Ломакина и др.).

Тематика докладов, представленных на секции «Языковые особенности художественной литературы» (председатель д. ф. н. доц. Д. Ш. Харанутова), была разнообразной. Внимание уделялось своеобразию языка художественной литературы, рассмотренного в рамках творчества отдельного писателя (А. В. Крипак о А. Вампилове, Ю. В. Косицына о шорском писателе Ф. С. Чистякове), выявлялась роль выразительных средств в раскрытии художественных образов (В. М. Телякова, Н. А. Винокурова и др.), рассматривались проблемы импликации, деэтимологизированных и деспециализированных буддийских терминов, категории пустоты в художественном тексте

(Д. Ш. Харанутова, Л. Б. Будожанова, Е. А. Барданова). Большая часть докладов характеризуется обращением к Национальному корпусу русского и бурятского языков.

Таким образом, изучение национальных художественных традиций как важнейшего фактора, влияющего на ход литературного процесса, позволило рассмотреть особенности поэтики отдельных произведений, проследить жанрово-стилевые искания писателей. Предпринята попытка типологического освещения литературных явлений различного порядка, обобщены результаты исследований в области национального фольклора, литературы, языка, намечены перспективы дальнейшего изучения литератур народов РФ и развития типологических исследований в литературоведении.

Ст. опубликована в: Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 89–91.

ПРИВЕТСТВИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

От имени профессорско-преподавательского состава Тувинского государственного университета и от себя лично сердечно поздравляю коллектив Бурятского государственного университета с проведением Всероссийской научной конференции с международным участием «Типология художественных традиций в литературе», посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора С. И. Гармаевой.

ТувГУ является соорганизатором данного масштабного научно-мероприятия, которое объединит студентов, молодых специалистов и маститых ученых, занимающихся научно-исследовательскими проектами в области национальной литературы, фольклора и культуры народов России.

Всероссийская конференция посвящена памяти блестящего ученого, талантливого педагога Светланы Искровны Гармаевой, внесшей огромный вклад в развитие не только бурятской, но и отечественной науки. Это знак глубокого уважения и общественного признания ее заслуг.

Светлану Искровну называют мудрым наставником, глубоким исследователем, легендой филологического факультета Бурятского государственного университета, большим ученым, который оставил после себя богатое научное наследие. Задача современных исследователей — продолжать и развивать его.

Важно, что научная конференция будет способствовать осмыслению значения фольклорных традиций и самобытной литературы в развитии духовной культуры народов России, изучению просветительской деятельности классиков национальных литератур.

Пусть конференция станет площадкой для широкой дискуссии, местом рождения новых научных проектов, договоренностей и замыслов. Желаю успешной и плодотворной работы, успехов и благополучия!

О. М. Хомушку

ректор Тувинского государственного
университета, профессор

Сегодня нас всех объединила конференция, посвященная памяти замечательного педагога, ученого, светлого человека, легенды филфака БГУ — многоуважаемой Светланы Исковны Гармаевой. Хочется надеяться, что эта конференция станет традиционной и будет собирать литературоведов Сибири в Улан-Удэ.

Как-то еще с трудом верится, когда мы говорим «памяти Светланы Исковны». Ее голос звучит в наших сердцах. И будет звучать, пока мы ее помним! Память о ней пусть придаст нам сил служить верно науке, своей Отчизне и своему народу, как это преданно делала Светлана Исковна на протяжении всей своей жизни.

Замечательно, что конференция собрала участников из разных регионов, исследователей как русской литературы, так и литературы и фольклора народов Сибири. Считаю, что обсуждение проблем, обозначенных в докладах участников конференции, непременно станет полезным и важным для науки, для дальнейших исследований в области фольклора, литературы народов Сибири и России, и в дни конференции рождаются новые перспективные идеи в области сотрудничества между нашими организациями и коллегами по духу.

Очень рада видеть в программе конференции в качестве докладчиков имена учеников Светланы Исковны и коллег, которые как-то были связаны с ней или причастны к деятельности Бурятского государственного университета. Среди них и я, защитившая кандидатскую диссертацию в стенах БГУ. Выражаю огромную благодарность коллегам из БГУ за их благородный труд!

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, творческой результативной дискуссии, оптимизма и приобретения дружеских контактов! Надеюсь, что конференция в стенах БГУ станет местом для дальнейших интересных и плодотворных встреч.

Н. С. Майнагашева

директор государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения Республики Хакасия «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», кандидат филологических наук

Выражаем благодарность сотрудникам ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» за организацию и проведение Всероссийской научной конференции с международным участием «Типология художественных традиций в литературе», посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора С. И. Гармаевой.

Изучение роли традиций в развитии национальных литератур на современном этапе является интересной, актуальной и перспективной темой для обсуждения. Неоценим вклад в эту и другие сферы литературоведения доктора филологических наук, профессора Светланы Искровны Гармаевой, памяти которой посвящено данное научное мероприятие.

Труды С. И. Гармаевой оказали значительное влияние на осмысление особенностей литературного процесса региона. В 1973 году она защитила кандидатскую диссертацию «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии», а в 1998 году — докторскую диссертацию «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст», положившие прочную основу для изучения прозаических жанров в бурятской, хакасской, тувинской, алтайской литературах. Труды ученого, изданные по этим и другим темам, до настоящего времени являются востребованными и уникальными в своем роде.

Только кропотливый труд и настоящая любовь к своему делу дают столь значительные результаты. Светлая память об ученом, талантливом педагоге-наставнике навсегда останется в наших сердцах.

Сотрудники отдела филологии научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск)

Светлана Гармаева:
**«В XXI веке человек не будет зависеть
от экономических обстоятельств...»:**

[беседа с доктором филологических наук, профессором
С. И. Гармаевой] / зап. Б. Сибиданов

Они говорят. Иногда много, иногда глубокомысленно, но никогда — зря. Потому что они больше, чем кто-либо, знают, что слово есть смысл. Они преподаватели русского языка, преподаватели литературы. Филологическому факультету Бурятского государственного университета в этом году исполняется 80 лет.

Юбилейного разговора не вышло. Наша героиня, Светлана Гармаева, доктор филологических наук, профессор, казалось, была не слишком настроена на обычную в таких случаях тему достижений и побед. А может, и правильно: может, главный труд и главная миссия мастеров Слова — увидеть и рассказать нам то, что скрыто от большинства?

— **Как вы оцениваете развитие факультета?**

— Конечно, в целом развитие факультета как всякое развитие было поступательным. Так или иначе, что-то наживающим, обогащающим. Это был по-ступа-тельный процесс. Он не лучше и не хуже, он богаче. Всякая поступательность предполагает это — «богаче». Это есть, это налицо. Однако коррективы поступательности связаны с двумя обстоятельствами: лицом студента, своеобразием студента и, наверное, самой жизнью...

— **А как же личность преподавателя?**

— От личности преподавателя требуется сегодня что-то такое, что не требовалось от него лет пятнадцать назад. Но преподаватель становится более приземленным в этом процессе.

— **Да, жизнь изменилась. И что же, на ваш взгляд, повлияло на нее больше всего?**

— Духовный кризис. Он делает жизнь преподавателя и студента более трагичной. Все время приходится разрешать практически неразрешимые проблемы.

— **То есть жизнь студента трагична? А я, например, как-то не замечал этого...**

— Раньше студент отпрашивался, чтобы занять очередь в буфете. Потому что это было доступно и это было возможно. Сегодня

буфеты пустуют. Значит, сегодня студент не очень обладает этими возможностями. Если он даже приходит, то берет порцию картошки или риса пустого... И поэтому на этом фоне благоденствовать, говорить, что мы растем, что мы становимся лучше как преподаватели, как студенты — кощунственно. Все равно живешь с ощущением наших кризисных реалий.

— **И это наследие девяностых?**

— И «перестройки», и девяностых. Но самое главное, несмотря на это, а может быть, на фоне этого острее ощущаешь — главное: отсутствие человеческого в человеке. Тот сбой, который мы дали, в перестройке, переделке социума, в более ужесточенном виде проявляется в наше время.

— **Если сравнить начало прошлого века с днем сегодняшним: там тоже трагические события, кровь, революция, гражданская война... Мы можем говорить, что эти времена похожи?**

— Мы не можем так говорить, потому что это за нас сделал ход истории: времена повторяются. В конце века либо в его начале эти взрывные состояния, которые отражаются на духовном состоянии, повторяются. И, к сожалению, мы не должны слишком роптать, что нам плохо. Мы должны понимать, что это закономерный этап, и мы его должны достойно прожить, не ноя, не жалуясь...

— **Иначе говоря, современный филолог должен терпеть?**

— И создавать...

— **У Андрея Макаревича в песне есть такие строчки: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас»...**

— Но у него же есть и другие: «Чтобы войти в струю, нужно заткнуть свою»... Образование, к сожалению, не способствует этому. Например, ЕГЭ — это форма глубокого зомбирования.

— **Иначе говоря, эпоха трагична...**

— И кризис развивается по всем направлениям. Он обусловлен, конечно, изломом веков, но еще и не возникает осознания, взаимосвязи. И это осознание связано с тем, что нужно делать человека.

— **А как вы оцениваете национальные отношения?**

— Мне кажется, у нас нет национального процесса, нет национальной идеи, даже русской идеи нет. Она только начала вызреть у Пушкина, как тут же была разрушена самим же Пушкиным. Биологическим уничтожением Ленского и духовным — Лариной. Ну и,

кроме того, глобализирующийся мир не дает взреть идее. И эти разговоры о толерантности... Смотря телевизор, вы же не видите, что живете в многонациональной стране? Не видно, что она многонациональна. Более того, нации настолько нивелировались, что... Но я не считаю, что это плохой процесс... Даже когда национальностям дают возможность какого-то возрождения, они использовать этого не могут. Ну, вот буряты кричат на всех углах, что вот пришли русские, отняли у нас культуру, мол, языком не владеем, обычаи наши все убрали, а сами ничего не делают даже на уровне интеллигенции... И в этом отношении в семьях еще не началось самосознание идентичности, которое заставило бы заниматься. Все идет пока на уровне выживания.

— **И в этих условиях каковы перспективы возрождения нашей духовности?**

— Возрождение неминуемо. Потому что ситуация настолько экстремальна, что так долго продолжаться не может. После всяких разрушительных действий должно прийти созидание.

— **Мы уже достигли дна, чтобы выбраться из ямы?**

— Да. Мы достигли дна и достигли кульминации в осознании духовного кризиса. Мы понимаем, что происходит. Было время, когда мы не понимали. Духовное состояние неминуемо будет возрождаться. Сейчас важно предугадать формы и заложить те национальные доминанты, которые дадут нам полноценно возрождаться, то есть буряту быть бурятом, монголу быть монголом, якуту быть якутом, японцу быть японцем, христианину быть христианином, а буддисту быть буддистом. Как это? Вот над этим надо задуматься. Потому что ломать — не строить, ломать всегда легче, а строить всегда... Когда мы стоим перед проблемой созидания, перед нами вопросов гораздо больше.

— **Как бы социальные потрясения вновь не обрели нас...**

— Наступит момент, когда социальное не будет таким важным. Интеллектуальные возможности человека XXI века настолько мощные, что они не дадут возможности попасть в зависимость от экономических обстоятельств. Даже мы, дети войны, преодолевали же нищету, бесправие, голод. А этот процесс должен усилиться. Сегодня, вы же видите, люди идут учиться, даже на платное, несмотря на то, что это, может, не так комфортно. Неминуемо преобладание интеллектуального. Но вот в каком виде это сегодня, нужно задуматься.

маться. Надо, чтобы национальная идея была, чтобы гуманизм, присущий русской литературе, продолжался... И потом, какое из этих четырех «С» является главным? Четыре «С» — это Свобода, Страдание, Сострадание, Совесть. Может быть, Со-страдание усилить? Может быть, Со-востливость? То, что религиозные каноны работают на них, это да. Но человеку нужно выбрать одно из этих гуманистических слагаемых, что-то ведущее. Мне кажется, сегодня нужно больше учить Со-страданию и Со-востливости, чего нам не хватает сегодня. Страдать мы все умеем, бороться за свободу, освобождаться от чего-то мы все умеем, научились в период революций: всяких пореформенных, перестроечных ситуаций, а вот Со-страдать, быть Со-востливым...

— **А это очень трудно...**

— Без этого нельзя. Без этого не может быть современное гуманистическое общество, тем более, что оно должно быть планетарно мыслящим, космически сознательным. Как вы будете жить, если вы не будете жалеть сирийца, погибшего вчера в процессе теракта?

Беседа опубликована в: Бурятия. 2012. 11 апр. С. 8.

Гармаевы Вера Жаповна, Светлана Искровна и Лев Искрович, или Как надо жить и выживать

Наша семья жила на машзаводе, потому что наш отец Искра Шарапович Гармаев был одним из первых профессиональных летчиков Бурятии и работал на заводе (военном 99-м заводе), который выпускал самолеты-истребители, заместителем директора по летной части. Он ушел на войну с первым отрядом коммунистов, где был его друг Д. Ж. Жанаев (Герой Советского Союза), хотя у них была бронь как у работников оборонного предприятия.

Наша мама Вера Жаповна Гармаева (в девичестве Буханаева) родилась в 1916 г. в одном из красивейших мест Тунки. Они с братом очень рано лишились родителей. Но и единственный ее брат, учась на последнем курсе КУТВа в Москве (Коммунистический университет трудящихся Востока), заболел и умер. Советская власть собирала таких детей-сирот в республиканский интернат, который находился в деревянном здании у нашего филологического

корпуса и почему-то сгорел. Сейчас на его месте построен новейший корпус нашего университета. Когда она закончила в интернате 7 классов (интернат был семилетним), ее образование было по тем временам почти высшим, и М. Н. Ербанов пригласил ее в правительство, в отдел пионерской работы. Работая там, она встретила своего будущего мужа, нашего отца, который к тому времени окончил летное училище в г. Орша и был одним из первых летчиков Бурятии. Вот почему семья оказалась на машзаводе, и мы с братом родились и выросли там, где до сих пор стоит дом, построенный отцом, на улице Репина, 3. В этом доме роды Льва Искровича принимал сам отец, потому что скорая помощь приехать не успела.

После возвращения отца с войны мы уехали на его родину в г. Закаменск. Отец пришел с войны в 1946 г., потому что маршал Жуков приказал авиационным войскам задержаться в Германии и помочь навести там порядок. Помню, как за неимением игрушек мы играли красивым благодарственным письмом отцу, подписанным Г. К. Жуковым. Вернувшись с войны контуженным и с открытой формой туберкулеза, отец умер в 1951 г., откуда и началось наше трудное послевоенное выживание. Оставшись совсем молодой вдовой, Вера Жаповна сделала все, что могла и что было в ее силах, для воспитания и обучения своих детей. Мы с нетерпением ждали вечера, потому что при керосиновой лампе мама читала нам роман Г. Маркова «Строговы» и в нашей убогой действительности это была настоящая роскошь. Вернувшись в 60-е гг. вновь в Улан-Удэ, Вера Жаповна работала в пединституте кассиром, а потом комендантом второго корпуса. На обеих работах пользовалась большим уважением работников и студентов. Трудная и суровая жизнь не дала ей возможности долго пожить, и ее не стало в 59 лет в 1973 г.

Я окончила в 1957 г. школу № 8 в г. Закаменске, где училась вся беднота и шушера закаменских окраин (в городе была еще школа №7 — по нынешним понятиям элитная, где обучались дети работников-специалистов Джидаккомбината, добывавшего для обороны страны вольфрам, молибден, золото). Ученики этой школы как огня боялись учеников нашей школы № 8. На самом деле мы не были такими страшными, просто были голодной безотцовщиной. Поэтому, учась в старших классах и будучи всегда вожаком в разных мероприятиях, я старалась и прилагала много сил, чтобы как-то скрасить жизнь своих сверстников: мы ходили в походы, устраивали в

деревнях концерты, под гармошку танцевали и пели песни, коллективно читали газеты и книги. Тогда вышла «Молодая гвардия» Фадеева и другая послевоенная литература, которая неплохо поступала в библиотеки г. Закаменска.

Меня всегда интересовала литература, поэтому я окончила филологический факультет пединститута им. В. И. Ленина, где учились со мной многие будущие барды и поэты, к примеру Ю. Ким, дочь драматурга Арбузова с шумевшей пьесой «Иркутская история» и др. В эти же годы мы встречались на студенческих пирушках с Д. Улзытуевым и целой плеядой других студентов — поколением тех чудных лет. Летом специально садились в один вагон до Москвы, чтобы целую неделю веселиться и галдеть. Поехать учиться в Москву было желанием не только мамы, но и моей учительницы, которая приехала к нам как «англичанка» после окончания иняза в Орехово-Зуеве. Почему-то положив глаз именно на меня из всей оравы, она внушала, убеждала меня учиться и получить хорошее образование, и весь первый курс целый год посылала мне ежемесячно пять рублей, что при стипендии в 22 рубля было значительной поддержкой. Проработав в нашей «страшной» школе все годы, она вернулась на родину и живет в Орехово-Зуеве. Ее зовут Марина Петровна Сергеева (в девичестве Букреева).

Защитив обе свои диссертации в 1973 г. и 1998 г. в Институте мировой литературы им. Горького РАН, всю свою сознательную и творческую жизнь я отдала БГПИ–БГУ, с 1973 г. работая на кафедре литературы филологического факультета, обучая студентов очень трудному предмету — теории литературы. В стенах вуза, где в мои годы жизнь кипела и была ключом, сейчас тихо, пугающе безлюдно и чисто. В мой «золотой век» работы пыль везде стояла столбом, в буфетах нечего было есть, кроме плова из мохнатой курицы, но зато была жизнь: мы набирали по 6 групп, ни о какой коммерции и коммерческих студентах речи не было, но было «упоение в бою», когда хотелось работать и работать. И мне хотелось, как когда-то в Закаменске, сделать из сельских провинциальных студентов людей самодостаточных во всех отношениях. Будучи куратором, я их учила даже правилам этикета, пыталась подготовить хороших, интеллигентных специалистов, способных мир вокруг себя сделать лучше, выше, умнее. Думаю, что в чем-то это удалось, судя по результатам выпускников, прошедших через мои руки. У

меня 8 защищенных аспирантов, ставших кандидатами филологических наук, работающих в сфере образования Бурятии, Тувы, Хакасии, Китая, Москвы.

Сын мой, окончив МГУ, защитил там кандидатскую диссертацию по истории, позже защитил и докторскую. Жена сына, окончив школу в с. Можайка Еравнинского района, также окончила МГУ (романо-германское отделение), защитила там кандидатскую и докторскую диссертации по филологии языков. Два доктора наук работают во ВСГАКИ—ВСГИКЕ: Доржи Львович и Эржен Владимировна Хилхановы. Старшая внучка с мужем работают в Москве: он — после окончания физического факультета МГУ, она — после Института народного хозяйства при президенте России по международному менеджменту. Муж внучки — внук профессора Г. А. Тармаева, работавшего тоже всю жизнь на кафедре педагогики нашего вуза. Младшая внучка — школьница, одновременно оканчивающая художественную школу им. Р. Мэрдыеева, подающая надежды художница. Кстати, художник Р. Мэрдыеев в 1940 г. написал портрет моего отца (ее прадеда), который так и называется «Гармаев Искра». Портрет хранится в запасниках Национального музея и время от времени выставляется.

Брат Лев Искрович Гармаев окончил факультет иностранных языков БГПИ и преподавал английский язык в Большом Куналее и БГПИ им. Д. Банзарова. Жена, его однокурсница, работала преподавателем в железнодорожном техникуме. К сожалению, обоих сейчас нет с нами. Их два сына живут и работают в Москве. Как педагог Лев Искрович был более открытым, добрым и доступным для студентов, они его любили. По сравнению с ним я менее открыта для общения со студентами, они больше боялись меня, возможно, в связи с предметом моего преподавания — теорией литературы. Однако в конце концов обнаружилось, что не все так страшно, когда в анкетах студенты писали: «После ее лекций хочется бежать в библиотеку и читать, читать...» По-моему, это дорогого стоит.

Если меня спросить, хочу ли я повторить все сначала, скажу: да! да! Кроме времени детства. Уж слишком убогим и тяжелым оно было. «Лишь бы не было войны» — хороший жизненный лозунг, потому что война, со всеми ее невзгодами и последствиями, слишком много лишает человека, целое поколение, и эти лишения — будущее преодоление потерь во всех сферах нашей реальной жиз-

ни, на которое уходит много сил и времени, которые могли бы быть прожиты с большими успехами и достижениями.

Стаж работы в БГПИ–БГУ в 2019 г. составлял 10 лет у В. Ж. Гармаевой, 46 лет у С. И. Гармаевой, 31 год у Л. И. Гармаева. Общий стаж семьи Гармаевых в БГПИ–БГУ — 87 лет.

Ст. опубликована в сб.: Семейное призвание — педагог / ответственный редактор Г. И. Рогалева; составитель С. Б. Санданова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. С. 40–43.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ С. И. ГАРМАЕВОЙ

Мировоззренческие аспекты теории литературы

Мировоззрение как обобщенная совокупность знаний, взглядов, оценок формируется у человека в ходе всей его жизни. У сегодняшнего поколения учащейся молодежи оно в целом создается всей системой образования, воспитания и обучения, в том числе при обучении гуманитарным дисциплинам. Среди них особое место по мировоззренческой направленности занимает изучение литературы как создателя и хранителя духовного потенциала общества. Разные аспекты литературного образования по-разному выполняют задачу формирования мировоззренческих взглядов. Важным и актуальным на современном этапе является другое — поиск путей интеграции познавательного процесса, «уплотнения» учебного процесса, его воспитательных и познавательных возможностей.

В формировании мировоззрения в одинаковой степени важны сам путь его становления и результат каждого из этапов этого пути, понимание не только того, как возникает явление, но и того, как оно «перерастает» само себя, преодолевая собственные противоречия роста и движения, перемещаясь, таким образом, на другую качественную ступень роста. В этой связи нас, анализирующих и интерпретирующих законы художественной жизни, уже не должен удовлетворять их анализ только в причинно-следственных связях (хотя логика мышления и система взглядов вырастают именно из такого движения к познаваемому), но и давать возможность студенту увидеть рождение истины, так сказать, изнутри, шаг за шагом, что само уже может стать творчески активным началом в деле формирования взглядов человека на жизнь.

Так, если говорить о конкретных аспектах такого метода обучения, то в курсе теории литературы есть возможности интеграции знания при изучении проблемы закономерностей литературного развития. Как показывает опыт, четкое и конкретное осознание этой проблемы дает возможность не только расширить круг фактических знаний студента, но и помогает ему увидеть явление или явления в ряду других, в системе ценностных ориентаций и как результат — целостность взглядов, с одной стороны, и представление о жизни как сложном, противоречивом движении — с другой. При этом

важно решать еще одну методологическую сверхзадачу — находить высший порядок вещей в жизни, т. е. проблему общечеловеческого в формировании духовного.

Попытаемся это показать на примере анализа творчества А. С. Пушкина. Строгая последовательность этапов этого пути аккумулирует в себе и потому может раскрыть и рассказать многое: о месте самого Пушкина в жизни России и русской литературы, о роли его творчества в контексте истории пушкинской поры и современной нам действительности (кстати, в связи с пушкинскими исканиями в жизни и в литературе стало возможным выработать критерии для оценки идейно-нравственных возможностей других писателей, вплоть до наших дней). В этой работе помогает сама гениальность поэта. Поэтому мы берем на вооружение три составных слагаемых пушкинского гения: постоянство поиска, стремительность находок, интуитивное начало.

В движении от начального — первого этапа его творчества — к последнему очень важно, чтобы студент почувствовал и осознал самое, может быть, несложное, но принципиальное и основополагающее для понимания всего творческого пути поэта — ощущение им дисгармонии жизни и в связи с этим необходимости борьбы. «Пока свободою горим», — так пишет молодой Пушкин, обнародуя в этих словах свою жизненную, творческую программу. Да, писатель как самая совестливая душа народа (а совестливость тоже как нравственная категория благодаря Пушкину станет проявлением мировоззрения) сразу почувствовал чуткой душой гения дискомфорт в окружающей его жизни. В качестве же основных борцов за гармоничный мир Пушкин берет самых близких для него и понятных союзников: дворянина (Чаадаева) и царя (стихотворение «Деревня»). Вот с этого-то все и началось: разочарования, противоречия, поиск себя и объективных активных начал жизни. А в конце пути — выход к этим силам в лице народа, к человеку из народа, к «маленькому» человеку, с которым еще много надо «повозиться», поизучать его (к примеру, народные сказки Пушкин рассматривал как важнейший источник для познания души народа), чтобы превратить в действительно объективную народную силу. Так, создаются предпосылки для формирования представления о жизни как сложной диалектике человека и среды. Это, наверное, тем более

важно понимать сегодня, когда в нашей жизни возникают многочисленные тупики, из которых трудно найти выход.

Сама жизненная судьба поэта помогает ему в преодолении собственных противоречий, предлагая ему возможности их преодоления в жизни (и здесь познавательная и воспитательная роль личности самого поэта бесспорна и поучительна). Поэт извлекает пользу для утверждения гармонического начала даже из такой дисгармонии своей жизни, как ссылки. Так, южная ссылка «помогла» ему прийти к осознанию необходимости сильной личности, и это породило целое направление в русской литературе — романтизм. Северная ссылка естественностью и размеренностью русской жизни заставила поэта внимательно взглянуть в нее, изучить жизнь в самой жизни, и это способствовало формированию у него реалистической концепции миропонимания. В своей последней романтической поэме «Цыганы» (1824) Пушкин скажет об этом глубоко и масштабно: «и всюду страсти роковые и от судеб защиты нет». Примечательными и творчески активными здесь являются два обстоятельства — «всюду» и «судьба», взятая во множественном числе. Поэт от «я» переходит к «мы» (типизация), от исключительности — к обыденности (народность), от иллюзий — к реальности (реализм) и т. д. Идеиные и художественные открытия поэта на пути этого движения можно продолжить, и получится спрессованный компендиум человеческого бытия, истории, сфокусированный в жизни одного человека, что в свою очередь становится богатейшим источником жизненного начала для других.

Известно выражение: «Бег времени не поспевает за умом гения». Уже к 1823 году Пушкин начинает окончательно понимать, что есть судьбы (а не только судьба), и при этом у каждой свои законы, которые надо знать и в которых надо разбираться. В итоге в русской литературе утверждаются художественные законы реализма (и реализма критического), потому что стоило Пушкину взяться за исследование человека и исторической среды, как он сразу обнаружил точки их противоречивого отношения — власть и народ, верхи и низы — и попытался понять сущность и место тех и других в жизни. Так происходит переход от восторженного (восторженность, возвышенность — тоже необходимый этап формирования мировоззрения) к спокойному, глубинному познанию жизни. Переход этот, как бы по ходу своего действия, т. е. естественно и закономерно,

«заставил» Пушкина многое открыть в жизни и литературе, причем впервые: мировоззренческую категорию народности, законы типического, возможность глубокого и широкого познания жизни с помощью основанного им в русской литературе эпического жанра романа в стихах и др.

В этот же период Пушкину удается выйти к осознанию и пониманию глобальных общечеловеческих проблем: что есть власть, власть и народ, власть и власть имущие и неимущие ничего, а также других аспектов и проблем социального, нравственного, гуманистического. Главным здесь является то, что в процессе мучительных исканий решения этих извечных проблем (сам Пушкин писал о себе в 1830 году в будущем времени: «... и вновь гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь») сформировались и обрели конкретность и реальные очертания несколько магистральных сквозных проблем его творчества, которые по сути решались поэтом в течение всей его творческой жизни: тема свободы и борьбы за нее, страдания и сострадания. Для Пушкина эти темы были органически связаны между собой и предопределены одна другой. Нам теперь известно, что совестливое ощущение дисгармонии жизни и необходимость борьбы за освобождение от нее обрекли поэта на трудные поиски решений и страданий, которые в итоге привели Пушкина к трагедии физической гибели. Но сам поэт был уверен, что его страдания будут оплачены историей, страстно желаемой и наконец-то найденной Истиной в лице «падших», которые нуждаются в сострадании со стороны страдающего художника. В этом убеждении поэта проявилась высшая мера его совестливости.

Подводя почему-то итоги своей творческой жизни в 1836 году в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (загадки творчества тоже становятся компонентами формирования взглядов), поэт вольно или невольно, но глубоко прозорливо определил сущность гуманистического начала в своем творчестве: «... Что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал». В этих вещих словах, наконец, соединились в единое мировоззрение два смысла свободы, провозглашенные поэтом — в начале творчества (1818) и в трагически сложном конце его (1836). Своим высоким гуманистическим смыслом они осветят содержание и значение целой эпохи, следующей за Пушкиным, — этапа литературы Толстого, Достоевского и Чехова.

Итак, литературоведческий анализ творчества выдающихся писателей, выступавших одновременно крупными мыслителями и совестью общества, позволяет достаточно рельефно и емко раскрыть мировоззренчески-эстетические аспекты литературного процесса, показать роль художественной литературы в формировании духовного мира людей — их нравственности, эстетической культуры, мировоззрения.

Ст. опубликована в сб.: Мировоззренческая направленность учебного процесса в педагогическом вузе / ответственный редактор В. И. Затеев. Улан-Удэ, 1992. С. 101–105.

Менталитет и образование

Формирование и воспитание менталитета как осознанного жизнедедания, как проявление национального самосознания является всегда насущным и актуальным, особенно на современном этапе, когда надо осваивать объединяющие и обогащающие образовательные пространства в связи с необходимостью осознания идеи и практики евразийского начала. И здесь обнаруживается немало парадоксов: чем больше мы говорим о контексте, планетарном мышлении и другом, тем острее становится проблема ментальности сознания, его специфичности и уникальности в восприятии мира — не случайно в монгольско-бурятском культурном пространстве популярен эстетический культ и смысл коновязи, когда в степном мире скотовод-кочевник утверждал, сооружая ее, идею своей единственности в этом окружении. Чем глубже осознается необходимость интегрирующих связей, тем очевиднее становится наличие национального и особенного. Да, современные технологии обучения и воспитания должны шире и глубже осваивать национальный космос, или космологос, как определяет этот концепт национального самосознания Г. Гачев. С другой стороны, в реально формирующейся идее евразийства открываются новые возможности целостного взгляда на мир, национального в том числе, — ценностные ориентации и их система тем очевиднее вписываются в современное сознание, чем оно цивилизованно ментально. И проблема менталитета как осознанной формы жизнотворчества человека в условиях нашего региона, когда Бурятия является связующим звеном двух геоландшаф-

тов — Европы и Азии, Востока и Запада, следовательно, и двух цивилизаций — европейской и азиатской, приобретает особую остроту.

Евразия, частью которой является Бурятия, — это определенная этническая и геополитическая общность, где наиболее тесно сплелись история, география, литература и культура в целом, представляя, с одной стороны, ареал Сибири, с другой — Центральную Азию. Такая природная расположенность создает и особую цивилизационную концепцию ее исторического и культурного развития, выводя и проблему ментальности самосознания в более широкий контекст: в контекст леса и степи, кочевника и земледельца, буддизма, православия, шаманизма и других конфессий. Таким образом, местоположение Бурятии является предпосылкой еще более широких и глубоких выходов к культурным взаимосвязям к монголам, калмыкам, тюркам Сибири, Средней Азии, Кавказа, народам Севера и Дальнего Востока. Все это, несомненно, факторы, обогащающие и гармонизирующие сам процесс формирования менталитета каждого народа и каждой нации. И было бы расточительным не использовать такие благоприятные возможности, которые сложились в результате своеобразного синтеза цивилизации и культуры Запада и Востока. Н. Конрад особо подчеркивал, в этой связи, что именно литература (можно к этому добавить — и язык) может стать способом и средством объединения культурных пространств, вводя в круг сознания то, что достойно человека, делает его человеком. И действительно, в литературе всегда есть все. Известно, как многие писатели-классики реализовали в своем творчестве эстетику азиатского — культ гор, степи, воды, неба в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, А. Чехова, И. Бунина и других; юрты, коня и другой обрядовой и ритуальной эстетики в творчестве ведущих писателей Бурятии — Х. Намсараева, Д. Батожабая, И. Калашникова, Д. Эрдынеева и др.

Другим фактором ментального должны стать характерологические качества личностного, а если это литературный герой — художественного образа. В этой связи нужно осознание обучающих, воспитывающих факторов и аспектов, формирующихся не только в ситуации обучения (в школе или вузе), но в решающей степени происходящих в семье, в теплом гнезде семейного климата. Как известно, современный человек центральноазиатского пространства во многих своих сущностях является человеком степи, ибо генети-

чески он создан многими факторами именно степного, уходящего своими содержательными корнями в психологию и логику восприятия жизни кочевником-номадом, с его сильными медитативными началами, связанными с глубинами его душевной внутренней работы, сосредоточения на ней, при внешней скудости выражения, наибольшим единением с космосом (степь дает ощущение единственности себя в безграничном пространстве степного и не особой, может быть, в этой связи защищенности человека в ней), наконец, сама форма обитания — отсутствие развитой среды общения, коммуникации — такая картина мира усиливает в национальном характере необходимость внутреннего сосредоточения, медитативного начала, но за счет ограниченного, экстравертного, внешнего, что предполагает особую замкнутость, закрытость азиатского проявления мышления. И здесь для всех, занимающихся в основном обучением, встает проблема учета такой ментальности сознания и преодоления трудностей, возникающих как для студента, так и для педагога — проблем общения, технологии восприятия и передачи знаний, чего, очевидно, не происходит в достаточной мере осознанно на практике.

В условиях и глобализации, и интеграции образовательного процесса национальное самосознание должно формироваться с учетом менталитета как одной из устоявшихся форм сознания и факторы ментального в сознании и понимании жизни должны найти свою нишу в этом сложном процессе как самоидентифицирующая парадигма, которая не позволила бы потеряться национальной уникальности, для чего надо активнее исходить из собственных форм жизнебытования, приспособлявая их к формам интегрированного, современного бытия, преодолевая его сложности и возникающие при этом противоречия. Опять же еще Н. Конрад в 60-е гг. XX в., предвосхищая современную идею евразийства, отмечал, что Запад интересуется Восток как особый мир, противоречащий миру Запада.

Долгий опыт работы со студентами в национальном вузе сформировал определенные представления о факторах ментального, которые могут стать образовательно-позитивными: для их проявления нужны определенные знания многих ментальных факторов, которые, что называется, осваиваются человеком с молоком матери, позволяющие создавать при этом твердое и осознанное ощущение себя в конкретном историческом и культурном пространстве —

азиатском, центральноазиатском, шире — евразийском; нужны конкретные знания своеобразия мифологии, обычаев и обрядов, литературы, культуры в целом и др.

В этом же контексте воспитания и формирования самосознания одним из его методологических факторов должно стать конфессиональное, которое во многом формируется у молодого человека-студента на генетически бессознательном уровне, когда самосознание человека определяется во многом на интуитивном уровне, когда ведущие каноны конфессионального, в данном случае буддистского, осваиваются рано, начиная с семьи: постижение сути кармического пути человеческой жизни в ее суровой причинно-следственной зависимости, сложных проблем вины, покаяния и искупления, ценности живой жизни, постижение истины самим, проходя при этом через страдания, и др.

Результаты нарушенного процесса развития или, напротив, созданного и сохраненного равновесия остаются там, где запечатлел их этногенетический процесс — в истории, религии, литературе, культуре в целом, т. е. в области ноосферы. Религиозация жизни, возвращение религии в составляющие сознания и духовности делают необходимым рассмотрение факторов жизни религиозных мотивов в соотнесенности личностного сознания с конфессиональными канонами как одного из его обучающих и воспитывающих факторов. В этом смысле литература, философия, религия дают большой обучающий простор.

Как известно, буддизм — одна из мировых религий, возникшая в Индии в VI веке до н. э. Каждая из религий отражает свою мессию: если каноны христианства предполагали жить со всеми и для всех, искать пути спасения всех, идею соборности, то буддизм считал, что каждый сам, страдая и преодолевая, но обязательно сам должен искать и достигать совершенства. Уравнивая всех в страдании, буддизм, тем самым, дает всем и равные права на спасение и совершенствование. Освоение буддистской модели мира может своими основными проявлениями помочь интегрироваться в мировой опыт образования, в основе которого лежит вера в другую, а значит, лучшую жизнь, что составляло суть и идеологического сознания. Как известно, одна из истин буддистской модели — потребность приближения человека к состоянию духовного абсолюта (нирване). Это может означать в воспитании и философии понимания жизни

многое — идею нравственного совершенствования человека, преимущество духа, чувство необходимой свободы и раскрепощения духа как импульса к поиску новых ступеней восхождения к истине. Универсальность мысли сравнивается на Востоке с океаном: волнуется поверхность, в глубине же царит покой понимания истины — сделать ее реальной и достижимой — одна из задач образования.

Эстетика конфессионального сама по себе вызывает необходимость понимания многого: особого отношения с природой как единственного места степного человека — отсюда и эстетика юрты, где пространственные формы повторяют земные, почитание неба и гор, также отразившееся в форме юрты и т. д.

Таким образом, срединность Бурятии должна стать идеологией, лежащей и в основе ментального сознания современного человека, которого мы воспитываем и обучаем, и это может помочь преодолевать время от времени возникающие ситуации духовного кризиса, в которые сегодня вбрасывается молодой человек, и наша задача — не только обогащать сам воспитательный процесс с помощью наших средств — языка и литературы, но и приближать к гармонии консенсуса менее болезненно, с меньшими потерями прежде всего в сфере духовного, ментального.

Литература

1. Вернадский В. О ноосфере. Москва, 1989.
2. Гачев Г. Воображение и мышление. Москва, 1988.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. Евразия. Москва, 1999.
4. Мамардашвили М. Стрела познания. Москва, 1996.

Ст. опубликована в сб.: Евразийский фронтир: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах. Улан-Батор, 2006. С. 29–31.

Духовные и религиозные ценности литературы и образование

Продолжая тему формирования духовных ценностей в процессе обучения молодых, хотелось бы обратить внимание на литературу как ведущий источник духовных и религиозных ценностей народа, реализуемых писателями в своих произведениях.

В ситуации, когда наиболее актуальной в условиях глобализации жизни становится проблема личности и личностного начала во всех его проявлениях — чем больше расширяется жизненное пространство, тем острее в нем проблемы индивидуального — личности, человека как нравственной и интеллектуальной части целого в космосе планетарного мышления, настоящее вдумчивое изучение литературы в школе и вузе может стать поучительным эффектом воспитания нравственного потенциала молодых.

Таким вобравшим богатый духовный и религиозный опыт, накопленный в этнокультурных традициях народа, является рассказ Ц. Шагжина «Возмездие» (в переводе с бурятского «Камень, брошенный вверх»), написанный в 60-е гг. XX в. Прежде всего в произведении интересен художественный опыт освоения религиозного канона страдания как ведущего в пантеоне буддизма. В ситуации современного духовного кризиса и как одно из его следствий — потери нравственных ориентиров, содержательный смысл произведения Ц. Шагжина может стать поиском этих ориентиров — как пример самоуглубления человека в себя и необходимости такого психоанализа в проявлении истинных человеческих в человеке не только сегодня, а может быть, именно сегодня.

Как меру страдания и наказания герой, по замыслу автора, избирает нежелание быть среди людей, добровольно обрекая себя на одиночество (герой в молодости предал своих друзей, в результате чего те погибли). Наказующими становятся здесь, с одной стороны, глубокое одиночество — прожита в тайге вся сознательная жизнь, с другой стороны, пребывание в мучительном состоянии самокритики и боязни запятнать других своим грехом. В ограниченных жанровых рамках рассказа автору приходится решать жесткую проблему отбора. Материал (с определенной долей реальности и художественного домысла) выбран необычный, остросюжетный, хотя внешне и нет динамики в его развитии, но он очень близок к типологии буддийской модели по внутренней концентрации энергии самоуглубления. Подвергая героя страданию от непрерывного внутреннего осознания им совершенного, автор благодаря жесткости жанрового отбора пытается решить многое в немногом: во-первых, во внешне ярком и необычном сюжете добровольного уединения человека в тайге (могли быть и другие экзотические места) видится определенное и своеобразное преломление восточной

традиции притчевости и назидательности, что в бурятской прозе нашло свое художественное воплощение с разной степенью художественной их полноценности в лирических, документально-исторических и других формах отступлений, в использовании содержания старинных легенд, в создании художественной философии реализма. Во-вторых, здесь проявилась, тоже своеобразная, форма исповедальности прозы с ее волевым личностным началом. Но исповедальность в дальнейшем в прозе не станет фактором и способом психологического проникновения, хотя необходимость внутреннего самоанализа останется в литературе как общая тенденция. В более конкретных формах исповедальность как способ самовыражения проявится в литературе так называемого постреалистического периода. Соединив эти два традиционных художественных начала в сравнительно небольшом сюжете рассказа, автор добивается большей индивидуальной проникновенности переживания, чему способствовала и поэтика уединения, внутреннего сосредоточения героя. Данная сюжетная модель, созданная Ц. Шагжиным, типологически перекликается и близка буддийской по форме самоуглубленности человека в мир своих переживаний и по идее самоосознания вины путем таких долгих раздумий и размышлений над своим грехом, который он пытается искупать всю свою жизнь (старик, которого встретил герой рассказа, проживал в страдании и самонаказании за совершенное в молодые годы). Есть у модели и еще одно универсальное качество — путь возможного познания человеком самого себя.

Как видим, проблема страдания и кармы, ее причинно-следственной зависимости представляет для литературы одну из возможностей решения ею нравственных проблем жизни. И здесь литература, углубляя и расширяя причинную и следственную их зависимость друг от друга, использовала и поэтику не только канонов буддизма, но и связанных с ними народных обычаев, обрядов, примет и верований, также восходящих к конфессиональным. Проза использует их изначальную заданность, predeterminedность и неукоснительность их функциональных предназначений. И в то же время их смысловое наполнение в литературе не могло быть категоричным как канон. Есть в прозе Бурятии этого периода произведения, где данные приемы нашли относительно «срединное» их применение. Это роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» и по-

весть Ч. Цыдендамбаева «Бурятка». Рассматривая формы и способы обращения к обычаям, «обыгрывания» их в современном произведении, писатели имели в виду главное — художественную целесообразность присутствия их в произведении, обусловленную происхождением, бытованием и популярностью данного обычая в народной среде. Обращение к народным обычаям и верованиям в литературном творчестве — это прежде всего поиск соответствующей формы и ее содержательности.

Не случайно, что путь спасения и избавления от страданий, типологически близкий к буддийской модели мира, выбрал для своего героя Ц. Шагжин, один из ведущих писателей Бурятии, больше известный как драматург. В 50–70-е гг. репертуар Бурятского театра был заполнен в основном его пьесами, в том числе и такой яркой обработкой фольклора, как пьеса «Будамшу». Путь исцеления самонаказанием изображен автором в рассказе «Возмездие», написанном в 1963 г., дословно с бурятского название рассказа переводится как «Камень, брошенный вверх». Как известно, согласно закону тяготения, он может упасть и на бросившего. Догматы буддизма о высшей идее спасения и поисков истины предполагали самосовершенствование человека путем размышлений и созерцания, погруженности в себя и ухода от жизни и ее радостей, что возможно лишь при полном уединении и отрешении от окружающей суетной жизни. Здесь, в тайге, герой нашел пожизненное убежище, страдая угрызениями совести, которые мучают человека, предавшего в молодости своих друзей.

Автор берет логическую, философскую основу уединения как самонаказание за содеянное. И природа помогает герою своей первозданной чистотой существовать в постоянном состоянии самокритики. Вообще литературам народов Сибири в значительной мере присуще чувство природы. В лучших произведениях каждой национальной литературы человека окружает мир, частью которого является он сам: цветы, травы, реки, горы, облака, луна, солнце и т. д. По мере накопления художественного опыта функции картин природы становятся разнообразнее и глубже, помогая выразить душевное психологическое состояние героев, создать эмоциональный фон, на котором разворачиваются те или иные конфликты и ситуации. Степь, тайга — это свой особый мир и своя стихия, с которой человек связан особыми, чем где-либо, связями и законами. Они

идут от древнего ритуального культа сил неба и земли. Идея слияния с природой для уединения и очищения была и частью догматов буддистской религии.

За основу возможного пути спасения и облегчения страдания бурятский прозаик Ц. Шагжин берет мотивы и отголоски концепции мирового дерева Бодхи, под которым Будда, по легенде, испытал когда-то просветление, как некий универсальный знак испытания или средство организации душевного состояния человека, наказывающего самого себя. Герой помещен в атмосферу глухой тайги не только чтобы познать истину (хотя это не исключается, а предполагается), но более всего для осознания тяжести вины, которая делает невозможной жизнь среди людей. Он помещен автором в необычную, особую обстановку и за необычность содеянного — убийство друзей. Такова авторская мера жестокости самонаказания. Особенно пугает старика возможность общения с детьми. Это, наверно, и есть та истина, которая должна быть открыта героем и его автором, — пробуждение совестливости в человеке и возможность его глубокого раскаяния и покаяния. Необходимость их как одного из путей облегчения страдания Ц. Шагжин ощутил задолго (предошущения художника — один из активных и объективных двигателей трагического сюжета) до того, как возникает потребность всеобщего покаяния в нашей жизни, и к Плахе призовет всех своих современников Ч. Айтматов. Но готовых к покаянию и Плахе окажется и сегодня не так уж и много. Соединив каноны мирского и религиозного в своем литературном сюжете, Шагжин добивается, на наш взгляд, того эффекта убедительности, к которому он с определенной мерой сознательного и художнически интуитивного и шел: самая сильная сила наказания — самонаказание. Нет ее сильнее и сложнее, в то же время противоречивее. Человек подавлен страданием, но оно же может его сохранить и спасти, если с ним совесть, не отпускающая его даже к людям, к которым его все время тянет.

Ст. опубликована в сб.: Образование и глобализация : материалы третьей Байкальской международной научной конференции (1–4 июля 2009 г.): в 2 частях. Часть 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 152–154.

Концепт *дом* в русскоязычной бурятской литературе: повесть Александра Эрдынеева «Кот в законе»

Концепт *дом* — традиционно ведущий в литературе. Таким тематически и идейно востребованным является он и в современном процессе художественного освоения жизни. Его актуальность, с одной стороны, обусловлена богатыми традициями, накопленными литературой, с другой — жизненной необходимостью: во все времена свою роль в его актуализации играет духовный кризис, который сегодня находится в своей кульминационной стадии и потому влияет на нравственное состояние общества и литературы.

И в такой ситуации молодые авторы, наделенные чутьем и даром художественного изображения жизни (под «молодыми», скорее, имеется в виду не столько возраст, сколько время — наша современность), достаточно умело работают с содержательными форматворческими накоплениями различных традиций в реализации концепта *дом*. И достаточно умело (почему умело — об этом речь и пойдет) эти богатые традиции используют при создании сюжетных моделей современной жизни.

Между тем, объективная современная реальность дает возможность для построения только одного актуализирующего и позитивно решающего жизненные проблемы сюжета с концептом *дом* — инфернального, ярким проявлением чего является примечательная и интересная в этом смысле повесть А. Эрдынеева «Кот в законе». В основе сюжета повести лежит принцип разрушения, смещения нормы в не норму, когда именно она — не норма — и становится сегодня в концепте нормой жизни дома, семьи, общества. Не норма начинается с того, что для содержательного насыщения сюжета инферно на современном этапе, к сожалению, достаточно жизненного материала — доступного, лежащего на поверхности, не требующего никаких художественно изощренных поисков: пьянство, наркомания, криминал во всех его проявлениях — и как результат — нарушенное равновесие духовного, материального, физического, биологического (говорящий кот). И окончательным итогом этого нарушенного галактического и космического становится духовное оппание основных человеческих ценностей — любви, ответственности, возможности возрождения (в повести оно осуществляется, но за счет перемещения в другое пространство — пусть за нас и наше в

ответе будет восток — Таиланд, вообще другие). Хотя при кажущейся содержательной плотности и насыщенности сюжета (создание зомби, китайцы, «менты», киллеры и т. д.) он логичен в своем неумолимом движении — к разрушению. Именно это имелось в виду, когда выше говорилось о том, что современные авторы умело пользуются накопленными традициями в осмыслении понятия дома, «мысли семейной», потому что она — основа мысли народной, плодотворно и глубоко реализуемой русской литературой, начиная, как известно, с Пушкина. Другое дело, что сегодня поступательность концепта иная.

Современные авторы имеют возможность создавать смыслонасыщенный и более смыслонаправленный сегодня сюжет, в основу которого положен концепт *дом* — в данном случае больше разрушительный и inferнальный, чем созидательный, потому что критических реалий в современной литературе, в том числе бурятской, больше, что по сути есть проявление пассионарного взрыва, готового многое разрушить, чтобы явственнее обозначить пути и перспективы высвобождения и восхождения.

Смыслонасыщение концепта в сюжете проходит сразу и по многим направлениям: мутация сознания и самосознания на разных уровнях (физическом, духовном, физиологическом, нравственном и др.), совмещение и разнообразие миров (фантастического, реалистического, божественного), совмещение и разнообразие образного ряда (природа, человек, «братья наши меньшие» и др.). Своеобразие этого насыщения в рамках небольшой повести происходит равно как постепенно, так и намеренно ускоренно, нагнетая нашу современную и узнаваемую картину мира жуткими проблемами inferно. Ситуация такого духовного кризиса, несомненно, активизирует у творчески мыслящего пишущего современника как внимание к формотворчеству, так и насыщение этой формы адекватным постмодернистским и постреалистическим содержанием.

Так, разрушение понятий «дом», «порядок», «право», «обязанность» и др., заложенных в концепт, начинается, как уже было отмечено, и стремительно, и постепенно, как в случае с человеком (бомж Лубсан), так и с котом Чаком. Но именно совершающееся сразу и последовательно (читай — сверху вниз и по горизонтали обыденного) разрушение создает ту картину вселенского тотального разлада, который задумал показать автор. Для этого ему и пона-

добилось кажущееся, на первый взгляд, насыщение и перенасыщение сюжета смыслами в контексте данного концепта.

Смыслонасыщение достигается в том числе и показом экстремального — бомбоубежище превращается в «бомбоубежище», куда попадает не простой кот, а сиамский — ранг которого тоже выше обычного. И разговаривать они начинают, естественно, на одном языке, хотя интеллектуальное лекарство получают от китайского эмчи — лекаря. Но именно такой сюжет экстрима, по мысли автора, приведет к истинному — любви, хотя путь к ней и идет через разрушение прежнего — дома, семьи, стабильности и порядка. У автора это разрушение приведет к еще большему (все по Достоевскому и его соратникам) — новое строится на inferно ограблений, хотя и есть здесь определенная маска оправдания — путь Робин Гуда. Гарма — новый хозяин разрушенного дома — продолжает цепь создаваемых разрушений, единожды начатых, потому «работающих» на заданное развитие сюжетособытий — обманывает, уменьшая сумму, оставленную перед отъездом котом для прежнего дорогого ему дома. Такова цена бренности земного «коточеловека» — увеличивать в цепи звенья несовершенного.

Подобное сюжетно-концептуальное насыщение и перенасыщение, являющееся закономерным в силу усложнения самого понятия времени, умелое пользование богатыми литературными традициями, возможно, снимут остроту дефицита на сегодня романного повествования. Другое время, другие жанровые конфигурации. О том, что этот процесс формотворчества — явление показательное, говорит сравнительно небольшая по объему, но в целом верно ухватившая картину мира и реализовавшая ее в традиционном классическом понятии концепта *дом* с хорошим насыщенным сюжетом талантливая повесть А. Эрдынеева «Кот в законе».

Ст. опубликована в сб.: Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода : коллективная монография / ответственные редакторы В. В. Башкеева, С. С. Имхелова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 96–98. [Серия: Русский национальный текст].

Предисловие

Становым хребтом любой литературы, и литературы Бурятии в том числе, является проза, та область художественного слова, которая развивалась в нашем Байкальском регионе на протяжении более ста лет. Писатели Бурятии в своих рассказах, повестях, романах сумели воплотить необыкновенное богатство человеческой жизни, показать как высоту человеческого достоинства, совершенство человека, так и драматичные судьбы современников.

Строго говоря, эпические жанры имеют в нашей литературе гораздо более глубокие корни. Они восходят к древнему индийскому своду «Панчатантра», богатейшим буддийским притчам, к «Сокровенному сказанию монголов», к бурятским летописям XIX в., к яркой образности национального фольклора. Именно на этой богатой почве выросла новая бурятская проза XX века. Она сумела воплотить как чаяния людей, живущих у Байкала, так и общий ритм трудовой жизни Советского Союза, большой России.

В данном томе представлены жанры рассказа и повести: к сожалению, разговор о романе выходит за пределы возможностей и объема антологии. Рассказу отдали дань практически все писатели XX в. Это и понятно, потому что своей особой емкостью и концентрированностью на событии, естественной простотой («вижу — пишу»), способностью предощущать то, что пока назревает в жизни, но еще не проявляется в ней, он привлекает внимание. Рассказ активизируется в определенные исторические периоды, когда происходят кардинальные преобразования исторического быта, назревают, нарождаются новые социальные парадигмы. Такими были 20-е годы XX века, когда и возникает рассказ в литературе Бурятии. С него начал свой творческий путь основоположник бурятской советской литературы Хоца Намсараев, который естественно тяготел к восточной фольклорной и литературной традициям. Другая ветвь была сформирована в творчестве таких европейски образованных мыслителей, просветителей, писателей, как Базар Барадин, Солбонэ Туя, Ц. Дон. Отсюда, из этих двух ветвей, вырастает яркая, неоднозначная, несущая художественные открытия жизнь национального рассказа.

В 1920–1930-е годы зарождается и жанр современной повести, родоначальником которого является Ц. Дон с его «Затмением лу-

ны» (1932). Срединность повести, положение между рассказом и романом, приводит к снятости обязательных канонов и к определенной свободе творческого процесса, что важно для литературы Бурятии XX века. С другой стороны, в повести необходимо показать такие события, которые важны для общества и в историческом, и в духовном смысле. Для национального художественного мира, особенно во второй половине XX века, это актуально, потому что и сегодня национальное самосознание решает для себя проблемы самоидентичности и самоидентификации в этом глобализуемом мире.

В 40-е годы, годы Великой Отечественной войны, годы великих испытаний, писатели ощущают потребность опереться на национальный фольклор, ведь он дает духовную и художественную силу. Читатель узнает в созданных произведениях знакомые сюжеты сказок, легенд, народных анекдотов, устных рассказов, из которых черпает жизненную силу.

В 1950–1960-е годы в литературу Бурятии приходят новые великолепные авторы: Д. Батожабай, Б. Мунгонов, Ц.-Ж. Жимбиев, Ц. Галанов, М. Жигжитов, Ч. Цыдендамбаев и другие, внесшие громадный вклад в развитие современной прозы. Поначалу, особенно в 50-е годы, можно увидеть влияние теории социалистического реализма, приводившей к некоторой нравочительности сюжета, излишней определенности позиции автора. Позже в произведениях И. Калашникова, О. Серовой, Ц. Номтоева, В. Митыпова художественное начало, то, которое В. Белинский считал важнейшей особенностью творчества А. Пушкина, проникнет в глубины их анализа жизни. Взгляд писателя отличается обостренным вниманием к быту, к проблеме семьи и рода, уважения к мудрости старших, особое внимание уделяется изображению судьбы личности, причастной к общей народной судьбе. В период «оттепели» анализ личной судьбы поднимается на новую высоту, жизнь человека оказывается связанной с исторической судьбой народа, страны, мира.

Полвека развития новой бурятской литературы — от 20-х годов к 70-м — завершили процесс становления национальной прозы XX в. Совершенно естественно, что в 1970–1980-е гг. наши писатели создают вершинные образцы рассказа и повести. Так, с 1973 по 1985 годы вышло в свет 30 книг рассказов и свыше 90 новых повестей. Произведения, включенные в антологию, помогают воссо-

здать картину зрелой, содержательно и художественно богатой литературы. Писателей Бурятии в это время особо волнует идея самоценности человеческой личности, идея духовного самостоянья человека, показанного в контексте современности и истории. Каждый художественный мир неповторимо индивидуален, ярок, своеобразен, его можно постигать снова и снова.

К. Карнышев, К. Балков, А. Бальбуров ставят в своих произведениях социально и публицистически заостренные вопросы, которые в то же время затрагивают глубинные философские основы бытия. Голос природы, ее глубинные токи, понимание силы связи человека с ней раскрываются в творчестве О. Серовой, А. Ангархаева, Ц. Галанова, В. Корнакова, Б. Ябжанова. В рассказах С. Бухаева, С. Захаровой, Н. Карловой, В. Носкова человек показан по-новому, с детальной прописанностью психологии его души. Новый ракурс в постижении национальной природы жизни, акцент на своеобразии национальной ментальности, глубинном ядре народной жизни является важнейшим началом в рассказах и повестях Ш.-С. Бадлуева, Г.-Д. Дамбаева, Д. Эрдынеева, Б. Ябжанова, Ц.-Д. Хамаева, С. Цырендоржиева.

В литературе Бурятии сформировалась философская идея целостности мира и человека и взаимосвязи всех форм бытия — жизни человека, жизни животных, жизни природы. Буддийская метафизика и философская традиция русской литературы, прежде всего XIX — начала XX века, как раз и сформировали особое лицо бурятской прозы, для которой характерны планетарность и космизм мышления. Человек осмысливается одновременно и как представитель телесного материального мира, и как носитель древней духовной традиции. Надо сказать, что в последние десятилетия существования Советского Союза прорыв к планетарному началу был вызван острым чувством социального, родового, природного разлада человека и мира. Писатели стремятся восстановить нить жизни, связать историю с современностью, показать преемственность в развитии и смене поколений.

Принципиально новый этап, во многом еще складывающийся, аналитический вывод о котором можно будет сделать не сегодня, а завтра, — 1990–2000-е годы. Вызван он радикальными потрясениями последней четверти XX века, социально-историческими процессами перестройки, постперестройки, разрушения Советского Союза

и создания новой России. Коренное изменение жизни, неясность целей и перспектив, кризисные явления в государственном управлении и в связи с этим в общественном самосознании привели к существенным переменам в художественной жизни. Часть писателей замолчала, другие обратились к публицистике, некоторые стали осваивать новые жанры. Пришло и новое поколение прозаиков: Г. Башкуев, А. Гатапов, А. Лыгденов и другие, которые сегодня находятся в поре творческой зрелости и составляют костяк современной литературы Бурятии. А. Гатапов обращается к истории, в которой ищет незыблемые ценности для пошатнувшегося мира; А. Лыгденов показывает беспощадность современной жизни, в которой, с точки зрения читателя-буряты, происходит неслыханное — распадаются семейные связи. Особняком среди этой группы прозаиков стоит Г. Башкуев с его необычными, подчас эпатажными темами, острой ироничностью, иногда натуралистическим подходом к изображаемому, удивительными словесными находками, виртуозной игрой со словом. Тремя авторами, конечно, не ограничивается литературный процесс 1990–2000-х годов, но, к сожалению, не все интересные авторы включены в антологию, так как их произведения еще не переведены на русский язык.

В завершение следует отметить, что богатые традиции бурятской прозы XX века позволяют молодым писателям, еще только входящим в литературу, искать новые формы выражения в русле поисков русской и мировой литературы. Новая страница бурятской прозы еще только открыта, и XXI век впишет новые имена в Книгу книг, дав возможность сохранения и возрождения жизни, возвращения к ее истокам, корням, причинам, то есть ко всему, что делает жизнь и человека в ней необходимыми друг другу.

Ст. опубликована в: Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 томах. Том 2. Проза / составители Г. Ц. Бадыева, В. В. Башкуева; вступительная статья Г. Ц. Бадыевой, С. И. Гармаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 5–8.

Евразийская модель как социокультурный ресурс

Нахождение и установление социокультурных ресурсов во многом сегодня веление времени — актуализируется необходимость идентификации во все более глобализирующемся мире, в котором человеку надо найти свое место, достойно интегрируясь в нем. В этой связи проблемы социокультурного развития регионов Сибири представляются еще более острыми и актуальными, ибо составляющей глобализации станет евразийская модель жизни, которая во многом формируется в масштабах нашего региона — Сибири, Севера, Тихоокеанского и всего центральноазиатского регионов России.

Основная проблема становления и прихода в нашу жизнь евразийской модели состоит в том, что методология как принцип познания жизни расширяется и обогащается, переставая быть только европоцентристской, осознавая при этом двусоставную реальность мира — как европейскую и азиатскую, восточную и западную. И Россия, как считают евразийцы, и будет осознаваться как Срединная страна, Евразия. Но к такому ее осознанию следует быть готовым, даже если многое в этой модели не будет совершенно новым и неизвестным.

Нас, людей, живущих в многонациональном регионе, где сходятся два геоландшафтных и цивилизационных пространства Запада и Востока, должны одинаково волновать проблемы интеграции в глобальном мире, так и вопросы идентичности и толерантности — эти понятия в силу их актуализации подвергаются сегодня пересмотру и переосмыслению — профессиональному научному в литературе, языке, культуре в целом. В таком процессе их переосмысления будут укрепляться основополагающие факторы того, что народы Сибири, Севера, Дальнего Востока, Центральной Азии — это во многом единое социокультурное пространство — пространство степи, тайги, леса, тундры, что закономерно проявляется в единстве и своеобразии образа жизни, менталитета, традиций и обычаев. Нас многое объединяет, и потому этим ресурсом не только в экономическом, но и научном, культурном планах надо пользоваться и шире, и глубже. Можно назвать лишь некоторые ресурсы, знание и понимание которых обогатит современное самосознание его исторической, политической, научной и культурной значимостью —

через геоландшафтный мир Сибири проходил второй мировой путь — чайный. Известно, что в свое время А. Герцен тиражи изданного в Лондоне «Колокола» отправлял в Россию именно с купцами, доставлявшими чайный груз. Спрятанное в чайных тюках издание попадало в Кяхту, соединявшую Запад с Востоком, и оттуда, из Кяхты, «Колокол» уходил в Москву и Петербург.

Кроме того, у наших народов генетически общие религиозные корни — буддизма, православия и шаманизма, что в условиях активизации конфессионального сознания ресурс достаточно активный. Наконец, нас объединяют сходные типажные картины в литературе, культуре, которые определены евразийцами как человек «леса» — сеятель, пахарь; человек «степи» — номад, кочевник, скотовод; человек «потока» — босяк, батрак. Как видим, все три типажные картины и социально, и национально близки и узнаваемы и все они могут быть обогащающим ресурсом в понимании жизни современным читателем, представителем национального в регионе. Приобщение к таким социокультурным факторам, несомненно, придает современной методологии особую глубину содержательности и значительности. В качестве еще одной типажной картины нашего региона можно говорить об образе охотника, который так же, как и перечисленные выше, сформирован и создан нашим жизненным и духовным пространством — очень богатый ресурс в своей основе, особенно в связи с острейшими проблемами экологии — души, природы, взаимоотношений человека с окружающим его миром во всех проявлениях этого мира. В литературе народов Сибири, где во многом средством выживания человека была охота, образ охотника и популярен, и значителен содержательно.

В ситуации евразийского моделирования жизни определенным ресурсом могут стать духовные и культурные основы земледельческой, кочевой, охотничьей цивилизации, которые как эстетический ресурс не востребованы в реалиях современной жизни хакаса, бурята, тувинца и др. В литературе и искусстве всех сибирских народов популярен образ пояса, кушака (хакасский роман И. Костякова «Шелковый пояс», роман бурятского писателя Б. Мунгонова «Хиллок наш бурливый» и др.), который как этнографическая деталь в дальнейшем становится эстетической идеей оберега, защиты, сохранения преемственности законов жизни в экстремальных условиях тайги, степи, леса, где постоянно должны действовать защища-

ющие и оберегающие человека законы его существования. Литература нашего региона не раз создавала образ шамана, настоящее искусство камлания которого — открыть в результате этого процесса-действия все миры — верхний, средний, нижний. Сегодня, как известно, наука вывела необходимость существования человека на уровне космического сознания и планетарного мышления, что в познании мира многих народов существовало испокон веков, и такая культурная этика космизма и планетарности — актуальный современный ресурс взаимопонимания человека, наций и народностей.

Известно, что формирование самосознания человека начинается с узнаваемого ему и близкого. У одного из героев тувинского романа Кудажи скулы на лице героя напоминали вымя невыдоенной коровы. Такая идейная характеристика самодостаточности, богатства (душевного, духовного, физического, материального) близка и понятна во многом читателю. И совершенно очевидно, что метафору такого образа надо вводить в эстетический оборот активнее — особенно молодой читатель должен знать генетическую содержательность этой художественной детали скотовода-кочевника в их ментальной и социальной значимости не только для тувинца.

Неминуемый приход к евразийской модели жизни (Срединной) заставит ученых, педагогов, деятелей культуры решать сложные задачи, связанные с такой методологией — образовательные, воспитательные, культурные и нравственные. Если пытаться типологизировать возникающие на этом социокультурном пути проблемы, то они тоже узнаваемы и взаимосвязаны. Одна из них — чем более будут укрепляться глобализирующиеся процессы развития, тем острее будут становиться вопросы этногенеза, идентификации и самоидентичности, как это подчеркивал в своих трудах Л. Н. Гумилев. В этногенезе и в связи с евразийством мы можем активнее опираться на этнические особенности региона — ландшафтные, ментально-культурные, психологические — этику и эстетику жизни скотовода, номада, кочевника, землепашца, охотника — это наши реалии и ресурсы, воспитанные, что называется с молоком матери. Хакасский прозаик Иван Костяков, с его миром охотничьих рассказов, повторюсь, — нераскрытая кладезь, ресурс, который может обогатить не одну хакасскую культуру. В ситуации евразийского моделирования проблемы национальной идентичности должны актуализироваться — в большой глобализирующийся мир необходи-

мо интегрироваться с меньшими потерями себя, «лица необщего выражения» — хакас должен быть хакасом, бурят — бурятом. И здесь язык, литература, театр и другие формы общественного сознания должны стать средствами формирования самосознания своего народа. Восприятие и понимание семантики национальных образов в фольклоре, современном искусстве обогащают взгляд человека на мир, делая национального человека самодостаточным в этом мире. Я уже говорила о популярности образа-символа пояса, кушака в литературах народов Сибири как символу оберега и традиций преемственности между поколениями, самосохранения как принципа выживания и сохранения себя в суровых условиях Сибири, важного и всегда актуального, как нигде. В силу особой слитности человека Сибири с природой всегда был активен в литературе культ древа, дерева — также как символа жизни, поэтому не все надо в тайге рубить и убивать — у бурятского народа (в той или иной форме он присутствует у всех народов Сибири и Центральной Азии) целый кодекс запретов, когда человеку, прежде чем срубить дерево, как живое существо, следует попросить позволения и над многим подумать, прежде чем это сделать — сегодня как никогда нужен думающий, размышляющий человек, не только над проблемами экологии. Особая художественная сила романа писателя Бурятии И. Калашникова «Жестокий век» во многом обусловлена умозаключениями как философскими раздумьями Тэмуджина-Чингисхана: «Первыми падают высокие деревья», «Никто не хочет быть телегой — все ездоками», «Заглядываясь на высокие деревья, можно споткнуться о кочки» и т. д.

В качестве еще одного важного посыла в евразийской модели, важной для нашего региона Сибири, Южной Сибири и Центральной Азии, я упоминала необходимость учета в Срединной России нашего региона как центра, соединяющего два геоландшафта — Запада и Востока, Европы и Азии, следовательно, соединяющих и две цивилизации — восточную и западную, где бурятский город Кяхта был центром второго мирового пути — чайного.

Другая проблема, которую никто не сможет решить кроме нас самих — факторы и аспекты конфессионального в современном сознании. Как ресурсы интеграции и идентификации, религиозического в сознании, такие каноны мировых религий, как возлюби ближнего как самого себя, жить значит страдать и др., должны ста-

новиться частью ментального, особенно молодых. Особая роль в нашем регионе принадлежит буддийским воззрениям, где многое работает на совершенствование личности — прежде всего это закон кармы как причинно-следственного смысла существования человека, когда за все надо отвечать и за все воздастся, особого внимания в этой связи заслуживает закон страдания, предполагающий постоянный поиск истины и возможности приближения к ней, к ее абсолюту в познании жизни. Все основополагающие каноны мировых религий представляют собой нравственный ресурс для каждого народа.

Евразийцы, как говорилось выше, расширили образную типажную картину искусства, привнеся в нее новые обозначения и содержательность типов — человека «леса», человека «степи» и человека «потока». Особый интерес для нас в этой связи представляет человек «степи» — номад-кочевник, скотовод, что обуславливает и формирование самого генотипа кочевника — предпочитающего одиночество, как, впрочем, и тип охотника — одному нужны высокие травы, другому — дремучая тайга. Молчаливый, но активно сосредоточенный в себе, в своем внутреннем мире, создающий сам этот внутренний мир в общении со всем окружающим его космосом — его молчаливое, лишенное внешней коммуникации одиночество становится богатством, создающим глубинно сосредоточенного, вдумчивого и душевно богатого человека, но закрытого и небогатого на общение. В своей основе таков генетический код каждого хакаса, тувинца, алтайца, буряты и других народов Сибири. И здесь есть проблемы для всех сфер науки — литературоведов, театроведов, педагогов, психологов, лингвистов.

Проблемой переосмысления, особенно в литературе, театре, должен стать еще один типаж евразийцев — человек «потока», босяк, батрак, у которого ничего нет, кроме самого себя. Когда герой М. Горького босяк Челкаш уходит от односельчанина Гаврилы, гордо швырнув ему в лицо добытые воровством деньги, писатель стремится, чтобы море скорее смыло его следы на песке. В национальных текстах таких образов батраков и босяков немало, и значит, нужна, как сегодня говорят, модернизирующая позиция в его восприятии и тогда тувинский образ человека со скулами, напоминающими у писателя Кудажи вымя невыдоенной коровы, сам по

себе будет восприниматься красавцем, потому что он труженик, а значит, положительный.

Все проблемы, обозначенные здесь в их перечислительном смысле, говорят, однако, об их литературоведческой, лингвистической, педагогической и психологической сложности не только этнических, поэтому очевидно, что сегодня нужен их синтез — в проявлении ментальных и коммуникативных возможностей национального человека в ситуации глобализации мира. Закрытый и молчаливый потомок кочевника, охотника, скотовода — это большая и сложная проблема обучения, знакомая каждому специалисту. Методологический и методический уровень соединения открытости и собранности православного человека с внутренней сосредоточенностью человека буддийских воззрений — несомненно, богатый социокультурный ресурс народов, населяющих необъятные просторы Сибири и Центральной Азии.

Л. Н. Гумилев доступно определял, что родина — это твоя связь с кормящим тебя ландшафтом, но она превращается в Отечество, когда ландшафт осваивается и тогда в этом процессе благополучия возникают традиции, формируется культура, которая делает каждый народ неповторимым. Он же как один из теоретиков пассионарности развития говорил о теории толчка, происходящего на стыке времен (конец или начало века), ландшафтов (север–юг, восток–запад). Таким феноменом современного развития толчка может стать евразийская модель мира. Н. Трубецкой писал, что Россия должна обрести свое собственное историческое лицо — евразийское. Мы в своих регионах во многом и есть одно из этих лиц.

Ст. опубликована в сб.: Евразийский фронтир: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе : сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 173–175.

**Отзыв научного руководителя
на диссертацию С. Д.-Н. Малзуровой
«Мифо-фольклорные истоки прозы
народов Сибири и Севера 60–80-х гг. XX века»**

Диссертационное исследование С. Д.-Н. Малзуровой представляет собой первый опыт научного обобщения места и роли мифо-фольклорных, этнологических и других компонентов народной культуры в прозе литератур Сибири и Севера. В таком типологическом синтезе, как обрядово-ритуальная поэтика, погребально-похоронный комплекс, комплекс обрядов деторождения и оберега новорожденного, а также образная и легендно-мифологическая системы исследуются в национальном литературоведении национальных литератур в контекстном отношении впервые. Особая заслуга диссертанта видится в том, что на обширном конкретном историко-литературном материале исследуется сложная эстетика мифологического сознания народов региона в их семантике и смысловой сущности в самых разных модификациях, осуществленных писателями в своих произведениях. Другая научная значимость работы диссертанта сказалась в том, что в своих аналитических посылах она стремится определить функциональную наполненность мифопоэтических компонентов, которые позволяют писателям строить и развивать сюжет своих произведений в определенном временном и пространственном континууме. Диссертанту удастся показать эстетическую плодотворность мифопоэтических компонентов, если их вхождение в художественную ткань повествования органично и сюжетно закономерно, то есть если компоненты мифологического сознания способствуют достоверно реалистичному изображению национальной картины мира, обогащению идейно-художественного замысла писателя.

Диссертация Малзуровой С. Д.-Н. — научное явление, которое значительно обогатит представления о мифо-фольклорных истоках творчества второй половины XX века писателей Сибири и Севера. Данная научная работа представляет первое комплексное изучение мифо-фольклорной основы прозы, проявляющейся в обрядах, ритуалах, образной системе, мифах и легендах.

Все достигнутое в исследовании дает мне основание рекомендовать диссертационную работу С. Д.-Н. Малзуровой к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Ю. И. Чаптыковой
«Фольклорно-поэтические истоки прозы И. Костякова»**

Актуальность темы диссертационного исследования вызвана необходимостью монографического исследования творчества одного из основоположников хакасской литературы Ивана Мартыновича Костякова (1916–1983), человека многогранно одаренного: писателя, журналиста, редактора, этнографа, поэта-песенника, переводчика, и определения его места в культурном пространстве Хакасии и национальных литератур Сибири в целом. Он вошел в хакасскую литературу как автор песен, лирических стихов, басен, уникальных «охотничьих» рассказов и романа «Шелковый пояс», был членом Союза писателей СССР. Авторская индивидуальность Костякова и этнопоэтическое своеобразие его прозы еще не получили достаточного внимания со стороны исследователей. Имеются работы лишь по отдельным аспектам его творчества, в то время как проза И. Костякова сыграла определяющую роль в становлении хакасской литературы и литературоведения и должна быть введена в научный оборот.

Научная новизна диссертации заключается в том, что Чаптыкова Ю. И. впервые в хакасском литературоведении исследует процесс творческого освоения И. Костяковым фольклорно-поэтических традиций при создании рассказов и романа «Шелковый пояс», национальное своеобразие которых не изучено в должной мере до сегодняшнего дня. Кроме того, диссертация Чаптыковой Ю. И. представляет собой первый опыт монографического исследования творчества хакасского писателя XX в. И. Костякова, формировавшегося в контексте национальной устно-поэтической традиции и традиций реалистической литературы.

Диссертационное исследование Чаптыковой Ю. И. посвящено актуальной в национальном литературоведении проблеме — проблеме истоков и основ национального мышления при создании художественного произведения. При этом исследователь справедливо

отмечает, что идеологические и духовные ориентиры, которые меняются в цивилизационных разломах XIX–XX вв., требуют не только перечтений ранее созданного, но и решения проблем освоения мифопоэтического в творчестве в его новых интерпретациях. Хотелось в этой связи обратить внимание, что типологически сходные процессы происходят во всех национальных литературах Сибири, Севера и Дальнего Востока, что также говорит об актуальности поставленной в диссертации проблемы, и, очевидно, этот процесс будет становиться в будущем все более плодотворным в плане литературного освоения писателями традиций, что позволит углублять и их литературоведческую аналитику. Другая ценность исследования заключается в том, что оно осуществлялось на языке оригинала (хакасском), что тоже является средством доказательности и убедительности исследования.

Все номинации и проблемы, связанные с ними, определены и расставлены в диссертационном пространстве первой главы — это истоки творчества, где собственно и начинается процесс фольклорно-реалистического мышления писателя И. Костякова — очерки, фельетоны, стихи, рассказы. И здесь следует обратить внимание на авторскую исследовательскую позицию Чаптыковой Ю. И., которая отмечает характерную для национальной литературы многогранность таланта писателя, в данном случае И. Костякова, стоявшего у истоков зарождения и формирования хакасской литературы. В этом национальные литературы Сибири также типологически сходны. Интересно и то, что И. Костяков с первых шагов в литературе проявляет мастерство художника, в этой связи диссертант обоснованно и убедительно исследует процесс прихода писателя к такому жанровому виду, как цикл. Циклизация в литературном процессе — это действительно методология сама по себе, поскольку и в жизни, и в природе все повторяемо, развивается циклично. В фольклоре и литературе циклы — это всегда большое мастерство и умение выразить глубину мышления. Известно, что первым создателем циклов в русской литературе был А. С. Пушкин, которого подвигнул к этому опыт Байрона с его «Восточными поэмами», и ошеломленный находкой Пушкин создает свои «Южные поэмы». Как видно, традиция оказалась плодотворной, и здесь неважно, знал ли об этом Костяков — генетическая предрасположенность таланта к содержа-

тельной концентрации циклов проявилась и у хакасского писателя, характеризуя его как большого художника.

Средоточием художественной образности, мотивов, обычаев и обрядов следует считать у Костякова его циклы и созданную вне циклов систему так называемых «охотничьих» рассказов, которые имеют глубокие национальные корни. В этих рассказах, в их этической и эстетической содержательности проявилась, конечно же, в первую очередь геоландшафтная особенность хакасского мира — охота, скотоводство, степная стихия, а также своеобразие самого таланта Костякова, когда из образа жизни формируется творческая особенность писательства. Из стечения таких уникальных и в то же время обыденных посылов Костяков создает свою философию и концепцию мира и человека, человека и природы задолго до экологической катастрофы и проблематики взаимодействия человека с природой. Мучительная дилемма идеи «охотничьих» рассказов Костякова — «убивать, чтобы быть» — способствовала, по мнению диссертанта, созданию этой особой философии писателя, рассмотрению которой посвящены параграфы первой главы диссертации. Художественное решение этих проблем пытается увидеть в творчестве Костякова исследователь. Забегая вперед, не могу не сказать, что этический и эстетический кодекс «охотничьих» рассказов помог, как считает диссертант, создавать писателю героику образа человека войны, что теперь уже, очевидно, должно стать проблемой отдельных диссертационных исследований. Автор диссертации прав, отмечая, что Костяков в 50–60-е гг. XX в., благодаря тематике своих произведений, их циклизации, особого наполнения мифопоэтических образов (орла, медведя, коня и др.) шел к универсальному жанру рассказа в хакасской прозе. Художественно-содержательная значимость рассмотренных образов не теряется во времени: что есть человек в природе и природа в человеке. Особенно показателен в этой связи приведенный диссертантом и исследованный им образ птицы в рассказе Костякова «Раненый гусь». Освоение писателем в литературном творчестве архетипа птицы (гуся), популярного в эпосе, позволяет автору решить необходимые в условиях военного времени проблемы восхождения, полета души, который так важен для победы.

Во второй главе диссертации автор обосновывает закономерность прихода Костякова к роману несколькими обстоятельствами.

Во-первых, это закономерность эволюционного процесса творчества, когда опыт накопления при создании малых форм требует естественного расширительного выхода; во-вторых, сама семантика и символика шелкового пояса, сохраненные в хакасском эпосе, не могли не стать предпосылкой движения художественной мысли к романному охвату повествования и опоясу более масштабных явлений жизни. Таковыми, по мнению диссертанта, становятся жизненные и художественные хронотопы Великой Отечественной войны, участником которой был сам автор романа — Иван Костяков.

В исследовании романного текста во второй главе диссертант выделяет два романских нарратива — преломление эпических традиций в изображении военного времени и военного пространства и человека войны. Диссертант исследует здесь механизмы создания Костяковым с помощью эпических мотивов, образов, символов определенного единства мифологического и реального. Созданию такого творческого синтеза, как показывает диссертант, способствовали несколько факторов: непосредственное участие писателя в событиях войны, глубокое знание этнопоэтических традиций своего народа, накопленный на определенном этапе особый жизненный и творческий опыт, реализованный в создании «охотничьих» рассказов — все у Костякова сработало на создание жанровой формы романа «Шелковый пояс». Героика человека войны во многом сформирована с опорой на героев эпоса, считает Чаптыкова Ю. И. Помимо этого здесь во многом сказался опыт «охотничьих» рассказов писателя, где герои тоже были поставлены в условия противостояния и преодоления.

В целом диссертант видит и раскрывает процесс ускоренного развития хакасской литературы, с одной стороны, в притяжении к содержательному богатству фольклора своего народа, к его образной символике, адекватно отражавших реальную жизнь во всех жанровых образованиях писателя, а с другой стороны — в активном отталкивании от этнографизма к реализму, что делает процесс развития прозы Хакасии закономерно органичным, а писателя И. Костякова заслуженно ставит в ряд классиков хакасской литературы. Остановлюсь и на том, что мне как оппоненту хотелось бы увидеть в диссертационной работе. На мой взгляд, недостаточно изучен опыт писателя, накопленный им на ранних этапах творчества (особенно при создании «охотничьих» рассказов) и преломленный в

изображении героики человека на Великой Отечественной войне. Особая ценность литературоведческих работ «с места событий», т. е. в национальных литературах, состоит в том, что процесс исследуется носителями культуры народа, и они более глубоко понимают интерпретационные возможности тех или иных традиций. И в этой связи хотелось бы увидеть эту глубину носителей этнокультурных факторов, особенно при трактовке таких основополагающих образов и мотивов фольклора, как солнце, луна, вода, огонь и др. И, наконец, при определении романного мифосимвола пояса в романе «Шелковый пояс» хотелось бы увидеть более расширенную функцию этого символа в романном тексте. Но поскольку это лишь второй роман в истории хакасской литературы, то все еще, наверное, впереди. И теория, и практика становления самого хакасского литературоведения находятся в стадии развития и активного поиска, о чем говорит данная работа.

Указанные замечания не являются концептуальными и не влияют на общую положительную оценку работы, а все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Цель работы достигнута, поставленные задачи диссертантом решены. Обоснованность и достоверность основных положений и выводов подтверждается и ходом рассуждений автора диссертации, и опорой на солидную теоретико-методологическую базу исследования. Работа Чаптыковой Ю. И. является самостоятельным завершённым исследованием и обладает теоретической и практической значимостью. Она может быть использована в научных исследованиях студентов и аспирантов, при подготовке к семинарским занятиям.

Автореферат и список публикаций соответствуют содержанию диссертации.

Диссертация отвечает требованиям, которые предъявляются к кандидатским диссертациям в соответствии с п. 8 «Положения о порядке присуждения ученой степени», а ее автор, Чаптыкова Ю. И., заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская).

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию В. Я. Ивановой
«Структурно-семантический аспект художественного
образа в прозе В. Г. Распутина»**

Диссертационное исследование Ивановой В. Я. продуцирует те литературоведческие этапы пути, где наиболее активно реализуются сегодня проблемы поэтики в ее сложных структурно-семантических проявлениях в тексте, в данном случае художественном тексте одного из классиков современной прозы В. Г. Распутина. С другой стороны, как пишет сам диссертант, «топография художественной картины мира писателя соотнесена с традиционной православной парадигмой отечественной культуры», поэтому в семиотический анализ текста диссертантом включен и активно работает аспект религиозности сознания писателя, его реминисценции сакрального христианского текста, православные конструкты образности в восприятии мира. При этом тема работы обоснована убедительно, четко, так же, как и само обоснование тенденций в распутиноведении в целом, актуализирующих ее, диссертанта, исследовательский пафос.

В диссертации Ивановой В. Я. поставлена сложная задача поэтической герменевтики, где интерпретации и толкованию представлен образ как слово в его структурно-семантической наполненности, причем и внутри себя такой образ-слово тоже в свою очередь выстраивается сложно — как параллелизм, иерархия, сверхсистемное единство, оппозиция, согласие и свобода внутреннего движения. И, наконец, формы инвариантных образов в связи с такими актуальными и потому популярными в литературоведении, и не только в литературной науке, понятиями, как пограничье, топос, и проявлениями перевернутости, изнаночности. Такова общая анализируемая диссертантом картина, и как видно, поэтика распутинского текста оказалась не только недостаточно изученной в науке, но весьма актуальной по своим семантическим проявлениям в современных реалиях нашей жизни, особенно вариации таких образов, как «перевертыши» и др. Слово как образ при этом взято как семиотическая единица во всех его лингвистических проявлениях — морфологии, синтаксисе, фонетике и даже графике (к примеру, имя Анна).

Сразу отмечу, что все составляющие структуру образа анализируются и интерпретируются на достаточно убеждающем научном уровне — на всех уровнях этих составляющих. Потребность такой герменевтической работы обусловлена и реализована автором диссертационного проекта как одна из актуальных — текст Распутина, что называется, «просил» такого его понимания и толкования.

В первой главе и ее параграфах исследуется структурная семиотика образа в выявлении таких бытийных понятий, как параллельность, иерархия, системность, оппозиция, согласие. Сразу необходимо отметить как определяющее качество исследования Ивановой В. Я. — все структурно-составляющие образа и образов рассматриваются в их динамике, трансформации, потерях и приобретениях на этом их пути. Так, параллелизм как прием удвоения силы духа (кона и Анны) в повести «Последний срок» в подробности обосновывается за счет обогащения архетипа коня и мифологическим кодом образа коня в фольклоре. Правда, не ясна и поэтому не совсем удовлетворяет попытка диссертанта превратить таким образом обогащенный образ коня в метаметафору, в некий образ образа, попытка слишком серьезная, потому что требует более концептуального ввода его в научный оборот, чем просто называние. Это касается и другого понятия, применяемого диссертантом, — архиметафора — выведение терминов и понятий в науке, повторюсь, требует концептуальности. Синергетическое единство, сложность и простоту этого единства — это бы хотелось увидеть, прежде всего в Анне как ядре такой параллели. Более убедительной представляется в работе выявленная иерархичность отношений в тандеме «рука — ладонь — рукавичка», где образность насыщается и как распятие (раскинутые руки) и ладонь как средство отчуждения от детей, но мостика к чему-то высшему. Вообще мне кажется, в этом семантическом тандеме и закладывается (неслучайно автор диссертации говорит именно здесь о ядре образа старухи Анны) сложность образа Анны, ее святости и грешности, создавшие стену между детьми, вывернутости жизни как рукавица.

Все образные слагаемые первой главы имеют достаточно убедительную трактовку их содержательности в тексте «Последнего срока» и особенно в наполнении образов мотивами эгоизма, согласия, оппозиции, греховности и святости в таких образах, как окно, зеркало, маятник и др. Особое внимание, на мой взгляд, заслужива-

ет звуковая архитектура образа, где диссертант достигает глубины проникновения и прочтения распутинского текста. Звуков много — швейной машинки, колокола, дыхания земли, жизни деревни — и они, по мнению диссертанта, создают идею согласия своим созвучием высшего (неба) с земным реальным. В такой сюжетно-композиционной окольцованности, сверхсистемности видит автор степень высокой организованности текста Распутина в повести. Это, несомненно, новый взгляд на созвучие как согласие, скрепленное православной картиной распутинского мира (колокол), о чем пишет диссертант на стр. 67. Правда, диссонансы в звуковом поле Распутина требуют, на мой взгляд, большего герменевтического внимания в связи с темой именно «Последнего срока» как некоей особенной гармонии или единства — в чем и заключена сложность и простота Распутина-прозаика. В этой связи в содержании первой главы диссертации вызывает особое внимание природа динамизма образов, особенно в их мифологических и православных кодах рождения от яйца до состояния полетности — здесь в анализе как раз обнаруживается литературоведческий аспект, который не везде одинаков в работе.

Глава вторая рассматривает образы, которые становятся в творчестве Распутина сквозными. И здесь сразу хочу выразить свое мнение о том, что вторая глава логичнее была бы быть первой, тогда структуры иерархии, оппозиции и их место были бы более обоснованными. Основной семантический материал второй главы связан с понятием грани — границы, святости, антимира и перевернутости. Эти зыбкие в общем-то состояния рассматриваются в более поздних после повести «Последний срок» произведениях Распутина, в основном в рассказах и повестях «Пожар» и «Живи и помни». Диссертант прав, говоря об этих семантических структурах — состояниях как больше предчувствиях и предощущениях, но реальных реалиях нашей действительности, что и волнует граждански чуткого и большого писателя Распутина.

В трактовке иконографической картины образа Анны, ее детей, в целом верной и прочувствованной диссертантом, хотелось бы сказать о той противоречивости, которая возникает, когда святости Анны противопоставляются антимиры в качестве ее детей — святость Анны перестает быть целостной и гармоничной. Сам диссертант приводит текст писателя, который на самом деле создает это

сложное представление об Анне и ее светоносности: «Она походила на свечку, которую вынесли на солнце, где она никому не нужна». Усиливается противоречивость восприятия мира верно понятой и верно поднятой автором диссертации проблемой перевертышей, явлений перевернутости мира, его изнаночности, когда жизнь становится игрой, а игра — жизнью, осознанием чего занимался в эти же годы Вампилов, что сделало Вампилова Вампиловым. Трагизм комизма верно, точно и тонко осмысливается диссертантом в образах троих детей бабки Анны — Ильи, Люси, Вари — пока на балаганно-фарсовом уровне, хотя перевернутость мира — реальная, и степень трагичности человека — наоборот — обозначена одним из героев рассказа «В больнице»: «Со спины будем отращивать перед». Уловление диссертантом такого их структурно-семантического наполнения можно считать новым словом в нашем современном распутиноведении.

Заключение диссертационной работы содержит обобщающие доказательства и проблемы их перспективных исследований в дальнейшем. На самом деле нет права оспаривать выбранные автором исследовательские ориентиры, его право здесь неоспоримо, но и не говорить о том, что бы при этом могло быть или не быть, тоже невозможно. Суть замечаний по данной диссертационной работе можно свести к следующему: определенные детали и замечания высказаны мною в процессе оппонирования. В качестве необходимого нужно сказать о недостаточном в некоторых разделах исследования литературоведческом аспекте, когда преобладающим становится лингво-лексический, хотя заданность такого анализа вполне понятна. Чем больше я вчитывалась в работу, тем более убеждалась в структурировании, когда часть параграфов для большей четкости аналитической позиции могли бы быть переставлены, к примеру 1.3 вместо 1.1 и другие — на мой взгляд, идея вывернутости и иконография Успенья (успеть) — контрапункты повести, куда и сходятся все сложные линии повести «Последний срок» и сквозные образы постбытия и за границами повести. И диссертант прав, говоря о таких аллюзиях, православных реминисценциях, которые пусть с натяжкой, но дают надежду ожиданиям, поэтому автор диссертации волен соединить Фому с Таньчорой, чтобы усилить писательскую надежду России на спасение. Дело здесь в этой натяжке.

Диссертация Ивановой В. Я. при всех отмеченных здесь вопросах охватывает основные поставленные проблемы и соответствует критерию ее внутреннего единства. Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74, в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 47 и может быть представлена к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

ВОСПОМИНАНИЯ

Многогранный образ Светланы Искровны Гармаевой предстает в воспоминаниях близких, родных, друзей, коллег, аспирантов, студентов.

Хилханов Доржи Львович, сын С. И. Гармаевой, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета:

Моя мама, профессор Бурятского государственного университета Гармаева Светлана Искровна, всегда жила своей работой.

Мама выросла в городе Закаменске в послевоенные тяжелые годы, была старшей дочерью, которая всегда опекала своих младших братьев. После школы поступила в педагогический институт в г. Москва и после вуза навсегда связала свою жизнь с преподаванием в БГПИ–БГУ. Она внушала своим студентам-филологам, что они являются элитой общества. Многие из них помнят эти слова.

Она была требовательным педагогом не только в институте, но и дома. Несомненно, мама оказала большое влияние на меня, на мое становление как вузовского преподавателя и ученого. Сегодня я вижу, что сферы наших научных интересов пересекались, но, к сожалению, мы не выступали совместно на конференциях. Она очень любила своих внучек Аюну и Алтану, охотно нянчилась с ними, провожала их в школу и потом встречала, вела с ними длительные беседы, рассказывала им интересные истории о своей жизни, о своих предках. Для моих детей ее уход был большой потерей.

Я часто в детстве ходил в БГПИ: сначала с бабушкой Верой Жаповной, затем — с мамой Светланой Искровной. Она была куратором студенческих групп и брала меня на различные институтские мероприятия. В те годы образование было только очным, не было дистанционных форм обучения. В таких условиях прекрасные ораторские способности, абсолютная уверенность в своей правоте позволяли ей быть в центре внимания студентов, стать еще при жизни легендой филологического факультета.

Будучи опытным преподавателем, блестящим оратором, она умела затронуть души молодых девушек и юношей, вдохновить их идеей бескорыстного служения литературе и обществу. Она полно-

стью отдавалась своей работе, воспринимала ее как творческий процесс, на моей памяти крайне редко болела до такой степени, чтобы не пойти на работу. Мама редко показывала мне свои сомнения, всегда была уверенной в своих действиях, местами даже безапелляционной. Она прожила счастливую жизнь, видела свою востребованность у студентов и аспирантов, многие из которых ее искренне любили и уважали.

На организованной кафедрой русской и зарубежной литературы БГУ в 2023 году всероссийской конференции, посвященной 85-летию моей мамы Гармаевой Светланы Исковны, было сказано много теплых слов в ее адрес от учеников и коллег из различных регионов страны. Для меня это значит, что память о ней, о ее словах и делах жива в их сердцах, так же как в сердцах членов нашей семьи.

Хилханова Эржен Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН:

Еще до того, как я познакомилась со своей будущей свекровью, я заочно уже была немного наслышана о ней еще в МГУ, где, собственно, и познакомилась с моим мужем. Я была студенткой филологического факультета, он — исторического, и мы были частью большого сообщества бурятских студентов. Мне тогда рассказывали, что приезжала мама Доржи (это было еще до моего поступления) и всех «строила», и все девушки сказали: вот «повезет» же кому-то, у кого будет такая свекровь.

Но на самом деле, когда я уже вышла замуж и мы в начале нашей семейной жизни жили все вместе на бульваре Карла Маркса, мы жили очень дружно. Светлана Исковна была замечательной хозяйкой, мы вместе делали разные заготовки, и у нас был своего рода культ еды в том плане, что все должно было быть натуральное, качественное, в соответствии с принципами тибетской медицины. Эти принципы я стараюсь блюсти и сейчас.

Там же, на бульваре Карла Маркса, родилась наша старшая дочь Аюна, и мы получили совершенно сумасшедшую бабушку — бабушку, которая вставала по ночам, с энтузиазмом участвовала во всем: купании, пеленании, гулянии, так что почти ничего у нас без бабушки не делалось. Она обожала свою внучку и до конца жизни

старалась ей чем-то помочь, направить, посоветовать. В 1994 году я поступила в аспирантуру и жила частично в Москве, частично в Улан-Удэ. Было решено не тащить ребенка в общежитие, и если бы не обе бабушки, вряд ли бы я успешно ее закончила. Но основной удар взяла на себя Светлана Искровна, так что я очень благодарна своей второй маме за то, что она поддержала меня в тот момент, хотя это были трудные времена и в системе образования, где почти все мы работали, и в стране в целом.

Мама очень любила свою работу и свято верила в то, что Учитель — это самое достойное и почетное занятие на земле. Помню, как она рассказывала, что студенты ее спрашивают: «Светлана Искровна, а Вы дома что-то делаете?» Они, говорит, думают, что я хожу дома растопершась и к лекциям готовлюсь. На самом деле я довольно редко видела (по крайней мере, до защиты докторской), чтобы она прямо сидела и писала лекции или еще что-то. Мне кажется, это потому, что вся мыслительная работа происходила в ней подспудно, постоянно, она в этом жила; это тот самый случай, когда можно человека разбудить среди ночи и он тебе без запинки изложит теорию литературы. Еще фраза, которую я довольно часто слышала: «Я могу себя плохо чувствовать, но стоит мне прийти на работу — я прямо летаю». Думаю, это большое счастье, когда работа так держит в тонусе, дает смысл жизни и ощущение причастности к большому и нужному Делу.

Она была очень верующим человеком. Верила так же, как делала все — всем сердцем. Когда мы собирались широко отмечать ее 70-летний юбилей, лама строго запретил это делать, поэтому и этот, и последующий юбилеи отмечались в узком кругу.

Мама была человеком удивительной жизненной силы и стойкости. От этой силы перепадало всем, все родственники в той или иной мере ощущали ее помощь и поддержку. Такую внутреннюю силу, энергетику и цельность характера я мало у кого видела. Еще она была очень гордая и в последние годы порой говорила: когда придет время, я хочу уйти в полете, чтобы не лежать, не болеть, не быть беспомощной. Собственно, так оно и вышло. Наверное, только очень сильным, незаурядным людям дается такая смерть, какую бы они сами для себя хотели.

По прошествии времени стираются какие-то мелкие черты, остаются любовь и светлая память.

Хилханова Аюна Доржиевна, внучка С. И. Гармаевой:

В театре не кобенятся

Каждый год на мой день рождения бабушка сетовала, как она поехала именно в этот день в командировку в Хоринскую среднюю школу. «Зачем-то именно в этот день попёрлась», — сокрушалась она. Рассказывала, как было холодно. А в этом году уже не рассказывала.

Для меня бабушка была всегда. Многие из моих ранних детских воспоминаний связаны с ней. Помню, как она не одобряла появление у нас кота Васьки, но относилась к нему очень серьезно, говорила, что у него очень умные глаза (потом она так же относилась к моей собаке, очень серьезно). Помню, как она гуляла со мной: я играю одна на казавшемся огромным школьным стадионе 35-й школы на бульваре Карла Маркса, она меня зовет домой, но я хочу продолжать гулять, и она терпеливо стоит рядом в пальто. Помню, как я ездила в Горячинский санаторий с ней и с дедушкой: вроде это был отдых, но бабушка успела по работе навестить Горячинскую среднюю школу. Помню, как я лежала в больнице, а бабушка приносила мне пельмени в банке. Как-то раз по какой-то причине навестить было нельзя, и она постучалась прямо в окно палаты.

Большая часть моей начальной школы прошла с бабушкой. По поводу школьного обучения у нее, конечно, тоже было свое мнение. Она всегда была на моей стороне. Моя учительница говорила ей, что я не могу объяснить, почему пишется так, а не иначе. Бабушку это не беспокоило: «Ну пишет же она правильно? А объяснить, почему это надо писать так, я тоже не могу».

С одноклассником, с которым мы сидели за одной партой, у нас был хронический конфликт: дележка парты. Этим вопросом бабушка тоже занималась, по собственной инициативе проводя с мальчиком вдумчивые беседы. Однажды она сказала ему, что для нас с ним пинать друг друга это нечестно, потому что он в твердых ботинках, а я — в валенках. Мальчик ей нравился, и она потом о нем всегда спрашивала, как, впрочем, и о многих других моих одноклассниках.

Бабушка могла в обыденной ситуации увидеть что-то комичное, несуразное, художественное, бессмертное. Иногда она как-то так выделяла ситуацию и как-то так ее пересказывала, что становилось

очевидно, насколько это смешно, так, что потом мы вспоминали тот или иной эпизод годами. Именно через призму ее восприятия многие незаметные мелочи становились шуткой. Историей. Жизнью.

Вот однажды мы с ней вышли из дому морозным зимним утром и побрели через вьюгу в мою 35-ю школу, а дойдя, узнали, что уроки отменили из-за низкой температуры. Бабушка собиралась меня оставить в школе, а потом поехать на работу, а в итоге ей пришлось еще проводить меня обратно домой, после чего, конечно же, поехать на работу.

А вот однажды мы с ней вышли, чтобы поехать к моему стоматологу, и прямо возле дома увидели именно этого стоматолога в очереди в киоск, уже навеселе. Бабушка прямо к нему и направилась: «А мы к вам!..»

Вот однажды она пришла домой, смеясь. Когда я спросила, что ее рассмешило, она рассказала, что шла мимо детского сада, оттуда вышла молодая пара с девочкой. Девочка бежит впереди по тротуару, родители идут, разговаривают, картина идиллическая. И тут девочка спотыкается, падает, отец сразу же бросается к ней, поднимает и голосом, полным любви и заботы, восклицает: «Ты чё, Катя, на*уй!»

И таких историй — россыпь.

Вот я захожу в комнату, а бабушка сидит за письменным столом, работая над докторской диссертацией, и в состоянии глубочайшей задумчивости пытается прилепить ко лбу мою игрушечную стрелу с присоской на конце. Получается плохо, поэтому бабушка все в той же задумчивости облизывает присоску, чтобы лучше держалась, и продолжает. Ранее присоска выполняла в моих играх роль печати (штампа), поэтому была выкрашена синей краской. Язык и лоб бабушки становятся синими... Я что-то говорю, и, кажется, только тут бабушка «возвращается» из диссертации.

Такое страстное отношение к работе, какое было у нее, мне, пожалуй, вживую еще не доводилось наблюдать у других людей. Когда я ей предлагала побереечь себя и как-то упростить работу тем или иным образом («забыть» и не тратить столько сил на пересдачи экзаменов, например), она отвечала: «Не могу». И, мне кажется, она действительно именно не могла делать свою работу не на сто процентов.

Когда бабушка рассказывала про свое детство, юность, все ее рассказы были очень выпуклыми, яркими. Например, она рассказывала, как от волнения не спала ночь перед тем, как пойти в школу впервые. Как иногда доила козу вместо мамы, но это было страшно, так как коза признавала только маму и надо было надеть мамин платок, чтобы обмануть козу, но та чувствовала подвох и продолжала принохиваться. Рассказывая про своего отца, говорила, что он вернулся с войны больным, «потому что самолеты были сделаны из фанеры». Рассказывала, как в юности ходила в Москве на прием к маршалу Малиновскому, «была в ситцевом платье выше колена».

Бабушка любила Москву, приехав, любила побывать в ГУМе, съесть там мороженое, пройтись по магазинам. Она обычно говорила: «Я поеду туда-то на таком-то трамвае, там такой-то магазин, там я хочу купить то-то и то-то». И так все и происходило: доезжала, находила, покупала.

Бабушка была в каком-то смысле бесстрашная. Сколько я себя помню, у нее висела на стене картина, на которой Гэсэр стреляет в оленя. Теперь будет вернее сказать «стрелял», потому что однажды бабушка взяла и отрезала ту половину картины, на которой стрела попадает в оленя. Она почувствовала, что так надо сделать, и этого для нее было достаточно.

При этом бабушкина любовь и забота всегда были очень осязаемыми. Это домашние оладьи, всегда купленное мое любимое повидло, мое любимое печенье, запас теплых носков. Новые шерстяные кофты, красивая одежда, хорошая обувь, шелковые платки...

Однажды я ездила с ней отдыхать на Енгорбойский аршан. Мы там гуляли по лесной тропе, и бабушка потеряла платок. Она сразу сказала, что пусть, хорошо, значит, хозяйка-хранительница забрала, значит, ей понравился платок. Однако, на обратном пути мы нашли платок на ветке возле тропы, и бабушка опечалилась, что хозяйка-хранительница почему-то не забрала платок. Но я думаю теперь, может быть, хозяйке тогда по какой-то причине захотелось его поддержать и вернуть обратно.

Бабушка не раз цитировала, обычно в ответ на разговоры о каких-нибудь чудесных перспективах: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную...» Иногда добавляла: «Ну тебе-то да, а вот мне — нет». А иногда не добавляла.

Когда я училась в начальной школе, мы с классом пошли в театр. Бабушка тоже пошла с нами. Еще с нами пошла сестра одной из моих одноклассниц, на несколько лет нас старше. И, когда свет уже погас, эта старшая сестра важно сказала шумевшей малышке: «В театре не кобенятся!» Бабушку эта фраза очень забавляла, и мы с ней ее годами регулярно вспоминали.

В театре не кобенятся, бабушка.

Гармаева Марина Николаевна, кандидат философских наук, *Сенгеева Татьяна Николаевна*, заслуженный работник образования РБ, почетный работник сферы молодежной политики РФ, семейный психолог, двоюродные сестры С. И. Гармаевой.

С благодарностью к Светлане Искровне Гармаевой

В первую очередь вновь огромная признательность ректорату БГУ, дирекции и коллективу Института истории и филологии за признание таланта и результатов педагогической и исследовательской деятельности доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы, отличника высшей школы СССР, заслуженного работника образования РБ Светланы Искровны Гармаевой. Мы уверены, что признание роли талантливого ученого — яркий показатель целей и задач передового вуза Бурятии, в том числе обобщение опыта передовых педагогов для формирования у студентов Бурятского государственного университета осознанной мотивации к обучению и развитию своих способностей и талантов.

Напомним, что Светлана Искровна родилась 31 марта 1938 года в г. Закаменск Бурятской АССР в семье нашего дяди Искры Шароповича Гармаева, оказавшего огромное влияние на мировоззрение своей дочери. Он сам с детства отличался особой прозорливостью, прекрасной памятью, был лучшим учеником школы и в старших классах ему доверяли вести уроки. Его жизнь была наполнена истинным смыслом веры в народ, и он был назначен заместителем директора авиационного завода по летной части. Искра Шаропович имел бронь, но настоял на том, чтобы его взяли на фронт, где отучился в летной школе, совершил немало полетов, но был серьезно ранен. Награжден орденом Красного Знамени. Из-за ран рано ушел из жизни. Мама Вера Жаповна одна поднимала трех детей. Стар-

ший сын был серьезно болен. Младший сын, Лев Искрович Гармаев, всю жизнь проработал на кафедре иностранных языков БГПИ–БГУ, пользовался большим авторитетом. Светлана Искровна же после окончания в 1957 году закаменской школы № 8 обучалась в Московском педагогическом государственном институте им. В. И. Ленина. Именно тогда она определилась со своей миссией — открыть миру великих писателей Бурятии. Начала свой педагогический путь в 1962 году. Встретила любимого человека — Льва Хуриновича Хилханова. Они были красивой парой. Родился сын Доржи, который окончил Московский государственный университет, стал, как и мама, ученым, доктором социологических наук. Сейчас работает в Москве профессором общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета. Его жена Эржен Владимировна Хилханова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям в Институте языкознания РАН, также профессор. Они на качественном уровне продолжают дело Светланы Искровны.

В 1969 году Светлана Искровна поступила в аспирантуру Института мировой литературы им. А. Горького. Тема ее кандидатского диссертационного исследования «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии» вызвала большой интерес у литературоведов национальных республик СССР. Ее монография «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века» сыграла важную роль и в определенной мере заставила пересмотреть роль национальной литературы в стране и за рубежом. Защита докторской диссертации «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст» сыграла решающую роль в развитии литературоведения народов Сибири и других стран, в том числе Монголии, Венгрии. В этой работе предпринимается первая попытка комплексного рассмотрения проблем типологии на определенном отрезке времени и пространства в прозе Бурятии XX века. Автор актуальной работы, отличающейся новизной, считала, что изучение национальной поэтики и ее типологии в эволюционном движении на этногеографическом и историческом уровнях даст возможность подойти к определенному типологическому ряду, подго-

товить вхождение тюрко-монгольского художественного ареала в более общие системы. С. И. Гармаева выражала надежду, что в методологической ситуации конца 1990-х годов в литературе и литературоведении могут обнаружиться и исконные позитивные процессы, не поддавшиеся конъюнктурным тенденциям времени, сохранившиеся в своей изначальной значимости (к примеру, проблемы типологии буддийской модели мира).

Вся трудовая педагогическая, вернее образовательная деятельность С. И. Гармаевой была связана с филологическим факультетом БГПИ–БГУ. Разработанные ею авторские курсы по теории литературы и проблемам закономерности художественного развития вызвали большой интерес как со стороны преподавателей, так и молодых ученых, аспирантов и студентов и подтвердили ее высокий уровень как современного методиста. Ее особые — развивающие самосознание — лекции вызвали интерес к творчеству русских и бурятских писателей, остались в памяти горячо любивших своего преподавателя студентов и аспирантов. Великолепный методист, вдумчивый педагог, она много времени отдавала совершенствованию процесса обучения и воспитания студентов. С. И. Гармаева вырастила значительное количество вдумчивых, интересующихся национальной литературой учителей русского и бурятского языков и литератур, которые сегодня продолжают интересоваться современными проблемами литературоведения и развивать ее идею — знакомить детей с самобытными произведениями писателей, в том числе бурятских.

Светлана Искровна неоднократно говорила о том, что глубокое обращение к истории буддизма, к истории народного творчества бурят, семейских, всех народов Сибири укрепит роль национальной культуры и не нужна будет идейная поддержка «сверху».

С 1986 по 1996 годы возглавляла кафедру литературы, искала и находила новые варианты преподавания литературы как в вузе, так и в школе, в том числе в рамках исследования процесса становления и формирования национальных литератур, национального самосознания педагогов и учащихся. Она понимала и акцентировала роль сельских учебных заведений Бурятии в формировании родного языка. Светлана Искровна часто бывала на родине, в г. Закаменске по инициативе кафедры была создана экспериментальная школа гуманитарного направления. Земляки ее очень уважали и ждали каждого

приезда для продолжения решения новых задач, ведь нужен был серьезный анализ инновационных действий.

Светлана Искровна Гармаева активно работала с аспирантами. Под ее мудрым, дотошным руководством успешно защитили кандидатские диссертации по литературе народов России 8 человек, которые сегодня развивают идею необходимости исследований национальных культур как предмета интеграции и универсализации в настоящем и будущем.

Светлана Искровна продвигала идею, что художественное сознание писателя, отражая действительность, значительно актуализирует и обогащает первоначальные значения и содержание отдельных традиционных образов, мотивов и конфессиональных воззрений. Она дружила с писателями не только Бурятии, но и Якутии, Тувы, Хакасии, Калмыкии, Монголии.

С. И. Гармаева пользовалась заслуженным уважением среди студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников не только филологического факультета (позже ИФИЯиМК, ныне ИИФ), но и всего Бурятского государственного университета, а также преподавателей других вузов страны, литературоведов, исследователей национальных литератур Сибири, была признанным авторитетом для учителей. Светлана Искровна верила, что педагог может помочь сформировать восточное сознание, выраженное буддизмом с его принципом «мир — это я». Она считала, что результатом буддистского канонического закона зависимости, причинной следственности является идея перевоплощения, перерождения, пересоздания жизни. Она верила, что учитель может показать процесс формирования собственно писательской философии.

Нам важно отметить, что С. И. Гармаева с детства определила свою цель: привлекать внимание жителей Бурятии через учителей словесности к собственным историческим богатствам — силе слова улигершинов, современных бурятских авторов, которые писали и продолжают писать о любви к Родине, к своей уникальной самобытности, формирующейся на стыке Запада и Востока. Сама она прекрасно владела речью, ее рассказы были понятны, интонация завораживала. Ее речь словно создавала прекрасное кружево, которое было наполнено большими картинами мира и особым смыслом, привлекало логикой. Приводим ее вывод: если этногенез во многих своих параметрах явление природное, формирующееся особенно-

стями географии, климата и ландшафта в целом, то специфическое в нем складывалось, с одной стороны, под влиянием степной стихии и мира кочевника, с другой стороны — традицией оседлости и земледелия. Жители Бурятии умеют слушать юролы, говорят красивые благопожелания, прекрасно поют, ценят свои обычаи и ритуалы. Радует и особо восхищает, что жизнь Светланы Искровны Гармаевой была наполнена смыслом, яркими целями — дать особые знания, расширить осознанность роли слова, повысить национальное самосознание, усилить чувство гордости отдельного человека через познание теории эволюции и космизма, этногенеза, идей евразийства и пассионарного напряжения, возможности познания религии и др. В этой связи основное внимание Светланы Искровны Гармаевой было уделено изучению прозы Бурятии и ее типологических аспектов в следующих их проявлениях: мифопоэтические и культурные традиции, религиозные мотивы и воззрения, проблемы формирования национальной художественной философии. Фактором, способствующим типологическому исследованию, помогающим моделировать специфическое образное видение мира, может стать и традиционное понимание, и изображение времени (мифологического, религиозного буддистского и исторического), которое исчислялось на востоке по кругу, по циклу, в отличие от однонаправленного и прямого в западном сознании. Цикличность и замкнутость времени как бы предполагает повторяемость происходящего в нем.

Мы надеемся, что все вышеперечисленное будет помогать уменьшать напряжение сегодняшнего дня. Не случайно любовь к родному месту, к яркому языку бурят дает силы воинам Бурятии отстаивать интересы своей Родины — России.

Гармаева Дора Доржиевна, двоюродная сестра С. И. Гармаевой:

Вспоминаю далекое детство, когда мне было всего лишь 5-6 лет. Очень четко в моей памяти остались черты лица сестры Светланы, две ее аккуратно заплетенные косы, чистое белое лицо и добрые глаза.

Когда Светлана жила в Городке (так раньше назывался город Закаменск), часто приезжала к нам в Бильчир Закаменского района,

маленькое село между двумя реками. Она всегда брала меня с собой. Возьмет за руку, и мы пешком идем в местность на правой стороне села под названием Байса, которая находилась за крутой горкой, а далеко внизу текла быстрая река, такая глубокая, что не было видно дна. Я очень боялась, когда переходили через тропинку, и передвигалась, сидя на попе. Мы доходили до места, где зеленая поляна была чистая, ровная и где росла черемуха. Сестра ее собирала, а я рядом срывала и ела сладкую мясистую с мягкими косточками ягоду. Она очень быстро собирала большое ведро, и мы шли домой. Это детское воспоминание запомнилось мне на всю жизнь.

После окончания средней школы я приехала в г. Улан-Удэ и сразу поехала к тете Вере, маме Светы, которая тогда жила в районе мелькомбината. Сестры не было, потому что она уехала в Москву учиться в аспирантуре.

Тогда ее сын Доржи был маленьким, он остался в Улан-Удэ с бабушкой и ходил в детский сад «Теремок» на Саянах. Однажды я забрала его из садика и никак не могла попасть в автобус номер 1, на этом маршруте они были всегда переполнены. Мы с Доржи приехали домой почти к 8 часам вечера, и тетя Вера тогда переволновалась.

Наша сестра получила самое высшее образование, работала с аспирантами. Несмотря на то, что она была занятым человеком, всегда интересовалась нами, всегда беспокоилась о нас, спрашивала, всегда звонила. И мы к ней ходили, душевно разговаривали. Все сестры и братья называли ее *наша НЯНЯ*. Мы ценим заслуги Светланы Искровны.

Жаргал-багша, проректор буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Д. Д. Заяева:

Дорогие коллеги и родственники Светланы Искровны! Выражаю вам большую благодарность за решение увековечить ее имя, за то, что дали мне возможность поделиться своими воспоминаниями.

Я долго думал, как их начать, поскольку было много коротких и долгих встреч. И почти каждая была пронизана особым духом.

Светлана Искровна была великодушным и поистине глубоко мыслящим человеком, который мог не только принимать, но и делиться своими знаниями!

Когда я начал погружаться в воспоминания, осознал одну вещь. Со Светланой Искровой я познакомился где-то в 2006–2008 годах, благодаря Дариме Будаевне Очировой. Оказывается, со дня знакомства и до последней нашей встречи она ни разу не пожаловалась мне на свое самочувствие. На вопросы о здоровье всегда отвечала: «У каждого пожилого человека есть свои болезни. Это естественно, мне не на что жаловаться, терпимо». Сейчас это меня удивляет, поскольку я лама и часто вижу людские страдания. Она больше беспокоилась не за себя, а за родственников, а также за своих учеников, часто просила помолиться за их здоровье, долгую жизнь, благополучную сдачу экзаменов, защиту диссертации и т. д.

Светлана Искровна с благоговением относилась к Учению Будды, с интересом — к философии буддизма. Начитывая мантры Арья-балы и Зеленой Тары, с почтением относясь к ламам, никогда себе не позволяла даже с юными хувараками разговаривать на *ты*, являясь ученым с большой буквы! Это подтверждало ее благородное высокое происхождение и статус учителя!

Она часто мне говорила, что хотя в ее возрасте трудно ездить на различные конференции, но ради будущего и сохранения нашей культуры и традиции готова показать свое бурятское лицо!

Вспоминая эти слова, во мне зарождается особое вдохновение служить своему народу!

Вспомнилось еще одно поучение Светланы Искровны: «Мудрость не в имени, а в результате!». По сей день данные слова заставляют задуматься!

За наши годы дружбы я понял, что мне удалось встретиться с глубоко верующим и мудрым человеком! Надеюсь, ее доброе имя и результаты ее деятельности возвысят ее дети и ученики!

Ом Мани Бадме Хум! Найн түрэл олохотной болтогой!

Прокудина Вера Даниловна, одноклассница С. И. Гармаевой:

Воспоминания о детстве

Детство мое прошло в г. Закаменске Бурятской АССР. В далеком 1947 году я пошла в школу.

Наша начальная школа располагалась в районе лесорамы. Это было одноэтажное деревянное здание в виде барака. В школе и встретила своих подруг. С одной из них, Светой Гармаевой, мы дружили всю жизнь. В позапрошлом году моя Света ушла в лучший мир.

Помню ее с третьего класса, так как в это время их семья приехала в Закаменск из Улан-Удэ. Их поселили в дом на постой к моим родственникам Бутиным. Условия были нелегкие, спали прямо на полу. В школу мы ходили в той одежде, какую найдут родители, поэтому помню, что Света ходила в ситцевом платье. Потом их семья построила домик на берегу речки. Время было голодное, но мы стремились и старались учиться. Света всегда училась очень хорошо, была упорная, учеба ей давалась легко. Мы часто ходили друг к другу и вместе готовились к урокам. У них, помню, была коза, звали Файка. Придем к Гармаевым, а она нас не пускает во двор, приходилось сидеть на заборе и ждать, когда Света выйдет и загонит ее.

Играли в лапту, в догонялки, ходили в лес за ягодами, грибами и просто на прогулки, в походы.

Учились кататься на лыжах. Мы вдвоем не умели ездить на них, поэтому на физкультуре отставали от класса и, периодически падая и смеясь, еле добирались до нужного места. Зато запомнили на всю жизнь эти уроки физкультуры.

В старших классах Свету избрали комсоргом. Ей часто поручали выступать с трибуны на разных городских митингах. Нам, одноклассникам, было очень интересно слушать. Мы гордились ею. Учителя всегда отмечали ее сочинения как грамотные, обширные, с глубоко раскрытой темой. Конечно, они всегда были написаны на «отлично».

В то время постоянно хотелось есть, мы со Светой часто ходили в буфет, где работала буфетчицей тетя Груша. Мы упрашивали ее дать нам в долг по пирожку, обещая отдать деньги с зарплаты моего старшего брата Паши. Она нам не отказывала, и довольные мы уходили с вкусными пирожками.

В школе проходили различные мероприятия. Тогда были в моде пирамиды. Помню, как весело и задорно мы строили их. Даже выступали потом от школы во Дворце культуры. Ездили на экскурсию в Кяхту всем классом.

В 1957 году мы окончили школу и разъехались в разные стороны. Света поступила в пединститут в Москве.

После окончания института Света приехала в Закаменск, и мы устроили встречу одноклассников. Были молодые еще, веселые, задорные.

В 1979 году мы переехали в Улан-Удэ и стали снова часто общаться, но уже семьями, дружили всю жизнь.

Номогоева Виктория Владимировна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Светлана Искровна Гармаева — ученый, педагог, человек

В становлении педагогов высшей школы большую роль играют авторитетные личности, встречающиеся на пути их образовательного, научного и творческого профессионального роста. Наше поколение преподавателей имело возможность в своей карьере работать бок о бок с профессурой советского периода, маститыми учеными, истинными педагогами и наставниками, которые бескорыстно передавали свой опыт молодым.

В 1990-е годы, когда мы начали трудиться в вузе, на историческом и филологическом факультетах работали представители блестящей плеяды профессорско-преподавательского состава педагогического института, сформировавшейся в 1960–1980-е годы — в эпоху кадрового и научного становления нашего института.

Можно сказать, что весь коллектив бывшего историко-филологического факультета был коллективным наставником нас, молодых преподавателей. Они учили и воспитывали не только студентов, но и юных коллег, учили очень важному и необходимому в жизни — опыту человеческого общения. Нашим историческому и филологическому факультетам, выросшим когда-то из одного исто-

рико-филологического, всегда были присущи традиции наставничества, заложенные с истоков существования Истфила.

Одним из таких профессоров, с кем мне посчастливилось познакомиться на своем жизненном пути, была доктор филологических наук, профессор Светлана Искровна Гармаева. У нас на Истфиле преподаватели были образцами не только поведения, но и эрудиции, глубокого знания своих предметов. А еще образцами в области эстетики! Светлана Искровна была всегда стильно и красиво одета, ее образ всегда дополняли красивые украшения.

Сотни выпускников нашего родного вуза получили профессию учителя, филолога, слушая прекрасные лекции замечательного педагога, наставника и Большого Ученого Светланы Искровны Гармаевой. По единодушному мнению студентов-филологов она являлась непревзойденным мастером слова.

Светлана Искровна Гармаева начинала свой трудовой путь в БГПИ им. Доржи Банзарова в 1967 году с должности ассистента кафедры иностранных языков. После окончания аспирантуры ИМЛИ в 1973 году и до конца своих дней ее трудовая деятельность была связана с филологическим факультетом БГПИ–БГУ, где вела теоретические курсы.

Важной особенностью педагогического таланта С. И. Гармаевой была нацеленность на воспитание личности студентов. Много лет работая на кафедре, обладая обширными познаниями в теории литературы и в смежных областях, прекрасно владея литературоведческим аппаратом, Светлана Искровна всегда старалась дойти до сердца каждого слушателя. Она постоянно стремилась помочь ученикам в постижении сложного предмета, знакомила с актуальными научными литературоведческими проблемами. Ее блестящие концептуальные лекции в полной мере оказали большое влияние на формирование мировоззрения будущих филологов, они навсегда остались в памяти многих поколений словесников. Всегда открытая для общения, глубокая, она учила студентов думать, общаться и рассуждать.

В течение десяти лет С. И. Гармаева возглавляла кафедру литературы (1986–1996), сделала многое для совершенствования учебного процесса, постановки научных задач и подготовки кадров для кафедры. В результате исследования по научной теме кафедры «Проблемы развития зарубежной литературы и регионального тек-

ста в мировом литературном процессе» были выявлены и изучены новые историко-литературные факты в контексте культуры, менталитета народов, населяющих территории Великого чайного пути; выявлены интертекстуальные аспекты региональной и зарубежной литератур, общности тематических структур, прецедентных тем; уточнено понятие «региональный текст», определена специфика его анализа.

Наряду с привлечением к научной работе уже входящих в штат кафедры преподавателей, приглашала молодых выпускников своего факультета и ведущих университетов страны. Будучи широко эрудированным литературоведом Светлана Искровна приложила немало усилий для создания подлинно творческой атмосферы вокруг себя. Молодые преподаватели получили возможность выезжать на стажировку, в аспирантуру, на консультации. Для многих эти поездки стали в дальнейшем началом их научной карьеры и роста.

Светлана Искровна и сама активно занималась научной работой, защитила кандидатскую диссертацию, затем получила ученую степень доктора филологических наук, звание «Заслуженный работник БГУ». Свою научную деятельность Светлана Искровна посвятила изучению бурятской прозы, типологическим чертам национальных литератур Сибири. Докторская диссертация «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст» была защищена ею в 1998 году в Институте мировой литературы им. А. Горького.

С. И. Гармаева много внимания уделяла изучению этнопоэтических традиций национальных литератур народов Сибири в их онтологическом единстве и своеобразии. В данном направлении ею как научным руководителем были подготовлены восемь аспирантов, которые успешно защитили кандидатские диссертации по бурятской, тувинской и другим национальным литературам Сибири и Севера (Г. Ц. Бадуева, Д. Ч. Дымбрылова, Э. Г. Сангадиева, Н. Н. Алексеева, А. Б. Матуева, М. Ю. Дондокова, С. Д.-Н. Малзурова, А. Х. Херел).

Как преподаватель Светлана Искровна работала над проблемой улучшения преподавания литературы в вузе и школе, отдавая предпочтение сельским учебным заведениям Бурятии. Она много ездила по сельским школам, особенно в свой родной Закаменский район.

Светлана Искровна Гармаева была и осталась для многих знавших ее людей одной из лучших коллег, преподавателей, друзей. Она из тех, о которых говорят — Учитель с большой буквы. Вся ее жизнь является примером преданности своему любимому делу — делу обучения литературе как науки, изучающей человека, его взаимодействие с миром и окружающей средой!

Башкеева Вера Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Со Светланой Искровной Гармаевой я познакомилась в 1984 году, когда пришла ассистентом в Бурятский государственный педагогический институт. Она была доцентом кафедры литературы, читала курсы по введению в литературоведение и по теории литературы. Уже это меня заинтересовало, так как теоретические курсы — особый подход и особый полет в проникновении в сущность литературоведческих процессов. До этого полета дорастают в процессе многих лет работы в науке или в преподавании. Или не дорастают. И я пошла на лекции опытного преподавателя по теории литературы.

Что хочется отметить? Четкий план, замысел лекции. Опора на любимых писателей. Постоянная напряженная работа со студенческой аудиторией. Диалоговый стиль работы на базе определенного видения материала. Много вопросов и один — безупречный, единственно возможный, божественный — ответ. Лекция была похожа на квест в приближении к его загадке и смыслу. Студент заразился вопросом, стремился найти ответы, разочаровывался в своих силах, падал духом, потом появлялась надежда, что истина схвачена за хвост, в конце вдруг пронзал катарсис, и — ура! — истина найдена. Лекция была для студента испытанием, фейерверком и открытием. Такое — падение в интеллектуальный ад и спасительное воскрешение в образе героя-победителя — не забывается. Не случайно выпускники филологического факультета всегда помнили своего преподавателя, всегда передавали приветы.

Другой эпизод связан с работой Светланы Искровны заведующим кафедрой литературы. Она чувствовала в себе силы делать что-то иное, нежели просто быть преподавателем, и пошла на кон-

курс по замещению должности заведующего кафедрой после того, как А. К. Паликова сложила полномочия. Конкурентов, к счастью, не было, хотя другие члены кафедры, поголовно доценты, могли бы и посоперничать.

Один из ярких моментов руководства кафедрой был связан с процессом сближения со школой: был организован эксперимент по методическому сотрудничеству со школами города и родного Закаменского района Бурятии, куда однажды выехали почти все члены кафедры. Для меня это был прекрасный момент развития методических компетенций в роли учителя. Помню, выбрала тему, связанную с ранними повестями Н. В. Гоголя, а именно с «Сорочинской ярмаркой», и едва ли не впервые провела свой мастер-класс. Следует признать, у урока была интрига, была работа с текстом, был интерес у школьников. Благодарна заведующей кафедрой за создание условий для методического роста.

Светлана Искровна понимала, что женский коллектив нуждается в сближении, в общении, тем более что филологи — народ непростой, ершистый, по-хорошему и по-нехорошему высоколобый, излишне разговорчивый и субъективный. За годы ее работы заведующим кафедрой сложилась традиция неформального общения, когда страсти утихают и рождаются более гармоничные формы общения. Неформальное общение и показало, что филология для Светланы Искровны не просто работа или тема, а содержание ее жизни, критерий оценивания и манящий свет. Отсюда повторяющееся цитирование любимых стихов Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути» или «Быть знаменитым некрасиво». Отсюда излюбленная мысль о том, что филологи есть элита общества.

Еще один эпизод — работа над докторской диссертацией, которая стала значимым этапом в ее жизни. Время перестройки, которая позже привела к разрушению Советского Союза, имело для современников и позитивные моменты — смену взгляда, обращение к национальному, возрождение как будто угасших идей и культурных форм. Рассмотрение новых тем — этнокультурных, религиозных, привлечение литератур народов Сибири и Дальнего Востока создали основу для докторской диссертации. Будучи человеком ораторского, риторского типа, Светлана Искровна упорно трудилась над диссертацией и стала одним из первых докторов наук перестроечного призыва в Бурятском госуниверситете.

Позднее мы продуктивно развивали евразийскую тему и по возможности евразийский подход в литературоведении. Это происходило в формате международных конференций, круглых столов, факультетских чтений, начиная с 2002 года, с момента издания первого сборника с новыми темами и идеями. Светлана Искровна видела в евразийстве что-то глубоко личное, сердцем откликнулась на вызовы эпохи. Это не случайно, именно она была проводником идей Льва Гумилева о Великой степи, о пассионарности народов, об особых циклах в истории.

Желание быть «с веком наравне» видно по тем темам и подходам, которые Светлана Искровна давала своим дипломникам. Изменения в области теоретического осмысления в литературоведении, связанные с западническим разворотом постперестройки, отвергались ею, и вполне правомерно. Западнический разворот есть повторение и перепев того, что не просто чуждо русской культуре, но губит ее, уничтожает ее корни. К сожалению, российский преподавательский мейнстрим попался на эту удочку и потащил за собой бедных студентов. Наш же имярек, напротив, шел по своему пути. Светлана Искровна давала семантическое, то есть смысловое, расширение теоретических понятий, вводила новые понятия и тем самым позволяла студентам видеть новые горизонты.

И значимость ее поисков и ее взгляда — не только на литературной ниве, но и на поле жизненных смыслов, боюсь, мы, коллеги, не до конца поняли. Об этом в приватной беседе сказала мне в году примерно 2011-м гостя из Челябинска, отметив, что Светлана Искровна — уникальная, редчайшая личность и нам надо просто ловить ее мысли, откровения, ценить общение с ней. Жаль, уже не получится.

Мысли из стихов Пастернака: «Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов...» — были по-особому любимы Светланой Искровой, высвечивали ее ценности, приоритеты и показали реальный масштаб ее любви и ее мечты.

Затеева Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

О Светлане Искровне Гармаевой — моем учителе и коллеге

Профессиональное становление человека зависит от многих обстоятельств — родителей и учителей, личного выбора и учебного заведения. Совпадение этих факторов в одной точке — большая удача для того, кто выбирает профессию. В моем случае все произошло именно так. Поступив в начале 1970-х годов в Бурятский пединститут, я встретила людей, не просто увлеченных своей профессией, но способных передавать эту увлеченность своим ученикам — студентам-филологам, будущим учителям. Преподаватели двух кафедр отделения русского языка и литературы историко-филологического факультета — вот те люди, с которыми познакомил меня жизнь при вступлении в профессию и вместе с которыми долгие годы мне посчастливилось работать в одних стенах. Одним из них стала Светлана Искровна Гармаева, на чью лекцию по теории литературы я впервые пришла осенью 1975 года. Уже тогда меня поразила удивительная способность преподавателя говорить о сложных вещах просто, умело и увлекательно открывать студентам извивы литературоведческих штудий. На первых порах нам показалось, что то, о чем говорила на лекциях Светлана Искровна, уже хорошо знакомо. Однако прошло совсем немного времени, и оказалось, что еще очень многое предстоит узнать, а открытия, которые мы делали на занятиях по теории литературы, станут той точкой отсчета, с которой начинается то, что называется фундаментализацией историко-литературных знаний. С тех пор к учебному курсу «Теория литературы» и преподавателям, ведущим этот курс, я испытываю особое чувство уважения и почтения, которое возникло во многом благодаря трудным и одновременно легким занятиям у Светланы Искровны. Она много раз говорила: «Сложно, потому что просто. Скажите о сложном просто, и вы его поймете. Говорить о сложном сложно легко, скажите о нем просто. Это трудно, но вы попробуйте».

Через год, когда я была принята на кафедру русской и зарубежной литературы в качестве ассистента, состоялась мое второе знакомство со Светланой Искровой, ставшей теперь уже моей колле-

гой. Все, кто был на моем месте, знает, что начинать работу с преподавателями, которые до этого времени знали тебя как студента, непросто, но мне помогла доброжелательная атмосфера, царящая на кафедре тех лет. Старшие коллеги во время перерывов между занятиями много говорили о литературе, обменивались мнениями о книжных новинках, обсуждали проведенные занятия. Очень скоро оказалось, что члены кафедры охотно готовы делиться со мной опытом по самым разным вопросам. Среди них была и Светлана Искровна, уже признанный преподаватель, пользующийся авторитетом у коллег и студентов.

Одной из традиций кафедры в те времена были так называемые посиделки, которые организовывались по разным причинам, будь то официальные праздничные даты или дни рождения, начало и окончание учебного года или встреча с гостем. Поводом одной из таких посиделок стал 40-летний юбилей Светланы Искровны, который она решила отметить на кафедре. Так совпало, что узкий кафедральный круг неожиданно был разбавлен гостем из Иркутска — известным писателем М. Д. Сергеевым, который во время оживленных разговоров о литературной жизни Иркутска и Бурятии, а также хорового исполнения любимых песен виновницы торжества незаметно для всех на салфетке написал поэтическое посвящение юбиляру, в котором изящно обыграл редкое отчество юбиляра — Искровна. Достоверно знаю, что Светлана Искровна хранила этот поэтический дар многие годы, при случае любила о нем вспоминать и даже цитировала полюбившееся сравнение себя с искрой. Мне кажется, что Марк Давидович в своем экспромте отметил одно из главных качеств Светланы Искровны — искристость. Время, проведенное рядом со Светланой Искровной, убедило меня в прозорливости поэта, угадавшего суть моего учителя и коллеги.

Искристость Светланы Искровны как синоним ее души с годами разгоралась все ярче и наконец стала ее фирменным знаком. К чему бы не обращалась Светлана Искровна — будь это учебные занятия или рутинная работа преподавателя, научный доклад или выступление на Ученом совете или заседании кафедры, ее докторская диссертация или обычный разговор с коллегами на житейские темы — во всем этом присутствовала искристость ее изящного, блестящего ума и истинной интеллигентности.

Суэта ежедневной преподавательской работы, к сожалению, оставляет немного времени для неспешных бесед. Тем более мне дороги воспоминания о тех, к сожалению, немногих разговорах со Светланой Исковной, ее суждениях, продолжающих удивлять и поражать своей глубиной и всеохватностью, привычках, отличающих в ней верность вневременным ценностям, доброжелательной и уважительной манере общения. В памяти сохранились разговоры с ней об истинных и ложных кумирах в литературе, о вечных и переходящих началах в жизни, о моде и украшениях, в которых она знала толк, ценя в них прежде всего естественность и натуральность. Так, в годы, когда многие литературоведы испытали «постмодернистский ажиотаж», во многом направленный на разрушение основ классического реализма, Светлана Исковна заняла позицию хранителя и оберегателя последнего. Как истинный ученый она не поддавалась эйфории, а проявила присущие ей прозорливость и мудрую осторожность в оценке происходящих перемен в жизни, культуре и, конечно, в литературе. В то же время она не стала ретроградом, напротив, прекрасно сознавала, что жизнь не стоит на месте, что ее обновление — это такая же историческая закономерность, как и сохранение преемственных связей.

Светлана Исковна сохранила верность классическим традициям не только в преподавательской деятельности, являя собой пример вдумчивого, владеющего секретами ораторского искусства преподавателя, но и в научной работе, которой она посвятила многие годы. Как показало время, область научных поисков Светланы Исковны: национальные литературы, их судьбы, прошлое, настоящее и будущее — обладает мощным потенциалом, в раскрытии которого Светлана Исковна проявила лучшие качества ученого-исследователя — верность избранной теме, энтузиазм, исследовательский азарт.

Жизненный сюжет Светланы Исковны завершился чуть больше года назад, но еще нет ощущения, что она уже никогда не переступит порог кафедры, долгие годы бывшей ее вторым домом, к которому она трепетно и искренне была привязана и в котором ее глубоко уважали и ценили. Хочется, чтобы это ощущение продлилось как можно дольше.

Светлана Исковна была большим почитателем творчества А. С. Пушкина. В свое время для своих занятий по теории литера-

туры она составила большую пушкинскую таблицу, которой очень гордилась. Она часто говорила, что чтение пушкинских стихов помогает ей в любой ситуации, примиряет ее с разными обстоятельствами, вносит в ее жизнь желанную гармонию. Поэтому свои воспоминания о Светлане Искровне Гармаевой я закончу строками ее любимого поэта, которые ей всегда были близки:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

Березкина Елена Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Мое знакомство со Светланой Искровой произошло на первом курсе в первые дни сентября. Она читала «Введение в литературоведение» на огромную аудиторию более ста человек. Поразительно, как она умела держать тишину, делать затянутые паузы, в которые все наши скудные школьные познания по литературе проносились в голове, чтобы потом ответить на заданный ею вопрос. На первых занятиях с вопросами обращалась только к юношам, возможно, они отвлекались, но, скорее всего, тем самым она пыталась удостовериться, что они правильно выбрали специальность, на которую поступили. Тем, кто сидел на передних партах, вопросов на лекции не задавала почти никогда, мы были полностью во власти ее слов. А

вот остальных могла спрашивать и очень любила, когда студент давал свой самостоятельный ответ, когда он думал, возможно, путался в своих умозаключениях, был неубедителен, но если была хоть искра верного ответа, этого оказывалось достаточно, чтобы одарить студента улыбкой, поддержать, сделать свой неподражаемый жест указательным пальцем, что человек на верном пути, и сказать одно многозначительное слово: «Вот!». А после этого продолжать объяснять, приводить примеры из классической литературы, особенно из произведений А. С. Пушкина, и из литературы XX века, здесь ею выделялся Ч. Т. Айтматов. Нам казалось, что мы не знаем ничего, этих примеров не приводили школьные учебники, читали мы не так внимательно, поэтому после лекций перечитывали тексты и вслед за Светланой Искровой открывали новые фразы и новые смыслы.

Методически Светлана Искровна всегда четко отличала студентов-бездельников от тех, кто старается вникнуть в суть предмета, но пока не может выразить своими словами нужного и важного, поэтому откровенные «двойки» на сессии по ее предмету получали только случайные люди, которым литература и будущая профессия учителя были совершенно не нужны. Во всех остальных случаях даже после третьей или пятой пересдачи студенты получали вымученную, долгожданную и такую желанную положительную оценку. Думаю, давая индивидуальные задания, доклады, она видела потенциал студента и требовала, чтобы он максимально выложился, поэтому некоторые анализы приходилось переписывать по два-три раза, пока не наступало твое озарение, тогда работа принималась, а Светлана Искровна была довольна. На занятиях она никогда не спешила, мы могли несколько раз возвращаться к одному тексту, одной проблеме, но при этом всегда открывались новые смыслы и приходило понимание неисчерпаемости настоящих литературных произведений.

На выпускном курсе по теории литературы или спецкурсе по творчеству А. С. Пушкина мы уже позволяли себе спорить, высказывать мнения других ученых, критиков, ведущих полемику в журналах «Новый мир» или «Октябрь», и наблюдали, как четко Светлана Искровна умела противопоставить свою научную позицию, свою точку зрения и «разбить» чужие поверхностные аргументы. Теоретичность, логичность, умение видеть суть литературоведче-

ской проблемы позволяли ей оставаться на недостижимой для студентов высоте, а в дальнейшем создать свою научную школу, организовывать конференции, выступать с блестящими докладами перед учеными и учителями.

Позже, когда я стала работать в университете на кафедре, Светлана Искровна была заведующим кафедрой литературы, я увидела другую сторону. Светлана Искровна ограждала коллектив кафедры от любой рутинной работы, которую могли выполнять другие структуры, и всячески поощряла развитие научного и творческого потенциала преподавателей. Она умела делать замечания: от них было больно, но они были справедливы. Она поддерживала наши семьи, всегда интересовалась мужьями, всех помнила по именам, радовалась рождению детей, интересовалась их судьбой, первыми успехами. Моего старшего сына всегда называла Павлик, младшего звала только Николая (Николай), и никак иначе, по-французски растягивая слоги, даже в этом чувствовались ее любовь и забота, а не праздное любопытство.

Когда я сама стала заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы, Светлана Искровна была преподавателем-консультантом и не так часто приходила в университет, но ее советы всегда были ценными. Например, она советовала не торопиться, когда вышестоящие структуры требуют сделать что-то новое, ведь они сами не знают, каким оно должно быть. Если ругают за задержку документа, не обращать внимания, это только слова, ведь документ в итоге создан и правилен, а это важнее, чем не сделан вообще. И в целом, жить с девизом: меньше слов — больше дела. В этом были ее сила, мудрость и величие.

Болдонова Ирина Сергеевна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (2009–2014):

Знакомы со Светланой Искровной мы были как коллеги, мне не довелось слушать ее потрясающие лекции, но я много слышала о ее одержимости как филолога, лектора, педагога. Она была предана своему делу, не мыслила свою жизнь без преподавания, студентов, аспирантов, без заветного слова.

Впервые я услышала ее речь на свадьбе сына Доржи Львовича, где я была свидетельницей со стороны невесты Эржен Владимировны. Мы учились в одни годы в МГУ, в славные 80-е, дружили, вместе мечтали, хотели горы свернуть, приносить пользу Родине, жить счастливо и воспитывать детей. Так и получилось в нашей жизни. Светлана Искровна говорила в тот памятный вечер, как и подобает матери жениха, напутственные слова. Волнения не чувствовалось, было такое впечатление, что она стоит на трибуне и говорит привычно от имени преподавателя своим студентам. Тогда она произнесла сакраментальную фразу: «Война — это самая большая дисгармония» — и пожелала молодым никогда не сталкиваться с войной. Я, выпускница МГУ, была восхищена мудростью ее слов, тогда серьезно впервые задумалась о формах дисгармонии в мире, и слова Светланы Искровны врезались мне в память на всю жизнь, настолько метко и глубокомысленно было сказано.

Позже мы виделись редко, каждый из нас работал на разных факультетах, после — в разных вузах, наконец, судьба свела нас вместе, когда я после долгих профессиональных миграций вернулась в лоно литературоведения и пришла работать на филологический факультет, на одну кафедру со Светланой Искровой. В то время эта кафедра, как ни роскошно было осознавать это в контексте провинциального университета, называлась «Кафедра зарубежной литературы», в состав дисциплин которой входила ее любимая «Теория литературы».

Это были будни и праздники совместной деятельности, когда Светлана Искровна делилась своим богатейшим опытом преподавателя и многолетнего руководителя кафедры. Несмотря на немолодой возраст, она всегда была активна, особенно продвигая и работая в рамках ее детища — проекта «Евразийский фронтир». Этот проект не только объединял специалистов из разных областей гуманитарного знания, но и давал возможность начинающим ученым, студентам, практикам выразить себя и поучаствовать в дискуссиях. В стране наших партнеров, в Монголии, Светлану Искровну очень уважали и ценили, благодаря чему круглый стол, а затем и полноценная конференция продолжали свое существование. Это были плодородные и эффективные годы научной жизни.

Нельзя не сказать о совместной работе в диссертационном совете. Вот это как раз тот случай, когда можно сказать: «Мои года —

мое богатство». Светлана Искровна придавала деятельности совета солидность, уверенность, авторитет и даже некое эмоциональное спокойствие и гармонию.

Всегда в окружении благодарных учеников, своих аспирантов, Светлана Искровна излучала всеобъемлющую материнскую любовь и душевную теплоту. Специалистом в области бурятской литературы она была первоклассным, пополняя свои знания и повышая научный уровень постоянно. Она знала бурятскую литературу и вширь, и вглубь. Конечно же, знала поэтов и писателей лично, людей старшего и современного ей поколений, а также молодую поросль, которая с пиететом и трепетом прислушивалась к ее мнению.

Мы любили на кафедре отмечать праздники. Это были бесхитростные, простые, но душевные по сути посиделки. Светлана Искровна всегда шутила и традиционно говорила глубокомысленные тосты и пожелания. Она любила жизнь во всех ее проявлениях, могла и совет дать, и высказать критику — все это свидетельствует о проявлениях разносторонней личности и о гибкости ее натуры. По характеру всегда была живая, общительная, любознательная. Мы, коллеги, дорожили ее мнением и оценкой нашей работы.

Нельзя не сказать и о ее семье, поскольку я всегда была не просто коллегой, но и другом семьи, другом ее детей. Светлана Искровна была матерью высокообразованной, интеллигентной, научной и творческой семьи. Она смогла так воспитать и направить своего сына и невестку, что по праву гордилась их достижениями. На очереди были ее внуки, в которых она также вложила много сил и тепла.

Наверное, жизнь и деятельность Светланы Искровны, с одной стороны, типичная для ее поколения, но, с другой стороны, необычная по полету мысли, по достижениям и числу многочисленных ее учеников. Ее имя всегда будет заслуженно стоять в одном ряду с выдающимися деятелями Республики Бурятия, ее вклад в развитие высшего образования и науки — это отдельная страница в золотом интеллектуальном фонде бурятского народа.

Цыренова Марина Цыбиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»:

В 1983 году я поступала в БГПИ им. Доржи Банзарова. Для поступления надо было сдать два экзамена на девять баллов. Первым по расписанию был устный экзамен. Вопрос по литературе был о современной советской поэзии, дополнительный вопрос от экзаменатора — о поэтах Бурятии. Когда я, счастливая, высказывала из аудитории со своей «пятеркой», экзаменатор (а это была Светлана Искровна) сказала: «Надо еще сочинение написать». Думаю, что сказала она это с заботой обо мне, чтобы я не расслаблялась — набрала баллы, поступила. А ведь могла бы и не говорить ничего незнакомой абитуриентке. Так я впервые встретилась со Светланой Искровной, человеком, равнодушным к чужим детям.

За сочинение получила «пятерку» — помнила слова строгого экзаменатора! К слову, с той поры я старалась запоминать все, что говорила она. На лекциях всегда сидела за первой партой и записывала каждое слово. Тетради с лекциями Светланы Искровны по «Введению в литературоведение», «Теории литературы» до сих пор хранятся у меня дома. Помню, как на первой лекции Светлана Искровна обратилась ко мне по фамилии. Я была удивлена, что она помнит меня со вступительного экзамена. Смею предположить, что Светлана Искровна тем самым хотела поддержать меня. Это до сих пор трогает меня до слез.

Она читала лекции вдохновенно: мощно и красиво разворачивала темы, поднимала и сдвигала тектонические смысловые пласты... Меня не оставляло ощущение чуда, чуда приобщения к тайнам филологического познания. Невозможно было зайти на ее лекцию и не выйти другим человеком. При этом никакой экзальтации, а скорее академическая строгость и даже холодность. Мне кажется, она никогда намеренно не дистанцировалась ни от кого. Просто смиренно была одна на своем Олимпе. Думаю, авторитарность давалась ей нелегко. Студентами, да и позже, мы восхищались ею, одновременно и боялись, и любили ее.

Лекторское мастерство Светланы Искровны до сих пор является для меня эталоном высокого профессионализма. В своей препода-

вательской работе я стараюсь придерживаться заданной ею всем нам высокой планки.

Светлана Искровна всегда очень четко проговаривала каждое слово, характерно растягивая по слогам, как будто печатала. Мелодичным голосом с необыкновенно приятным тембром зывала к нам, и не откликнуться внутренне, не принять то, что она нам давала, было просто невозможно. Она вкладывала в нас не только знания, но и нравственные максимы, пушкинское — «...гений и злодейство — две вещи несовместные». Когда мы с одногруппницей Региной Соколовой через полгода после окончания института случайно встретились со Светланой Искровной на факультете, она говорила с нами о герое современной литературы как о самом актуальном и витально важном. Профессионал высшей пробы, сильная и кроткая, прагматичная и доверчивая, для всех, кто учился у нее, она была живой легендой.

...Всегда буду помнить, как Светлана Искровна помогла мне с концепцией вступительного реферата в аспирантуру. А когда я поступила, она искренне удивлялась: «Я понимаю, Марина, что литература и философия на „отлично“, но французский язык на „отлично“ я не понимаю». Эти ее слова считаю лучшей похвалой в моей жизни.

...Всегда буду помнить, как Светлана Искровна пригласила меня, московскую аспирантку, на лекцию в Институт усовершенствования учителей (ИУУ). Полагаю, что, представляя меня как выпускницу Кусотинской средней школы Мухор-Шибирского района, она актуализировала мою родную школу как место силы.

...Всегда буду помнить, как в 1992 году мы случайно встретились на конференции в МГУ, выступали в разных секциях. Но Светлана Искровна, услышав положительные отзывы о моем докладе от коллег по ФПК, не утаила от меня это маленькое признание в профессиональной среде. Оно до сих пор греет меня.

Мне повезло. Светлана Искровна слушала меня на вступительном экзамене, отправляла в аспирантуру, принимала на работу, благословляла и отпускала. Она сыграла в моем профессиональном становлении и реализации огромную роль.

Умница и красавица, Светлана Искровна отличалась отменным вкусом во всем. Знала толк в вещах, всегда выбирала самые красивые, качественные и добротные; подробно объясняла, чем хороша та или иная из них.

Светлана Искровна была прекрасной матерью, вырастила замечательного сына, любила своих внушек.

Низкий земной поклон Гармаевой Светлане Искровне, талантливому ученому, учителю за уроки, за щедрость, за мудрость.

Жорникова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Обстоятельства сложились так, что мой путь в университете был связан с С. И. Гармаевой с момента моей первой встречи с ней и до ее ухода на заслуженный отдых. Наше знакомство состоялось на вступительном собеседовании для абитуриентов-медалистов в июле 1999 года, тогда она работала в составе приемной комиссии. Заданный ею вопрос стал для меня одним из самых трудных. Она просто спросила, чем, кроме учебы, я хочу заниматься на факультете. Бойко до этого отвечавшая, я запнулась, но она тут же пришла на помощь, спросив, известно ли мне о том, что филология предполагает научные изыскания и что одновременно с обучением можно заниматься филологическими исследованиями. В какой-то степени ее вопрос оказался для меня судьбоносным: через несколько лет по окончании университета я поступила в аспирантуру, защитила диссертацию и пришла на кафедру зарубежной литературы, профессором которой была С. И. Гармаева.

В рабочем процессе чувство ее юмора помогало сглаживать конфликтные моменты. Она снисходительно относилась к нам, вчерашним студентам. Наше почтительное отношение к профессуре (и к ней в том числе) воспринималось ею иронично и часто было поводом для шуток. Однажды нас, молодых преподавателей, отправили на курсы по ГО и ЧС. По возвращении на кафедру мы обсуждали не курсы, а молодого преподавателя, и С. И. Гармаева строго спросила, какова была тема занятия. Выслушав ответ, она задала вопрос: «Что по правилам нужно делать при известии о ядерном взрыве?» Мы, испугавшись и растерявшись, начали оправдываться, что нам не говорили. Не меняя строгой интонации, «профессорским» голосом она произнесла: «Нужно накрыться белой простыней и медленно ползти к кладбищу!». Мы долго смеялись вместе и потом всегда улыбались при встрече, вспоминая этот эпизод.

Позже, с 2012 по 2015 годы, мы работали с С. И. Гармаевой в диссертационном совете Д 212.022.04. К соискателям и своим аспирантам она относилась почти по-матерински. Стенограммы ее речей, когда она выступала на заседаниях совета в качестве оппонента, всегда было сложно редактировать. Ее мастерская речевая манера просто не укладывалась в рамки официоза и требований деловой документации.

Советы С. И. Гармаевой, данные ею как будто мимоходом, запоминались. Так, будучи по должности обязанной работать с учебной документацией факультета, а затем и университета, я всегда помнила ее замечание о том, что учебный процесс — живой, как сама жизнь, поэтому нужно всегда видеть за бумагами человека.

Харанутова Дарима Шагдуровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Жива...

(Моему Учителю Светлане Искровне)

Жива... именно эти слова как нельзя лучше отражают мои представления о моем Учителе — Светлане Искровне Гармаевой!

«Жива...» — чуть растянуто произносила Светлана Искровна в ответ на мое «Здравствуйте!» И очень живо начинала расспрашивать о муже, детях, внуках, работе. «Жива...» — вместо приветствия. Оно так многозначительно звучало в ее устах: «Жива...» — я помню о тебе! «Жива...» — я рада слышать тебя! «Жива...» — как тебе живется?

Она никогда не была рядовым преподавателем. Ее любили, боготворили, преклонялись, обожали! Ее любят, боготворят, преклоняются, обожают! Чаще всего вспоминают ее знаменитое: «Глаза Катюши Масловой блестели как...? Как? Как мокрая! Черная! Смородина!»

Неравнодушная, строгая наша Светлана Искровна!

Я собиралась в стройотряд на Камчатку. На мою просьбу о срочной сдаче экзамена Светлана Искровна откликнулась: так как я что-то лепетала по поводу срочности, моей возможности прибежать

к ней домой, пригласила в квартиру на Карла Маркса. Старшекурсники в голос меня отговаривали, по-видимому, что-то знали. Несмотря на предостережения, примчалась к преподавателю домой в полной уверенности, что в домашней обстановке она не будет устраивать мне экзамен. Как я ошибалась! Вместо того, чтобы расписаться в зачетной книжке напротив отличной оценки, она удобно устроилась на диванчике и начала экзаменовать: «Как вы считаете?.. Подумайте! Не торопитесь! Еще раз прослушайте вопрос! С чего необходимо начать?.. Почему, как вы думаете?». Экзамен длился несколько часов, мне казалось — вечность! Я получила урок на всю жизнь: ничего просто так не бывает, любую оценку необходимо заслужить! Я горжусь этой отличной оценкой!

Светлана Искровна всегда с нами! На встречах однокурсников (выпуск ИФФ 1981 года) наша вторая группа всегда гордится тем, что куратором у нас была Светлана Искровна. Вспоминается, как мы готовились к празднованию ее 75-летнего юбилея, как девочки волновались перед встречей с нашим Учителем, ведь кто-то не виделся с ней со студенческих времен (а прошло без малого 30 лет). Как душевно прошли эти встречи! Светлана Искровна называла всех по имени! Всех помнила, всех узнала!

В последнем нашем разговоре мы говорили о предстоящем юбилее, о наших ребятах, о тех, кого она не видела с того юбилея, с кем встречалась до пандемии, и, услышав, что мы опять задумали нашу встречу однокурсников в честь ее юбилея, она бодро говорила: «Зовите. Приду. Буду». Не получилось...

О ее памяти, о том, что она помнит своих бывших студентов по именам, ходят легенды. Но не только нас помнил наш Учитель, она знала по именам наших вторых половинок, наших детей, наших внуков. Как залиvisto смеялась Светлана Искровна, когда после рождения первого внука, который родился кирпично-рыжим, я рассказала о том, как новоиспеченный дед — мой муж, каждый раз, возвращаясь с работы, восклицал: «Что здесь делает посторонний мальчик?!». Как мне было приятно, когда при встрече и в телефонных разговорах Светлана Искровна последние годы всегда спрашивала: «Ну, как там наш посторонний мальчик?».

У Светланы Искровны был дар: она умела слушать, она умела слышать людей, она могла подметить в человеке какую-нибудь черточку, уловить ее и подарить ему. Очень давно, на каком-то из юби-

леев или праздников Светлана Искровна изрекла: «В Дариме глубоко сидит „мысль семейная”». Столько времени прошло, а друзья нет-нет да вспомнят и напоминают: «А помните, как верно подметила наша Светлана Искровна, что в Дариме глубоко сидит... А помните, наша Светлана Искровна сказала, что...». В общем, «ушло в народ» с легкой руки Светланы Искровны.

После потери супруга Льва Хуриновича при встрече мой Учитель спросил: «Почему не спрашиваешь, как я живу?» — и тут же продолжила: «Отвечаю, плохо мне. Береги мужа. Берегите друг друга».

Я помню все ее советы, помню наши разговоры...

Мне посчастливилось быть рядом и после студенчества. Мы работали на разных кафедрах. Я помню ее «острые» вопросы на заседаниях Ученого совета факультета, когда мы иногда попадали туда с отчетами, помню наши конференции, поездки в Монголию, ее детище «Евразийский фронт» и многое другое.

Мы встречались, виделись, разговаривали, смеялись. Мне нравилось то, как Светлана Искровна умела по-детски радоваться, удивляться чему-нибудь, нравилось наблюдать, как она всплескивала руками, приговаривая при этом «Ом мани падме хум»...

Так хочется услышать ее чуть нараспев «Жива...».

«Жива...» — вместо приветствия. Оно так многозначительно звучало в ее устах: «Жива...» — я помню о тебе! «Жива...» — я рада слышать тебя! «Жива...» — как тебе живется?

Бадугва Гунсэма Цыдыповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Мой Учитель, «мой друг бесценный»

Со Светланой Искровной Гармаевой, с ее лекторским мастерством я, как и многие студенты, встретила на первом курсе тогда еще филологического факультета БГПИ в 1988 году. Умение интересно рассказывать, читать лекции, захватывая внимание слушателя, было ее изюминкой, ее характерной преподавательской чертой. Она читала курс «Введение в литературоведение», на котором вводила новоиспеченных филологов в сложный мир анализа художе-

ственного произведения, понимания особенностей текста, структуры, композиции и мн. др. Но самое главное — она учила нас не идти по шаблону, не повторять заученные из учебника слова, а размышлять. Ее вопросы на лекциях, практических занятиях, на экзамене подвигали к самостоятельности суждений. И это дорогого стоит, потому что умение размышлять помогло не только в профессиональной деятельности, но и в целом в жизни. Светлана Искровна отличалась глубиной и красотой мысли, умением ее разворачивать. Уже сама став преподавателем и исследователем, я по-новому оценила, как замечательно наш педагог умел подавать мысль и раскрывать ее. Мы были свидетелями того, как эта мысль разворачивалась, приводя порой к ошеломляющим нас выводам. Подобно тому, как мысль Л. Н. Толстого закручивается в одно сложноподчиненное предложение, захватывающее целую страницу, а то и больше, мысль Светланы Искровны разворачивалась вот такими сложноподчиненными предложениями, вытекающими друг из друга, иногда неожиданными, иногда парадоксальными, но очень интересными. Введя в мир литературоведения на первом курсе, Светлана Искровна выпустила нас в самостоятельную жизнь, прочитав на пятом курсе «Теорию литературы». И это, на мой взгляд, глубоко символично.

После окончания института Светлана Искровна пригласила меня на работу на кафедру литературы, которую тогда возглавляла. Как заведующий она много делала для подготовки кадров, поэтому через полтора года направила меня в очную аспирантуру БИОН СО РАН (сейчас ИМБТ СО РАН). Я поступила к авторитетнейшему бурятскому литературоведу В. Ц. Найдакову, которого не стало на третьем курсе моего обучения. Конечно, я была растеряна, Светлана Искровна поддержала меня, взяв под свое крыло. Под ее научным руководством я завершила работу над диссертацией. Успешно защитившись в 1999 году, стала первой в ряду ее учеников.

Как ученый С. И. Гармаева, однажды избрав изучение бурятской и других национальных литератур Сибири, оставалась верна своему выбору. Ее научный путь начинался в аспирантуре Института мировой литературы им. А. Горького, ставшей фундаментом дальнейшей научной деятельности. Первые шаги в науке были сделаны в секторе национальных литератур СССР. Любимым местом стала библиотека. Она много занималась, напряженно размышляла,

делилась мыслями с сокурсниками по аспирантуре. Из них и рождались первые научные работы — доклады, статьи, которые вместе с кандидатской диссертацией заложили основы этнопоэтики, над чем Светлана Искровна будет в дальнейшем работать, посвятит этому монографию и докторскую работу. История литературы Бурятии, многомерность картин мира разных народов России и писательских судеб в ее работах предстают в широком контексте национальных литератур Сибири, Севера и Дальнего Востока. Труды С. И. Гармаевой, на которые опираются как молодые, так и маститые ученые, сыграли важную роль в развитии как бурятского литературоведения, так и других национальных. Подготовив восемь кандидатов филологических наук, чьи диссертации посвящены национальным литературам РФ, что весьма важно в наше время — время нивелирования национального в условиях глобализации, С. И. Гармаева создала свою научную школу и внесла достойный вклад в развитие бурятского литературоведения.

Вернувшись после аспирантуры на кафедру, я снова работала со Светланой Искровой как коллега. Это были отношения Учителя и ученика, потому что она всегда учила — своей напряженной интеллектуальной жизнью, взволнованностью проблемами современности, в том числе упадком нравственности, собственным преподавательским примером: отдавая всю себя на лекциях, погружаясь в учеников, стараясь дать им как можно больше. Считала, что только устное слово, беседа преподавателя и студента способны взрастить мыслящего профессионала. Думаю, что именно поэтому неохотно принимала новые образовательные технологии, хотя к нововведениям относилась философски. По ее мнению, за экраном компьютера, когда студент осваивает дисциплину на какой-либо платформе, к примеру, Moodle, он один на один с техникой и электронной книгой, следовательно, нет диалога, нет радости сотворчества, сооткрытия, без которой невозможно стать настоящим филологом, настоящим педагогом.

Я многому научилась у своего дорогого Учителя.

Мне всегда импонировало (и я стараюсь практиковать это) умение Светланы Искровой помогать. Особенно много она, всегда отличавшаяся любовью и близкой связью с малой родиной, помогала своим землякам-закаменцам (не только ближним и дальним родственникам, но и совсем незнакомым), и не только индивидуально.

Она очень переживала за сельские школы, именно поэтому родилась идея создания в Закаменске экспериментальной гимназии под руководством возглавляемой ею кафедры литературы. Так я впервые побывала в Закаменском районе. Справедливости ради скажу, что помогала Светлана Искровна не только землякам, но и всем сельским студентам, помня о том, как когда-то, приехав из далекого сельского района в Москву, прошла через многие испытания. Она прекрасно знала, каково жить вдали от дома в большом городе, жить в общежитии, рассчитывать лишь на стипендию и небольшую помощь семьи, и др. Помню, как стыдила нас, деревенских, за нерадивость в учебе и говорила, что мы должны вдвойне и даже втройне приложить больше усилий, чтобы быть на высоте. Вот это — быть на высоте — для Светланы Искровны было очень важно.

Еще она всегда старалась быть благодарной — за интересную мысль, за доброе дело, за память.

Светлана Искровна очень гордилась тем, что была верна своему родному университету: в ее трудовой книжке практически одна запись о месте работы — БГПИ–БГУ. Часто говорила, что, несмотря на то, что всегда трудно (в смысле много) работала, никогда не искала более легкую работу, более «денежные» места, несмотря ни на какие реформы образования, несмотря ни на какие сложности, даже тогда, когда мало платили или вовсе не платили месяцами. Со временем я поняла, что в этих словах есть правда, есть то, что становится стержнем жизни. На каком-то этапе задумываешься: что же ты полезного сделал? правильно ли живешь? И тогда вспоминаются совет и урок Светланы Искровны: не хитрить, не искать легких путей, а честно работать и правильно жить. Когда я поехала работать в КНР в рамках договора между вузами и осталась на несколько лет, она ни в коем случае не осудила меня, но про поиск легкой доли все-таки вскользь заметила.

Запомнилось много бытовых деталей, из которых сложился и остался в памяти образ моего Учителя, моего второго научного руководителя.

Светлана Искровна была замечательная мама и бабушка. И своих дипломников, магистрантов и аспирантов опекала как мама, всегда поддерживала. Она сама училась в аспирантуре будучи уже замужем, имея маленького сына, но, понимая наши заботы-хлопоты, спуску все-таки не давала.

Светлана Искровна любила красиво одеваться: всегда носила изящные наряды простых силуэтов, но обязательно из натуральных материалов, подбирала очень интересные украшения и тоже из натуральных камней. Любовь к натуральности показывает и ее натуральность, такую исконную натуральность — от земли, от сохи. Но при этом аристократизм и высота духа. Вот это парадоксальное сочетание и есть Светлана Искровна.

Светлана Искровна любила красивую посуду, и это была наша общая любовь. Рассказывала, что из поездок всегда привозила не только книги (как истинный филолог), но и посуду.

Светлана Искровна любила винегрет, и в любви к этому неза-тейливому, но традиционному салату мне видится ее основательность и традиционность как столп жизни.

Светлана Искровна умела жить изящно и вкусно («вкусно» относится не столько к еде, сколько к отношению к жизни).

Светлана Искровна — образец и во внешнем виде, и в своей честной работе, порой на износ аорты. Ее судьба типична для своего поколения и своего времени — сложного XX века. Она подвижник и в преподавательской, и в научной деятельности. Подвижник, посвятивший всю свою жизнь любимому делу — исследованию национальных литератур.

Слова С. И. Гармаевой о С. Ж. Балданове: «Нам еще предстоит понять и по достоинству оценить его научно-исследовательскую деятельность, которая в повседневном ее течении не обнаруживается во всей значительности. Это происходит, к сожалению, после ухода человека, хотя по-буддийски это не столь трагично — оставленное им в науке дает уверенность в том, что в другой жизни он перерожден будет тоже человеком, просветленным мыслями о нашем мире, литературе, которой он и отдал всю свою жизнь. Остались многочисленные коллеги, остались ученики, продолжатели его идей в деле изучения национальной литературы во многих регионах России и особенно Сибири, Севера и Дальнего Востока» [1, с. 8] — в полной мере можно отнести к ней самой.

Литература

1. Гармаева С. И. Евразийская модель как социокультурный ресурс // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе : сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 173–175.

Дымбрылова Дарима Чимитдоржиевна, кандидат филологических наук:

Пристального внимания от Светланы Исковны я дождалась на пятом курсе, когда она предложила остаться после окончания института на кафедре литературы. Очень горда, что стала ее первой аспиранткой и защитила кандидатскую диссертацию. Работа получилась на стыке литературоведения и буддийской философии, стала размышлением о поэтическом поиске смысла жизни в соответствии с религиозными канонами буддизма, о необходимости нравственного самосовершенствования. Дух научного творчества вдохновлял на протяжении всего процесса написания диссертации. Светлана Исковна дарила удивительную свободу мысли, ориентировала и помогала раскрывать взаимозависимость происходящих процессов в литературе и жизни.

Ироничный взгляд ее умных карих глаз, руки с пальцами, схватывающими «нервов мысли», мудрые наставления — навсегда в моем сердце. Филологическая деятельность после защиты была мной оставлена. Но Светлана Исковна продолжала оставаться рядом. Разные жизненные ситуации позволили мне помогать ей в последние годы. Рада, что была рядом...

Смысл жизни человека — состояться, пройдя все назначенные пути, и осуществить конечные цели.

*... А старики сидят на солнцепеке,
прошедшие перебирают дни,
считают весны, осени свои.
Их речь скупая —
аромат сандала,
цветущего раз в десять лет.
Они живут,
как птицы иль деревья,
и умирают, мудро улыбаясь:*

*в песке у ног играют дети,
которые достроят дом.*

Намжил Нимбуев

Сангадиева Эржен Гынденовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и языкознания ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»:

В жизни не бывает случайных встреч...

Мои первые воспоминания о Светлане Искровне связаны с началом учебы на первом курсе филологического факультета Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова в 1987 году. Нас на отделении русского языка и литературы было три группы, наверное, не меньше восьмидесяти человек. Конечно, ко всем педагогам мы относились с уважением, но Светлана Искровна у меня вызывала ряд личных эмоций. Мне нравились дисциплины, которые она преподавала: «Введение в литературоведение», «Теория литературы», ее манера читать лекции, говорить с нами на семинарских занятиях, разбирать теоретические вопросы и практические задания. Со временем пришло понимание того, что нам преподавал опытный, эрудированный, талантливый педагог-филолог, преданный своей профессии и искренне желающий научить нас — студентов, прежде всего, думать, задаваться вопросами и искать ответы.

Под руководством Светланы Искровны я писала дипломную работу. Помню, как она нашла меня где-то в аудиториях нашего факультета и отругала за легкомысленное отношение к процессу написания диплома. Мы сдавали последнюю сессию, и казалось, что это самое главное, а работа над дипломом будет после, когда освобожусь. Как следствие, пришлось сидеть в библиотеке, писать по ночам, а ведь надо было еще и печатать на печатной машинке, компьютеров в 1991 году еще не было. Так она преподавала мне уроки самодисциплины в работе, умение планировать свое время и уважать время педагога. Мне в то время и в голову не приходило, что у преподавателей есть еще какая-то жизнь, кроме работы. А у Светланы Искровны росла маленькая внучка. Но тем не менее диплом был вовремя написан и успешно защищен. А я, как и все мои однокурсники, закончив институт, получила диплом учителя русского языка и литературы и начала работать в школе.

На работу в Восточно-Сибирский институт культуры я пришла по рекомендации Светланы Искровны. Николай Данилович Хосо-

моев искал на кафедре педагога, и она посоветовала взять меня. С тех пор я уже 30 лет работаю в нашем институте.

Но жизнь свела нас со Светланой Исковной еще и как научного руководителя и диссертанта в 2004 году. Я навсегда благодарна ей за поддержку и профессиональную смелость довести меня до защиты кандидатской диссертации. Именно в этот период я открыла для себя все человеческие качества Светланы Исковной. Она была доступна для меня в любое время. Любая консультация, вопросы и проблемы по диссертации решались сразу. Доброта, чуткость и внимание ко мне как личности в сочетании с ее работоспособностью, научной методологией, мощным интеллектом помогли в короткий срок написать диссертацию. Поддержала Светлана Исковна меня и во время защиты.

Не скажу, что мы были очень близки. Но я всегда старалась при встречах пообщаться с ней подольше. Замечательной была встреча с ней в Москве в ИМЛИ РАН на защите Э. С. Доржиевой. Она познакомила меня с К. К. Султановым и А. И. Чагиным. Было интересно слушать их общие разговоры о времени учебы в аспирантуре, о судьбах национальных литератур, о проблемах современного литературоведения.

Светлана Исковна всегда поражала меня своей включенностью в жизнь. Она была очень современна, интересовалась не только литературой, но и модой, любила натуральные материалы, украшения. Но самое главное, чему она меня научила, — любить, уважать людей, помогать и поддерживать их.

Алексеева Намжилма Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Одно из первых воспоминаний, связанных со Светланой Исковной, было ее обращение к своим студентам. Она ко всем и всегда обращалась на «Вы» и исключительно всех называла коллегами. Одна мысль о том, что профессор Светлана Исковна Гармаева считает вчерашних школьников своими коллегами, приводила нас в невероятный восторг. Это много значило и, конечно, ко многому обязывало.

Так, на одной из первых лекций на первом курсе она озвучила мысль о том, что «филологи — это элита каждого университета». Этим мы не могли не гордиться, но до заданной планки нужно было еще и дотянуться.

Лекции и семинары Светланы Исковны любили абсолютно все студенты. Я не помню ни одного однокурсника, который бы пропустил хоть одно ее занятие.

О лекциях и практических занятиях нашего преподавателя можно говорить бесконечно. Это были уроки мудрости, доброты, полета мысли и невероятного человеколюбия. Полтора часа пролетало незаметно — слушать профессора можно было, только затаив дыхание, ловя каждое ее слово, вслушиваясь в неповторимый тембр и мелодию ее голоса.

На своих занятиях она учила нас любить литературу на каком-то осязательно-тактильном уровне. Как-то она привела толстовское: «...глаза Катюши Масловой блестели, как мокрая смородина...» — и обратилась ко мне со словами: «Алексеева, что Вы сидите с умным видом? Скажите, как будет по-бурятски „смородина“». Я ответила: «Ухэр нюдэн» — неожиданно быстро для себя. После одобрительного кивка она задала следующий ошеломляющий вопрос: «Откуда Лев Толстой знал про глаза-смородинки?» Далее уже вся группа размышляла об универсальности и специфичности художественных образов в литературе.

Вообще, у Светланы Исковны был уникальный, только ей присущий стиль чтения лекции, которая никогда не была монологом, а всегда диалогом, полилогом, когда каждого студента она слушала с большим вниманием в глазах, ставших родными.

Вопросы на занятиях профессор задавала в лоб, подходя вплотную к собеседнику и внимательно вглядываясь в глаза. От этого пронзительного взгляда некуда было деться — отвечать следовало быстро и желательно не упасть в грязь лицом. Тут, как говорится, либо пан либо пропал. Отвечая на вопросы преподавателя, так не хотелось ее разочаровывать.

Светлана Исковна на своих занятиях всегда стремилась донести до своих подопечных мысль об определяющей роли литературы и художественного слова во «вращивании человеческой души».

Студенты филологического факультета бесконечно уважали преподавателя, вслушивались в каждое ее слово, вместе с тем, в

буквальном смысле, испытывали трепет перед ней — таким колоссальным авторитетом она обладала!

Тем ответственно и почетно было писать у нее курсовую и дипломную работы, а далее и кандидатскую диссертацию. Со Светланой Исковной было всегда легко и интересно общаться. Несмотря на все свои научные регалии, заслуги и почтенный возраст, Светлана Исковна вела разговор на равных, никогда не давя на собеседника. Помню ее любимое выражение: «Говорите все, что приходит в голову». Эта «головка» — доказательство ее безграничной любви к своим студентам.

В связи с этим вспоминается интересный эпизод. Уже после защиты выпускных дипломных работ, накануне вручения дипломов, Светлана Исковна пригласила нас, двоих своих дипломников, к себе в гости. Представьте себе, каким приятным сюрпризом явился для нас тот радушный прием, который устроила Светлана Исковна! Как мы тогда волновались, смущались — это нужно было видеть.

Наш преподаватель уже ждала нас за прекрасно сервированным столом. Чувствовалось, что Светлана Исковна очень старалась, тщательно готовилась к нашему приходу — и здесь она была очень ответственной.

Апогеем всего этого действия стало торжественное откупоривание бутылки изумительного кагора. Профессор Светлана Исковна Гармаева чествовала нас, своих краснодипломников, в своей уютной новой квартире!

Я не знаю, делает или делал ли так другой чей-то научный руководитель, но Светлана Исковна, мне кажется, была тем единственным руководителем, который так искренне, по-родительски радовался за своих учеников и был невероятно добр и нежен к ним.

Когда мы, счастливые, рассказывали однокурсникам о торжественном приеме, который устроила Светлана Исковна в нашу честь, мне кажется, нам никто не поверил. Как это можно было так запросто пить вино с самой Светланой Исковной? Когда дышать даже в ее сторону было непозволительной роскошью.

К слову сказать, ничего вкуснее бокала прохладного кагора в тот незабываемый июньский день 2003 года, я не припомню. Тогда же, в этот прекрасный вечер, Светлана Исковна предложила мне поступать к ней в аспирантуру.

Со Светланой Исковной можно было говорить абсолютно обо всем. Время, проведенное с ней, пролетало незаметно. Сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, что это было невероятно счастливое время в моей жизни.

Как научного руководителя Светлану Исковну всегда отличали огромная энергия, эрудиция, требовательность к себе и другим, четкость в постановке задач исследования. Она учила аккуратности и пунктуальности, при этом буквально за руку вела своих учеников от написания курсовой работы до заветной защиты диссертации.

Кроме того, что Светлана Исковна формировала нас как специалистов, она успевала поделиться и житейской мудростью: тем, как правильно приготовить вкусные котлеты, какое следует выбрать вино к мясу и рыбе, какой аксессуар подобрать к наряду. Даже то, как выбрать себе спутника жизни, становилось предметом доверительных бесед с моим руководителем. Она оставалась руководителем во всем!

И сейчас у меня в голове звучит академический, безупречно поставленный, вечно молодой ее голос. Как-то раз я сказала, что ее голос нужно разливать в бутылёчки и продавать в аптеке в качестве лекарства. Она тогда весело смеялась.

Я уверена, что ее голос также звучит в головах всех многочисленных учеников, имевших счастье учиться у прекрасного лектора, поистине легенды филологического факультета.

Светлана Исковна еще образец преподавательского счастья. Так, как она любила своих учеников, наверняка, мало кто любил. Профессор любила всех и каждого по-своему и гордилась: Гунсэмой Цыдыповной, одной из первых защитившейся под ее научным руководством, всегда приводила в пример ее исключительную работоспособность и ответственность; Даримой Чимитдоржиевной, рассказывала об уникальности ее исследования, свидетельством чему была, по ее словам, выстроившаяся за диссертацией очередь в Ленинке. Особое место в сердце учителя занимала Эржен Гынденовна, которую Светлана Исковна рекомендовала как вдумчивого ученого; с гордостью рассказывала о мужественности Сэсэгмы Даша-Нимаевны, о том, как кропотливо работала над диссертацией Арюна Баторовна. Максара Юрьевна, ныне успешно работающая в солидном столичном вузе, — отдельная гордость нашего учителя.

Светлана Искровна обладала исключительным талантом объединять вокруг себя людей. Если закрыть глаза и представить ее образ, то она предстает сидящей в окружении своих студентов и аспирантов и рассказывающей им что-то интересное. Она любила отмечать свой день рождения еще и в кругу своих учеников.

Благодаря ей сейчас ее ученики поддерживают друг друга и оказывают помощь на профессиональной стезе. Дело Светланы Искровны продолжается в них.

Мой научный учитель Светлана Искровна Гармаева — ученый, до конца оставшийся преданным науке и своим ученикам, истинный профессор и необыкновенный в личном плане человек. Спасибо Вам за все, наш дорогой Учитель!

Матусева Арюна Баторовна, кандидат филологических наук, заместитель начальника отдела Управления Федеральной налоговой службы по Республике Бурятия:

Свою научную деятельность под руководством блестящего ученого и известного бурятского литературоведа Светланы Искровны Гармаевой я начала будучи вчерашней выпускницей филологического факультета Бурятского государственного университета.

Если в начале аспирантского пути Светлана Искровна была, прежде всего, научным руководителем, доктором филологических наук, профессором, автором многочисленных научных трудов, то впоследствии стала очень близким человеком, с которым могла поделиться своими переживаниями, успехами детей, посетовать на неудавшийся урожай, попросить совет.

Уважительное отношение к окружающим, внимание к деталям, датам, людям, широта и глубина ее знаний, вся жизнь, посвященная любимому делу, стали для меня эталоном, ориентиром внутреннего нравственного роста.

Наши встречи, постоянные телефонные звонки направляли и стимулировали профессиональную карьеру, помогали в научно-педагогических делах. Очень хорошо помню и ценю поддержку Светланы Искровны во время работы в БГУ. В любую свободную минуту могла заглянуть к ней и обсудить насущные вопросы, благо кафедры находились на одном этаже. Искренне интересовалась мо-

ими делами и радовалась успехам, когда перешла преподавать русский язык и литературу в Бурятский филиал Московского университета экономики, статистики и информатики, а позже стала начальником отдела научно-методической работы. Благодарна Светлане Исковне и за то, что без единого слова упрека приняла мое решение оставить педагогическую и научную деятельность и перейти на государственную службу. Был период, когда по семейным обстоятельствам на непродолжительное время вернулась преподавателем в Бурятский лесопромышленный колледж. Запланировали проведение ряда встреч Светланы Исковны со студентами колледжа с целью изучения произведений современных бурятских авторов. Но, к сожалению, нашим планам не суждено было сбыться из-за пандемии.

В студенческие годы, слушая лекции легендарного преподавателя, и позже, когда Светлана Исковна вручала мне диплом о высшем образовании, я и не подозревала, что вся моя жизнь практически неразрывно будет связана с ней. Мне кажется, что с годами наша связь становилась сильнее и прочнее. Всегда старалась найти свободную минутку, чтобы поговорить с любимым руководителем. На мои звонки неизменно отвечала: «Арюна, ты? Как раз тебя сегодня вспоминала!». Я считаю счастьем и подарком судьбы, что у меня была возможность быть небольшой частицей на жизненном пути этого необыкновенного человека.

Дондокова Максара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России:

Мое знакомство со Светланой Исковной Гармаевой произошло на четвертом курсе восточного факультета БГУ. Она читала нам курс «Введение в литературоведение». После окончания вуза, когда встал вопрос о поступлении в аспирантуру и выборе руководителя, я в первую очередь опиралась на свое впечатление о работе со Светланой Исковной. С ней я могла работать и приходиться к правильным выводам, что мне, безусловно, нравилось. Она четко формулировала вопросы, искренне восхищалась китайской поэзией и китайскими поэтами, с интересом погружалась в проблематику каждого исследования.

Как научный руководитель она шла навстречу по многим вопросам, предоставляя возможность самостоятельно исследовать тему, но в то же время всегда была готова помочь и направить в правильное русло, если мое исследование заносило не туда. Работы у Светланы Исковны было немало со мной, так как мне не хватало филологических знаний. Большой поклон Светлане Исковне за терпение и усердный труд с моими научными изысканиями.

Отдельно надо отметить человеческие качества Светланы Исковны, которая всегда для всех своих аспирантов была больше чем преподаватель. Она часто в первую очередь осведомлялась о личной жизни, не из праздного интереса, а искренне переживая. Когда я вышла в декретный отпуск, она сказала: «Ребенку нужна мама» — и не требовала с меня статей, активной работы, лишь интересовалась здоровьем малыша. Зато после выхода из отпуска мы активно работали и вышли на защиту вовремя.

Светлана Исковна всегда была красивой дамой. У нее был хороший стиль, всегда одевалась со вкусом, могла отметить интересный костюм комплиментом.

Светлана Исковна была не только наставником, она стала мне родной, но будучи очень интеллигентной, боялась обременять своими заботами. В период активной работы по праздникам она приглашала нас в ресторан монгольской кухни, а после защиты уже мы звали ее на посиделки в то же место. Сейчас эти воспоминания греют душу.

Со Светланой Исковной мы прошли непростой и долгий путь. Я чувствовала, что она, как и каждому своему аспиранту, дарила мне не только время, знания, но и любовь и заботу, а также огромные душевные переживания. Думаю, что именно это помогло мне впоследствии. Она очень хотела, чтобы диссертация помогла мне добиться успеха. Так и случилось.

Херел Алимаа Хензиг-ооловнал, кандидат филологических наук, ученый секретарь Института развития национальной школы (г. Кызыл, Республика Тува):

Светлана Исковна Гармаева была талантливым педагогом, прекрасным лектором, блестящим ученым, внесшим большой вклад в развитие национального литературоведения, заботливой мамой и бабушкой.

Исследователь национальных литератур народов Сибири, Севера и Дальнего Востока С. И. Гармаева внесла большой вклад в подготовку научных кадров Республики Тыва, Хакасии и др. Так, под ее руководством была выполнена и защищена моя кандидатская диссертация «Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии» (2019, ИМЛИ РАН, г. Москва). Также она была научным руководителем аспирантов Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова из Республики Тыва Шончалай Дадар-ооловны Ооржак и Шенне Юрьевны Кужугет (программа подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по направлению подготовки 45.06.01 Языкознание и литературоведение, квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь»). Кроме того, С. И. Гармаева выступала официальным оппонентом диссертационной работы Елены Тадар-ооловны Бады-Монге «Национальное своеобразие художественной детали в тувинской прозе» (2004).

Светлана Искровна Гармаева была добросовестным ученым, уважаемым гражданином Республики Бурятия. Ее научные труды сформировали не одно поколение исследователей национальных литератур России.

Светлана Искровна всегда была оптимистична, доброжелательна, внимательна, легка в общении, любила хорошую шутку, с философской мудростью относилась к разным проявлениям жизни, мужественно, с завидным буддийским терпением переносила все тяготы судьбы.

Мы, специалисты-тувиноведы, литературоведы, ценим Светлану Искровну как незаурядного талантливую ученого, преданного своему делу, и как мудрого наставника.

С. И. Гармаева — достойная дочь бурятского народа — останется в наших сердцах навсегда.

Мы надеемся, что научные идеи и творческие замыслы доктора филологических наук, профессора С. И. Гармаевой будут реализованы ее учениками и коллегами.

Майнагашева Нина Семеновна, кандидат филологических наук, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан):

Об ученом, глубоко преданном своему делу

Мое знакомство со Светланой Искровой Гармаевой произошло в 2007 году как с членом диссертационного совета Бурятского государственного университета, когда ее назначили экспертом моей диссертации. Пришлось плотно работать над замечаниями, она давала очень важные для молодого исследователя советы, при этом требовала строго следовать графику намеченной работы. Запомнились ее требовательность и в то же время умение проникнуться самыми простыми проблемами собеседника, стремление мотивировать человека на труд. В беседе о работе над диссертацией всегда приводила множество примеров из жизни и литературы разных народов. Ее помощь для меня была очень важной, общение с ней стало яркой страницей моей жизни. Затем она выступила оппонентом на защите в декабре 2008 года.

Светлана Искрова мечтала побывать в Хакасии, и в 2014 году в дни проведения IV Международного культурно-туристского форума «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития» посетила Абакан, поселок Черемушки и снова подарила дни теплого и плодотворного общения не только мне, но и многим участникам форума, где она была одним из модераторов.

Бывая в Улан-Удэ, я всегда старалась забежать к ней. Созванивались по телефону, поздравляли друг друга с праздниками, обсуждали вопросы будущих исследований.

В моей памяти навсегда останется светлый образ Светланы Искровой как доброго и искреннего человека, мудрейшего старшего коллеги и ученого, глубоко преданного своему делу.

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва: директор ТИГПИ, кандидат исторических наук Март-оол В. Д., ведущие научные сотрудники кандидаты филологических наук Донгак У. А., Самдан З. Б., Татаринцева М. П., Мижит Л. С., заведующий Научным архивом ТИГПИ Салчак В. С., научный сотруд-

ник Кужугет Ш. Ю., доктор филологических наук Орус-оол С. М., кандидат филологических наук Донгак А. С., кандидат педагогических наук Кунгаа М. Б.:

Неоценим вклад известного ученого С. И. Гармаевой в подготовку научных кадров для Республики Тыва и развитие тувинского литературоведения в целом (кандидатская диссертация «Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтай, Тувы и Хакасии» (1973)). Плодотворно было тесное научное сотрудничество с учеными Тувы проф. ТувГУ, д.ф.н. Д. С. Кууларом (1932-2007), фольклористом д.ф.н. С. М. Орус-оол, литературоведом к.ф.н. Е. Д. Монгушем. Она являлась научным руководителем молодых научных сотрудников сектора литературы ТИГПИ, аспирантов БГУ в 2014–2018 гг. Ш. Ю. Кужугет и Ш. Д. Ооржак.

Бадмаева Ольга Бальжинимаевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший методист Центра сохранения и развития бурятского языка ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Мудрый наставник

Осень 1976 года. Золотая пора студенчества. Под ногами шуршит осенняя листва, и мы с однокурсницами по отделению русско-бурятской филологии БГПИ им. Д. Банзарова из общежития № 1 наперегонки направляемся в наш второй корпус, расположенный напротив памятника Доржи Банзарову. Навстречу идет незнакомая молодая женщина в строгом синем костюме с сумкой в руках. Начались занятия. Открывается дверь, и в аудиторию входит та самая женщина. Представилась: «Светлана Искровна Гармаева, буду вести „Введение в литературоведение“». Так состоялось наше знакомство. На пятом курсе она проводила занятия по «Теории литературы».

В то время на факультете работали кандидаты и доктора наук, наши дорогие замечательные преподаватели: Э. Р. Раднаев, В. Б. Махатов, В. И. Золхоев, Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов, М. М. Хамгушкеева, У.-Ж. Ш. Дондуков, Ж. С. Сажинов, С. М. Бабушкин, В. П. Битуев,

Н. К. Елаев, И. Д. Бухаева, В. М. Хамаганова, К. Б. Соктоева, И. З. Ярневский, Т. В. Затеева, Е. И. Целикова, С. И. Гармаева, С. Ж. Балданов и многие другие. Они сформировали у нас, будущих специалистов в области русской и бурятской словесности, основательную теоретическую и методическую базу.

Вся педагогическая деятельность С. И. Гармаевой с 1973 года была тесно связана с нашим отделением (в дальнейшем — факультет бурятской филологии, Национально-гуманитарный институт, Восточный институт). Много сил и энергии она приложила для того, чтобы выпускники бурфака стали истинными профессионалами своего дела.

Все студенты без исключения любили слушать лекции С. И. Гармаевой, требовательного, авторитетного, талантливого педагога. Прекрасное знание менталитета, свойств и особенностей национального характера позволяло ей добиваться хороших результатов при изучении самых разнообразных вопросов теории и истории литературы, в том числе бурятской. Удивительнейшим образом в ней сочетались внутренняя духовная культура, высочайшая требовательность, должная строгость, необыкновенная чуткость, мудрая простота. На семинарских занятиях, когда она учила нас выражать собственное отношение к проблемным вопросам литературоведения, высказывать и отстаивать свою точку зрения, от Светланы Искровны исходила какая-то особенная энергетика. Пожалуй, каждый студент помнит ее неизменные вопросы: «А почему?», «Как вы думаете?»

Светлана Искровна, став авторитетным ученым-литературоведом, не теряла связь со своими выпускниками. Впоследствии, даже имея за плечами определенный педагогический стаж работы, став преподавателями факультета бурятской филологии, я и мои коллеги — выпускники бурфака — постоянно ощущали заботливое отношение и получали мудрый совет старшего товарища. Даже в пожилом возрасте она охотно принимала приглашение выступить на курсах повышения квалификации учителей бурятского языка и литературы, и уже состоявшиеся учителя по-прежнему слушали ее блестящие лекции, затаив дыхание.

Как педагог близко к сердцу воспринимала снижение интереса к чтению и уровня читательской культуры, утрату молодыми сформировавшихся веками духовных ценностей. Вспоминаю, как на одной из научно-практических конференций Светлана Искровна выступа-

ла с докладом «Глобализация и эталон обучения в национальном вузе». Размышляя о перспективах региональной системы образования в глобализирующемся мире, педагог поделилась мыслью о необходимости использования в обучении и воспитании молодежи фактора синтеза культур Востока и Запада, богатейших возможностей литературы в формировании духовных и религиозных ценностей.

Несомненно, С. И. Гармаева — крупный ученый с неординарным мышлением. Она внесла существенный вклад в разработку теории и практики литературного процесса, литератур народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Ее монография «Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века» по-прежнему востребована учеными, преподавателями, студентами.

Время неумолимо бежит вперед, и снова приходит пора падающих листьев. И новое поколение студентов-филологов спешит на занятия в предвкушении интересной жизни. Очень жаль, что Светланы Искровны нет с нами. Но остались ее наследие, идеи, семья, дети, внуки, ученики, продолжатели дела, которые не дадут угаснуть памяти.

Абидуева (Буянтуева) Гэрэлма Цырен-Доржиевна, кандидат филологических наук, заведующий отделом аспирантуры ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»:

Впервые со Светланой Искровой Гармаевой я встретила в 2002 году будучи первокурсницей Национально-гуманитарного института, только что пригубившей чашу образования и науки.

Она вела дисциплину «Введение в литературоведение». Мне посчастливилось встречаться и общаться с ней на протяжении своего студенчества, аспирантуры и трудовой деятельности.

Огромная заслуга Светланы Искровны состоит в том, что ее советы помогали на всем пути профессионального становления, она всегда поддерживала меня и наставляла на верный путь.

Светлана Искровна была очень порядочным, интеллигентным, заботливым и внимательным человеком. Я ни разу не видела ее не в настроении, сердитой, выражающей свое недовольство, гнев к окружающим. Даже на работу ходила, как любила говорить, как на праздник.

Много лет мы с ней очень спокойно и слаженно работали с аспирантами и соискателями из Республики Тыва и Хакасии.

Я благодарна судьбе, что училась и работала с таким Человеком. Светлая память дорогому нашему учителю.

Доржиева Эржэна Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель ВСГИК:

Светлана Искровна Гармаева прожила яркую жизнь. Она была Светлым и Чистым Человеком, несмотря ни на что оставаясь такой всегда. Ее жизнь является примером для всех нас. Мы, ученики, должны продолжить дело нашего учителя, ее научную школу, развивать ее дела и стремления.

По сей день я с трепетом вспоминаю о Светлане Искровне как о добром светлом человеке. Она была как свет, как искра — чему соответствуют ее имя Светлана, означающее свет, и отчество. И жизнью, и делами она полностью оправдала их. Озаряя своим светом, она зажигала в нас искру, в которой заложен колоссальный потенциал. Когда искра разгорается, как раз и получается то, что Светлана Искровна называла «свет от искры», — огонь, пронизывающий своими лучами деятельность человека. Она говорила, что это объединяющий огонь. Шутила, что является двойным «светом» — «светом от искры». Действительно, в ее душе было много света и тепла.

Для многих С. И. Гармаева была не просто преподавателем, а наставником, и я горда быть в их числе. Она была назначена первым официальным оппонентом кандидатской диссертации, которую я защищала в апреле 2019 года в Москве в Институте мировой литературы имени А. Горького. Несмотря на 81 год, была легка, молода душой. Требовательный, строгий ученый, Светлана Искровна при обсуждении работы сделала очень дельные замечания и дала важные для исследования советы. Ее помощь неоценима. С. И. Гармаева сыграла в моем профессиональном становлении и реализации огромную роль.

Она очень любила свою малую родину Закамну, край лесов и гор, устремленных в небо. Земляки справедливо считают: «Все лучшее, что может быть в человеке, было в ней!». Светлана Искровна, несомненно, заслужила эту оценку своими делами, искрен-

ней готовностью помочь и поддержать закаменцев. Так, по ее инициативе, в бытность заведования кафедрой литературы БГУ, была создана экспериментальная школа гуманитарного направления в г. Закаменск. При любой возможности она старалась съездить в Закамну, помочь своей малой родине и своим землякам. Очень любила отдыхать на Енгорбойском аршане, считала, что родная земля дает энергию, силы и здоровье, таким образом благословляя ее.

Светлана Искровна Гармаева — Учитель с большой буквы, человек большой души и сильной воли, вместе с тем добрый и хрупкий. Она всегда останется в моем сердце.

Алагуева Ольга Лазаревна, учитель русского языка и литературы СОШ № 49, выпускница филологического факультета 1985 года:

Впервые мы встретились в 1980 году. На вступительных экзаменах по литературе поймала на себе оценивающий взгляд, но не женский (внешний), а учительский (внутренний). Потом выяснилось, что «пятерка» за сочинение вызвала у преподавателя Светланы Искровны Гармаевой особый интерес к абитуриентке Алагуевой. Испытания благополучно завершились, я поступила, но тогда не поняла, что в моей жизни произошло важнейшее событие — встреча с Учителем. Осознание этого момента пришло позже.

Помню потрясение от лекций Светланы Искровны. Помню ее чарующий голос, особые интонации, которым пыталась подражать. Помню интереснейшие семинары, когда она устраивала нам открытия. Помню ее строгость, ее неприступность, ее умение держаться *над* и в то же время быть рядом со студентами. Помню, когда я «бросила институт», моя преподавательница пришла ко мне домой, принесла стипендию за три летних месяца и просто спросила: «В понедельник выйдешь на учебу?» Помню, как наша 13-я группа завидовала 15-й, в которой Светлана Искровна была куратором, ведь она приглашала их домой, устраивала встречи с «мужской» группой из сельхозинститута, чтобы познакомить девчонок, переживала за каждого студента во время сессии.

Наше общение прошло несколько стадий развития (как у Пушкина, так любимого Светланой Искровной): приятель, друг, товарищ...

Однажды я сидела на скамеечке недалеко от института, Светлана Исковна присела рядом, и мы начали разговаривать, казалось, о пустяках, но каждый «пустячок» отложился в памяти: «если не можешь препятствовать плохому, поднимись над обстоятельствами» или «коридор на то и коридор, чтобы по нему проходили в значимое помещение». Так мы стали приятельницами, могли пройти пешком от площади Советов до остановки «Прямая», неподалеку от которой Светлана Исковна жила, многое рассказывали друг другу, не вспоминая о 25-летней разнице, забывали, что Учитель и студентка. «Почему доверяла именно мне?» — этот вопрос я потом задавала Светлане Исковне, но ответа не получила.

После окончания института я решила не учиться в аспирантуре, а поработать в школе. Веду урок, чувствую, что за дверью кто-то стоит. Это была Светлана Исковна, которая по линии общества «Знание» приехала в Северобайкальский район и не удержалась, заглянула в Нижнеангарскую школу, чтобы «посмотреть, как у меня обстоят дела». Дела, видимо, обстояли хорошо, потому что Светлана Исковна назвала меня коллегой. Так мы стали друзьями. Появились общие интересы: к разговорам о семье, о личной жизни, об отношениях с людьми добавились темы о школе, об образовании, о культуре, о национальном самосознании (евразийство, пассионарное состояние общества и человека). Светлана Исковна возмущалась отсутствием знаний: она восхитилась, как один первокурсник очень похож на Пастернака. Студент возмутился: «Как Вы смеете сравнивать меня с овощем?!» Но даже не эти слова ее поразили, а то, что молодой человек сказал: «Посмотрел в Интернете». К современным технологиям у Светланы Исковны было «особое» отношение: на конференции учитель из района отказалась выступать («флешку забыла»), «но не голову же», — парировала она, хотя всегда сдерживалась от резких слов, прямых отрицательных характеристик, никогда и никого не обсуждала и не осуждала. Единственное, что не могла простить, — незнание.

Учеба в аспирантуре и работа над диссертацией еще больше нас сблизили. Научный руководитель Светлана Исковна насыщала меня интеллектуально, учила не останавливаться на достигнутом, развиваться. Незадолго до смерти с горечью сказала: «Я так и не сумела отвлечь тебя от школы, но, может, это к лучшему, потому что это твое призвание». От нее поступило предложение выступить на фо-

руме в Монголии, я отказалась (огурцовый суперурожай), Светлана Искровна потом сказала: «Соленые огурцы у тебя знатные, но мозги не консервируй».

Светлана Искровна любила мою семью, подолгу разговаривала с мамой, когда бывала у меня в гостях. Именно ее общение с моими родителями многое раскрыло в этой удивительной женщине: она, окруженная людьми, страдала от одиночества, идущего из трудного детства, из неуютной юности, из вдовьей зрелости. Светлана Искровна обожала своего сына, внучек, гордилась тем, что на свадьбе внучки она стала настоящей бурятской бабушкой, но в последние годы часто говорила, что страдает, ведь в окнах ее квартиры не горит свет — и оставляла электричество включенным, не могла ходить — ездила на такси на работу, чтобы «не разучиться разговаривать», часто сокрушалась, что становится беспомощной.

Мы часто встречались, пили какой-нибудь необычный чаёк, заедая сладеньким, ходили в кафе или ресторан «на вкусненькое» блюдо и разговаривали. Теперь к обычным темам добавились глобальные: о смысле жизни, общественных перспективах, саморазвитии. Так Светлана Искровна стала моим товарищем, таким же: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...». В самые значимые события моей жизни рядом был Друг, Товарищ, Учитель Светлана Искровна Гармаева. Я счастлива, что судьба подарила мне возможность общаться с ней, по словам моего папы, «самой умной женщиной бурятского народа».

Балданова Аюна Будажаповна, учитель русского языка и литературы Нижнеангарской школы № 1, выпускница филологического факультета 2001 года:

Императрица, сеющая слово

Я всегда думала, что Светлана Искровна будет вечной... Каждый этап жизни согласовывала с ней. Благодарна судьбе, что поступила на филфак БГУ, потому что Светлана Искровна с первых занятий заполнила мою жизнь собой, влюбленностью в Пушкина, Толстого, Достоевского... Она вела у нас на первом курсе «Введение в литературоведение», а перед гэками на пятом — «Теорию литературы». На лекциях я всегда садилась за первую парту, пыталась уловить каждое слово из уст Мастера.

Поступала в 1996 году по собеседованию. Это было тяжелое время, время безнадёги, родителям зарплату не давали месяцами... Помню, папа с мамой посадили меня на автобус и я поехала в Улан-Удэ, город, который совершенно не знала, видела только однажды, когда приезжала на олимпиаду по литературе... На собеседовании она спросила: «Вы откуда?». «Из Закаменска», — робко ответила я, и поймала на себе внимательный, изучающий взгляд. Она была в белой блузочке в красный горошек... Все в комиссии мне показались строгими... Она задавала вопросы, и мы вышли на различие элитарной и массовой литературы. «Что для вас массовая литература?» — «Лимонов...» — поколебавшись, ответила я. — «А элитарная?» — «Пушкин, Достоевский...» Увидела ее глаза, которые испытующе смотрели сквозь меня, потом она улыбнулась и сказала: «Что ж, я рада, что из глубинки к нам приезжают учиться такие дети...» Светлана Искровна была на этой встрече царицей. И все последующие годы она была для меня именно царицей. Императрицей!

Сколько раз мы ловили этот испытующий взгляд, коим она награждала студенческую аудиторию, будь то лекции или семинары... Она заинтересовывала нас теорией пассионарности Л. Гумилева, идеей евразийства, конфессиональными исканиями персонажей, национальными образами мира... Мы готовились к встрече с ней, старались много читать, каждое ее слово записывалось с трепетом в тетрадь. До сих пор я храню эти тетради, пролистывая их, вспоминаю все до мелочей, слышу ее неторопливый голос, соглашаюсь с ней, удивляюсь тому, что все, что она нам читала, имеет место быть сейчас, ты смотришь на художественный текст уже как на комплекс различных инструментов, которыми нас научила владеть Светлана Искровна...

Спустя годы узнала, что в детстве она жила в Закаменске, училась в школе № 2 у учителей-западников, которые приехали работать к нам по направлению. И она много сделала для своей родной школы. Радела за нее! Благодаря непосредственному участию Светланы Искровны Закаменская средняя школа № 2 обрела статус гимназии, став образовательной площадкой БГУ. В Закаменск начали приезжать преподаватели университета, была организована большая работа по повышению качества образовательного процесса, и показатели школы не замедлили подняться выше. Это был ренессанс нашей районной системы образования. Во многом, конечно,

это заслуга еще и тогдашнего начальника РУО Закаменского района В. М. Бадмаева, сумевшего организовать диалог школы и вуза. Мои старшие коллеги с уважением вспоминают мастер-классы Светланы Искровны, уроки, которые она посещала, как помогала перестраиваться, учила смотреть дальше урока... Это были бесценные годы.

На третьем курсе я ее потеряла... В это время она писала и защищала докторскую диссертацию в Москве. Было тоскливо. Но на пятом курсе теорию литературы читала уже доктор филологических наук Гармаева Светлана Искровна. На последней перед гэками сессии Светлана Искровна сделала так, чтобы наш разговор с ней продолжился... Мне был вручен «бегунок». Помню, как усиленно занималась... В общежитии осталась почти одна, так как все разлетелись по домам. Мне же стыдно было ехать на родину из-за провала. Но это был не провал. На пересдаче был долгий разговор о судьбе литературы, о ее предназначении, но никак не по вопросам билета... Итогом беседы стала выставленная в зачетку «пятерка». Предложила поступление в аспирантуру. Согласилась. Потом началась учеба в аспирантуре. Наше сотрудничество переросло в дружбу. Обрела в ней Друга, каждый этап жизни согласовывала с ней. Бежала к ней. Часами сидели в скромной квартире на бульваре Карла Маркса и говорили о жизни, о литературе, об университете... И на одной из встреч она призналась, что вручила мне «бегунок» из-за того, что не хотела расставаться. И я ей призналась, что рада была общаться все это время с ней. Да, помнится, что пришла на последний экзамен с чувством грусти, понимая, что всё... впереди расставание. Это были смешанные чувства: любовь, уважение, восхищение, грусть...

Ей было нелегко. Светлана Искровна несколько лет ухаживала за тяжелобольным мужем, прикованным к постели, руки всегда были в мозолях, трещинах... Потом был переезд на Профсоюзную. Она была рада новой квартире. Мы вместе радовались этому просторному красивому жилью... Посчастливилось помочь немного с ремонтом. Ей приходилось много работать, чтобы расплатиться за новую квартиру... Обо всем она говорила мне. «Пока я жива, Аюна, дойди до защиты», — твердила она... Но я выбрала тихое семейное счастье на родине. Ей пришлось смириться. Но при удобном случае всегда упрекала. Мы остались друзьями, встречались, пили чай, созванивались... Пандемия, ситуация на Украине делали свое дело... Приходилось только созваниваться. Часто слышалась безысход-

ность в голосе. Ты слушаешь с щемящей болью голос любимого человека и ничего не можешь сделать... Мы говорили последний раз со Светланой Искровой в конце июня. Она первой положила трубку, потому что в ее голосе слышался плач... Она говорила, что смотрит по телевизору новости, смотрит все эти ужасы. «Это моя гражданская позиция, я не могу по-другому», — отвечала она на мои просьбы не смотреть... Я плакала безостановочно в те августовские дни 2022 года, когда услышала, что моей Светланы Искровны больше нет, что ее сердце остановилось после операции...

Хочу вручить Вам «бегунок», потому что не хочу расставаться... Но Вы сейчас далеко, наша императрица, влюбившая в русскую литературу... Буду сеять семена, вложенные в сердце, чтобы Вы остались на земле навечно, Светлана Искровна, мой Друг и Наставник... И это мой «бегунок», ведь мы неразлучны... Новый этап в своей жизни я начинала впервые без Вас. Трудно... Но я успела сказать в июне об изменениях в жизни, Вы дали мне наставления. Я записала их на скрижалях своей души. И буду исполнять...

Покойтесь с миром, мой любимый Багша! Вы — во мне, во многих моих коллегах, в которых посеяли любовь к Слову, научили нырять глубоко в недра писательской мысли. Когда я летела домой после первого года работы в Нижнеангарске по программе «Земский учитель», вдруг почувствовала щемящую тоску в сердце, вспомнив Вас и Ваши наставления... По приезде домой первым делом нашла свою научную работу, где на полях Вашим аккуратным почерком вписаны замечания...

Памяти Гармаевой Светланы Искровны

Солнце светило и грело планету...

Дождик, поплавав, вдруг сразу замолк.

Что-то тревогу привнес в сердце ветер —

Не разберу его горестный толк.

Так захотелось уйти восвояси,

В гору поднявшись высоко-высоко,

Долго молиться, пока не прояснит

То, от чего на душе нелегко.

Как оказалось, в это мгновение

Добрый мой Друг уходил в небеса...

Так он прощался с земною вселенной,

Духом свободным посетив адреса...

Он побывал у подножия тоонто —
Родина нежно его обняла.
Тихо манили вдали горизонты,
Где нет горя, болезней и зла.
Нет одиночества, скорби, страданий,
Есть доброта в лучах торжества...
Пусть мы телесно на земле увядаем —
Ваша душа будет вечно жива...
Так я себе через слезы твердила,
Нежно держа Ваше фото в руке...
Факта случившегося холодные льдины
Сердце сжимают в зыбучей тоске.

Новокрещенных Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, преподаватель колледжа искусств им. П. И. Чайковского, выпускница филологического факультета 2005 года:

Воспоминания о преподавателе

Светлана Искровна — один из тех педагогов, которые оказали большое влияние на мое профессиональное, культурное и человеческое становление. Первым предметом в 2000 г. (год моего поступления в университет) было «Введение в литературоведение». Светлана Искровна блестяще вводила нас, вчерашних школьников, в науку литературоведения, погружала нас в терминологию, в прекрасный мир Пушкина, на которого всегда опиралась: «Талантливых много, выдающихся много, а гений у нас один — Пушкин, все, что у нас есть в мире литературы, было у Пушкина, он — новатор, лидер, гений», — говорила Светлана Искровна. Это были не просто лекции, это был диалог учителя-наставника и ученика-студента. Иногда Светлана Искровна рассказывала нам о своей учебе в Москве, о своих учителях, всегда с благодарностью к ним. Слушать ее было невероятно интересно, познавательно. Тетради по ее предметам у меня находятся до сих пор, иногда обращаюсь к ним. На четвертом курсе Светлана Искровна вела у нас, литераторов, спецкурс, на пятом — теорию литературы, и всегда ее занятия были увлекательны, в них чувствовались глубина, великолепная эрудиция педагога, фундаментальность знаний, интеллектуальная требовательность, для себя я всегда открывала что-то новое, значимое.

Присутствовала Светлана Искровна и на защите дипломных работ, отметив мою работу по поэтике символа в творчестве Бунина. Светлана Искровна была экспертом моей диссертации, посвященной автобиографической прозе А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Григорьева. Для меня было очень важно услышать на защите ее слова о том, что поэты писали прозу не зря. Встречались мы и на конференциях, Светлана Искровна приходила в колледж искусств в качестве эксперта.

Безусловно, в памяти большинства выпускников филологического факультета доктор филологических наук, профессор С. И. Гармаева останется человеком, который видел и ценил в литературе настоящее, а в человеке — подлинное, прекрасным ученым, преданным своей профессии.

Гимальдинова Нина Владимировна, учитель русского языка и литературы МАОУ «СОШ № 7» г. Улан-Удэ, выпускница филологического факультета 2013 года:

Светлана Искровна Гармаева — педагог-наставник

Уходя, оставьте Свет — перед ним отступит холод!
Свет собой заполнит город... Даже если Вас там нет...

Г. Волчек

Светлана Искровна Гармаева — филолог, профессор, преданный своему делу. Для многих студентов она была не просто педагогом, а стала наставником, и я горжусь быть в их числе.

Простота, глубина и умение слушать — вот чем всегда отличались лекции Светланы Искровны. Она обладала талантом говорить просто о высоком, раскрывая глубину смысла литературного произведения. Учила быть внимательными к слову, во всем доходить до самой сути, через текст понимать авторский замысел. Всегда чувствовалось, что Светлане Искровне интересно с нами, студентами, общаться. Она любила слушать и задавать нестандартные вопросы, заставлявшие думать. И после разговора возвращаться к теме беседы не один раз. В каких-то вопросах была бескомпромиссна, говорила то, что думает, правду, могла дать мудрый житейский совет.

Особенно мне запомнилась лекция, на которой анализировался роман Пушкина «Капитанская дочка». Говорили о том, что Петр Гринев — образ идеальной личности. И нужно было доказать это. А в конце лекции Светлана Искровна спросила: «А ведь Петруша опускает глаза, когда Пугачев на него смотрит. Почему?» Так мы пришли к важнейшему концепту русской литературы — «совесть». Теперь, когда в школе мы изучаем «Капитанскую дочку», я задаю этот вопрос своим ученикам, с надеждой жду ответа и верю, что всегда найдутся ребята, которые будут говорить о совести, и что это понятие никогда не исчезнет из нашего общества.

Светлана Искровна — влюбленный в литературу ученый, талантливый педагог и наставник, уникальная личность, масштабы которой нам еще предстоит осознать. Искра, зажженная в ее сердце, превратилась в свет, свет знаний, мудрости и любви, которым так щедро делилась с нами Светлана Искровна. Этот свет мы должны сохранить и нести дальше.

Добавим еще несколько штрихов к портрету С. И. Гармаевой.

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора ИМЛИ им. А. Горького:

Я помню замечательную беседу с дорогой Светланой Искровной на защите в ИМЛИ ее ученицы, ее веселый смех и увлекательный рассказ о том, откуда взялось ее отчество. Милый облик Светланы Искровны, ее забота о своих учениках, ее увлеченное, горячее, даже пламенное выступление на защите диссертации своей аспирантки, ее добрая расположенность к людям остались в памяти.

Палкина Раиса Атаасовна, кандидат филологических наук, автор монографии «Становление жанра романа в литературах народов Южной Сибири» (г. Горно-Алтайск):

Буряты — большие интеллектуалы. Абсолютно убеждена в этом после встреч с бурятскими писателями. Муж возглавлял писательскую организацию нашей республики, поэтому приходилось бывать на пленумах, съездах и других мероприятиях.

Светлана, с которой мы учились в одно время в аспирантуре ИМЛИ РАН, тоже из числа интеллектуалов. Она быстро училась и усваивала материал семинаров по философии, материализму и специальности, активно участвовала в заседаниях сектора литератур народов СССР, которые проходили один раз в неделю. Помню, что на втором или третьем курсе Светлана выступила на заседании сектора по утвержденной теме на хорошем теоретическом уровне, практически на уровне данного сектора, говорила абсолютно спокойно, очень уверенно. Нас учили методологии изучения национальных литератур с учетом национальных особенностей.

На кухне нашего общежития были настоящие кулинарные курсы, осваивали блюда разных национальных кухонь. Там я научилась у узбечки готовить плов, у казашки — бешбармак, а также тянуть лапшу для лагмана.

Потом я приезжала в Бурятию на Всесоюзную конференцию по художественным исканиям, и мы встречались со Светланой.

Ооржак Шончалай Дадар-ооловна, научный сотрудник сектора литературы Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), аспирантка С. И. Гармаевой:

Светлана Искровна была для нас настоящим наставником и другом. Память о ней навсегда останется в наших сердцах.

Долбеева Тамара Филипповна, кандидат филологических наук, доцент:

Я вспоминаю Светлану Искровну постоянно, потому что, общаясь с ней, прикоснулась не к миру литературы и литературоведения, а прежде всего к миру понимания, кто такой человек и что такое человечность, к понятию «гуманный». Ее философское отношение к жизни всегда меня удивляло и поражало. У нее был масштабный ум.

Халбаева Антонина Константиновна, учитель русского языка и литературы Эрхирикской средней школы, выпускница филологического факультета 1977 года:

В один из сентябрьских дней в 32 аудитории на третьем этаже должна была пройти лекция. Я села в среднем ряду, впереди. Буквально почти со звоном вошла светлокочная молодая женщина в

черном свитере. Наверняка, мы шумели, даже и не поняли, что она поздоровалась с нами. И вдруг преподаватель начал декламировать, ставя особое ударение на глаголах. Следует признать, читала мастерски. Строками: «О, знал бы я, что так бывает, когда пускался на дебют, / Что строчки с кровью — убивают / Нахлынут горлом и убьют!» — она усмирила орду пока диких первокурсников, еще не имеющих студенческих билетов, не ставших пока еще солидными студентами. Тогда Светлана Искровна подарила мне и моим однокурсникам неведомого великого Пастернака. Сказать, что поэт был мне доподлинно знаком, известен, не могу, где-то мельком, где-то вскользь. А тут приоткрылась дверь в большую светлую поэзию.

Она, наш преподаватель, наша любимица и авторитет. Эти слова я произнесла в апреле 2007 года на юбилее нашего факультета, во втором ряду сидел мой любимый учитель.

В дни каникул он отдыхает, мой ветеран, мой спутник жизни — словарь литературоведческих терминов. Он уже потерял былую красоту. На семинарах мы должны были быть с терминами на короткой ноге, а не всегда получалось заполучить эту неведомую книгу из недр библиотеки. Светлана Искровна постоянно рекомендовала пополнять свою библиотеку словарями, учебниками, учебными пособиями. И тут случилось как в волшебной сказке: экзамен по «Введению в литературоведение» на «отлично», заглянула в книжный магазин, а там лежит он, красивый, доселе недосыгаемый словарь литературоведческих терминов под редакцией Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева, открывший дорогу к другим нужным книгам, пособиям, которые помогают поныне. С тех пор, с времен уже далекой счастливой студенческой жизни, этот словарь, Светлана Искровна, литературоведение — мои несокрушимые бастионы.

Есть у нас общая фотография выпускников 1977 года с нашими преподавателями. На выпускном вечере все нас поздравляли, но особенно памятными были слова Светланы Искровны: «Где бы вы ни были, как бы ни сложилась ваша судьба, помните, мы всегда с вами, вы всегда наши, мы — ваши». Эти слова своего любимого учителя произношу на выпускных линейках. Притяжательные местоимения играют большую роль, неся в себе любовь и опору.

Вольская (Тимофеева) Нина Филипповна, учитель русского языка и литературы частной школы г. Иркутск, выпускница филологического факультета 1977 года:

Светлана Искровна — чelовечный человек, замечательный преподаватель, заставляющий думать, мыслить, «видеть» слово. Какой Учитель! Какой ум, доброта, настойчивость и глубина! Анализ стихотворений Пушкина лучше, чем давала Светлана Искровна, нигде и ни у кого не встречала.

Думнова (Шанюшкина) Людмила Владимировна, учитель русского языка и литературы лицея-интерната № 61, выпускница филологического факультета 1978 года:

Светлана Искровна — педагог, искренне любивший русскую литературу, удивительный знаток, искренний человек. Всю жизнь помню ее негромкий, даже какой-то проникновенный голос. Помню ее удивительные лекции. Одну из них она начала словами: «Есть тонкие пленительные связи между контуром и запахом цветка...». Это о форме и содержании произведения. Она умела очень тонко анализировать тексты. Самое чудесное, что спустя много лет моя дочь, учившаяся на факультете иностранных языков, однажды пришла домой и рассказала, что сегодня у них начались лекции преподавателя, на которых не хочется ни на минуту отвлекаться, так интересно слушать. Это были лекции Светланы Искровны.

Иванова Александра Эркольевна, директор МБОУ «Гангутская СОШ» Иркутской области, выпускница филологического факультета 1993 года:

Лекции некоторых преподавателей были интересны тем, что в них излагались новые идеи, еще не отраженные в учебниках. Лекции Светланы Искровны отличались неординарным интересным содержанием, манерой чтения, сразу чувствовались ум и эрудиция. На первом курсе она читала нам дисциплину «Введение в литературоведение», заканчивавшийся не экзаменом, а зачетом. Для вчерашних школьников открывался огромный мир литературы. На занятиях Светлана Искровна с интересом слушала мнение каждого студента, не навязывая свою точку зрения. На одном из семинаров она сказала, что настоящая любовь встречается один раз в 150 лет, и мы оцепенели, трудно было принять эту мысль. А знаменитые из

уст Светланы Искровны строки: «Вырыта заступом яма глубокая. / Жизнь невеселая, жизнь одинокая...» — научила не одно поколение студентов-филологов отличать ямб от хорея, чувствовать ритм и рифму стиха.

Шептякова (Бутуханова) Лаура Александровна, учитель русского языка и литературы Загатуйской СОШ Иркутской области, выпускница филологического факультета 1995 года:

На первом курсе Светлана Искровна дала задание: подобрать примеры средств выразительности в стихах. Я прочитала свои стихотворные строчки, и первый же эпитет подвергся критике. Отрезвила, отрезала от блажи.

Помню, как, приводя пример, она нараспев произносила: «Глаза Катюши Масловой блестели, как мокрая смородина».

Помню брата, Льва Искровича, поклонника «Битлз», интересно-го собеседника, преподававшего нам английский язык.

Ахметчина Анна Петровна, учитель русского языка и литературы МБОУ «Браженская СОШ» Красноярского края, выпускница филологического факультета 2009 года:

Мы учились у Светланы Искровны, но даже на секунду не задумывались о ее судьбе. Немного побаивались, но уважали.

Мухина (Любина) Анна Владимировна, специалист военного комиссариата Октябрьского района г. Улан-Удэ, выпускница филологического факультета 2009 года:

Светлана Искровна, всегда чуткая к художественному слову, с доброй, тонкой ироничностью, с какой-то особенной интеллигентностью, запомнилась своими эмоциональными лекциями и артистичным чтением отрывков из классической литературы.

Намдакова (Мункуева) Саяна Викторовна, библиотекарь модельной сельской библиотеки улуса Хойтобэе Иволгинского района, выпускница филологического факультета 2009 года:

Помню, что Светлана Искровна очень хорошо ко мне относилась, часто хвалила на занятиях. Увидела во мне талант к литературе. Я горжусь, что училась у нее.

Юмжапова (Доржиева) Светлана Геннадьевна, репетитор по русскому языку, выпускница филологического факультета 2011 года:

Светлана Искровна — один из лучших преподавателей нашего факультета, образованный и мудрейший человек, прекрасный оратор, ее лекции помнятся до сих пор. Она всегда имела твердые убеждения, с ней сложно было спорить. Ее честность, прямота и открытость всегда поражали и вызывают уважение до сих пор.

Ветошникова Людмила Николаевна, учитель русского языка и литературы СОШ № 65 им. Г. С. Асеева, выпускница магистратуры ИФЙИиМК 2016 года:

С. И. Гармаеву я впервые увидела в 2016 году. Началась лекция. Каждое слово, сказанное Светланой Искровной, являлось для меня непоколебимой истиной, уважением к истории и к нам, взрослым студентам. Не только я, но и вся наша группа с восхищением и благодарностью впитывала все сказанное на занятиях. Без преувеличения скажу, что слушали лекции, открыв рот, в аудитории стояла тишина, лишь звучал ее голос, строгий и восторженный.

Я чувствовала себя счастливой, когда удалось лично поблагодарить Светлану Искровну за ее искусство. Она шла по коридору одна, и я, поравнявшись с ней, обратилась с просьбой выслушать. Призналась, что для меня она — самый лучший преподаватель, в ответ на что Светлана Искровна заметила, что ее молодые коллеги лучше, современнее, а она уже не может угнаться за временем. А я благодарилась за переданный мне опыт, призналась, что хочу быть похожей на нее, чтобы мне верили и внимали каждому слову. Светлана Искровна приняла мою искреннюю благодарность, улыбнулась, пожелала мне достижений.

Я уже знала, что ее лекций больше не будет. Было очень и очень жаль, что у нас была возможность слушать лекции Светланы Искровны лишь одну сессию.

Эта встреча оставила в моем уме и сердце неизгладимые впечатления и светлые воспоминания.

Промелькнула даже мысль, что именно эта женщина должна быть президентом нашей страны. Дух в ней не женский был. Мужество, наверное, родилось раньше...

В каждом из нас, полюбивших Светлану Искровну за невероятный талант, теплится светлая память.

Бальжинимаева Дарима, выпускница филологического факультета:

Светлана Искровна — из Великих моих Учителей.

Галина Сафоновна, выпускница филологического факультета:

Незабываемый уникальный голос, мастерство, опыт и скромность преподавателя восхищают.

Тамара, выпускница филологического факультета: 47 лет назад (написано в 2022 г. — Г. Б.) Светлана Искровна была куратором нашей группы. Как сейчас слышу: «Есть тонкие властительные нити меж контуром и запахом цветка»...

Буянтуева Вера Базаровна, учитель русского языка и литературы СОШ № 19:

Я училась в Иркутске. Впервые услышала лекции Светланы Искровны на курсах повышения квалификации. Умная, добрая, талантливая, спокойная и тактичная. Каждая встреча с ней приносила удивительное душевное удовлетворение.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей РФ, выпускница филологического факультета 1980 года:

Посвящение

Светлане Искровне Гармаевой —
профессору, доктору филологии, моему Учителю

Чарующая речь

Строгий взгляд, певучий, с медью голос,

Манера мыслью говорить

Нам, юнцам, внушали робость —

Теряли свойственную прыть.

В ней живет возвышенная тайна,

Загадкой светятся глаза.

Так искрятся истинные знанья,

И нет пути от них назад.

Празднует изящная словесность

Свой день в божественной душе —

В храме том светло, не тесно.

Толстой, Блок, Рильке, Бомарше —

Всем уютно с ней, легко, комфортно,

Без них не мыслить ей, не жить.
Только в тягость ветер новомодный,
Что рвет связующую нить
Всех времен, племен и поколений.
О, дай Бог, силы уцелеть,
Дух питать без усталости и лени.
Пусть льется впрок чарующая речь!

**С. И. Гармаева — научный руководитель
диссертационных исследований**

1. Бадужева Г. Ц. Эволюция жанра рассказа в литературе Бурятии второй половины XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Г. Ц. Бадужева; науч. рук. В. Ц. Найдаков, С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 1999.

2. Дымбрылова Д. Ч. Религиозные воззрения в бурятской поэзии XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Д. Ч. Дымбрылова; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2000.

3. Сангадиева Э. Г. Концепция мира и человека в бурятском романе 1960–1970-х годов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Э. Г. Сангадиева; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2004.

4. Алексеева Н. Н. Этнопоэтическое своеобразие природного и вещного мира в литературе народов Сибири (на материале бурятской, эвенкийской, якутской поэзии и прозы): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Н. Н. Алексеева; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2009.

5. Матуева А. Б. Взаимодействие культурных и этнопоэтических традиций в национальной картине мира бурятских поэтов 1960–1980-х гг. (лирика Д. Улзытуева, Ц.-Д. Хамаева): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / А. Б. Матуева; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2011.

6. Дондокова М. Ю. Традиционные и авторские символы времени в лирике Н. Нимбуева в восточном контексте: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / М. Ю. Дондокова; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2013.

7. Малзурова С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60–80-х гг. XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / С. Д.-Н. Малзурова; науч. рук. С. И. Гармаева. — Улан-Удэ, 2015.

8. Херел А. Х. Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / А. Х. Херел; науч. рук. С. И. Гармаева. — Москва, 2019.

Аспиранты С. И. Гармаевой

1. Дымбрылова Д. Ч. (1997–2000, «Религиозные воззрения в бурятской поэзии XX века»).
2. Алагуева О. Л. (1998–2001, «Концепт *стень* в литературе Бурятии»).
3. Андреева Т. Л. (1998–2002; «Шаманистские мотивы и традиции в творчестве писателей Сибири»).
4. Аюшеева Э. Г. (1999–2004; «Поэтика шаманизма в романе А. Бальбурова „Поющие стрелы“»).
5. Балданова А. Б. (2002–2005; «Теоретико-эстетические проблемы художественного перевода современной бурятской поэзии»).
6. Цыренова Ц. Х. (2002–2005; «Поэтика романного повествования (стилевое своеобразие прозы 50–70-х гг. XX века)»).
7. Алексеева Н. Н. (2003–2006; «Этнопоэтическое своеобразие природного и вещного мира в литературе народов Сибири (на материале бурятской, эвенкийской, якутской поэзии и прозы)»).
8. Юмдылыкова Б. Н. (2003–2006; «Экзистенциальное начало художественного текста лагерной прозы Сибири»).
9. Куперман Н. А. (2004–2009; «Эстетическое своеобразие розыгрыша А. Вампилова и С. Лобозерова. Опыт сравнительно-типологического исследования»).
10. Матуева А. Б. (2006–2010; «Взаимодействие культурных и этнопоэтических традиций в национальной картине мира бурятских поэтов 1960–1980-х гг. (лирика Д. Улзытуева, Ц.-Д. Хамаева)»).
11. Дондокова М. Ю. (2008–2013; «Традиционные и авторские символы времени в лирике Н. Нимбуева в восточном контексте»).
12. Малзурова С. Д.-Н. (2010–2013; «Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60–80-х гг. XX века»).
13. Херел А. Х. (2013–2016; «Творчество В. Кок-оола и его роль в становлении и развитии тувинской драматургии»).
14. Ооржак Ш. Д. (2014–2018; «Портрет в тувинской прозе второй половины XX века (Творчество С. Сюрюн-оола)»).
15. Кужугет Ш. Ю. (2014–2018; «Становление и развитие сатиры в тувинской прозе»).

С. И. Гармаева — оппонент диссертационных исследований

1. Леонтьев Э. П. («Проблема автора и читателя в прозе и публицистике В. М. Шукшина», Улан-Удэ, 2004, БГУ) [первый оппонент]

2. Бады-Монге Е. Т. («Национальное своеобразие художественной детали в тувинской прозе», Улан-Удэ, 2004, БГУ) [первый оппонент]

3. Дамдинова Е. Ю. («Лирика Цырендулмы Дондогой: этнопоэтические традиции», Улан-Удэ, 2006, БГУ) [первый оппонент]

4. Майнагашева Н. С. («Хакасская драматургия XX в.: художественная эволюция, фольклорный контекст», Улан-Удэ, 2008, БГУ) [первый оппонент]

5. Челтыгмашева Л. В. («Этнопоэтическое своеобразие хакасской прозы 1930–1990-х гг.», Улан-Удэ, 2009, БГУ) [первый оппонент]

6. Чаптыкова Ю. И. («Фольклорно-поэтические истоки прозы И. Костякова», Улан-Удэ, 2012, БГУ) [первый оппонент]

7. Иванова В. Я. («Структурно-семантический аспект художественного образа в прозе В. Г. Распутина», Улан-Удэ, 2013, БГУ) [первый оппонент]

8. Доржиева Э. С. («Этнопоэтические истоки сюжетостроения бурятского романа 60–80-х гг. XX века», Москва, 2019, ИМЛИ) [первый оппонент]

Библиография трудов С. И. Гармаевой

Диссертации и монографии

1. Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири: опыт сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы и Хакасии : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.03 / С. И. Гармаева. Москва, 1973. 158 с.
2. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века (опыт сравнительного анализа литератур тюрко-монгольского ареала) : монография / С. И. Гармаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. 170 с.
3. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.02 / С. И. Гармаева. Москва, 1998. 257 с.

Статьи

1. От фольклора к роману / С. И. Гармаева // Вопросы литературы. 1972. № 12. С. 223–224. [Рец. на кн. : Соктоев А. Хоца Намсарев. Путь к эпосу социалистического реализма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 213 с.]
2. Обновленные традиции: (О некоторых чертах развития современной бурятской прозы) / С. И. Гармаева // Байкал. 1973. № 2. С. 120–125.
3. О документальном стиле в тувинском и бурятском романе / С. И. Гармаева // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка и литературы / Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории ; редкол.: Ю. Л. Аранчын (отв. ред.) [и др.]. 1973. Вып. XVI. С. 100–105.
4. Об одном важном компоненте художественности / С. И. Гармаева // Вопросы бурятской филологии и литературоведения / М-во просвещения РСФСР, Иркут. гос. пед. ин-т ; ответственный редактор М. П. Хамаганов. Иркутск, 1980. С. 72–78.
5. О типологии романа в литературах народов Сибири / С. И. Гармаева // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук ; [Редкол.: Г. И. Ломид-

зе, Р. Ф. Юсуфов (отв. редакторы) и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. С. 77–90.

6. Взаимодействие национального и интернационального в бурятской литературе / С. И. Гармаева // Новые тенденции в современной литературе Бурятии : сборник трудов / АН СССР, Сиб. отделение, Бурят. фил., Ин-т обществ. наук; [редкол.: В. Ц. Найдаков (отв. ред.), Э. А. Уланов]. Улан-Удэ: БФ СО РАН СССР, 1988. С. 3–12.

7. Проблемы специфики национальной формы / С. И. Гармаева // На пути к гармонии : методические рекомендации в помощь учителю, ведущему факультативный курс по литературе Бурятии / составители С. Т. Забадаев, С. И. Нельтаева. Улан-Удэ, 1990. С. 10–18.

8. К проблеме специфики национальной художественной формы / С. И. Гармаева // «Джангар» и проблемы эпического творчества : тезисы докладов международной конференции. Элиста, 1990. С. 137–138.

9. Мировоззренческие аспекты теории литературы / С. И. Гармаева // Мировоззренческая направленность учебного процесса в педагогическом вузе / ответственный редактор В. И. Затеев. Улан-Удэ, 1992. С. 101–105.

10. Проблемы типологии художественных традиций в национальной литературе / С. И. Гармаева // Вестник Бурятского университета. Сер. 6. Филология. 1997. № 1. С. 112–118.

11. Интеллигенция и национальный менталитет / С. И. Гармаева // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты : тезисы докладов международной научной конференции: в 2 частях. Улан-Удэ, 1997. Ч. 1. С. 94–96.

12. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века: этнокультурные факторы и контекст : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.02 / С. И. Гармаева. Москва, 1998. 50 с.

13. Типология буддийской модели мира в прозе XX века / С. И. Гармаева // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте. Улан-Удэ, 1999. С. 98.

14. Типология буддистских традиций в прозе XX в. / С. И. Гармаева // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона : материалы Международной научно-практической конференции (2-3 июля 1999 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 126–126.

15. Национальные образы и картина мира в литературе (К истории кочевых народов Центральной Азии) / С. И. Гармаева // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : материалы международной научной конференции: в 3 томах. Т. 3. Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ, 2000. С. 118–119.

16. Типология буддийской модели мира и философия реализма романа И. Калашникова «Жестокий век» / С. И. Гармаева // Русский язык и литература в исследованиях филологов Азии : сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 110–115. [Серия: Русский национальный текст]

17. Сложность композиционной структуры романа В. Митыпова «Долина бессмертников» как новый этап в развитии национальной литературы / С. И. Гармаева // Россия — Азия: проблемы интерпретации текстов русской и восточных культур : материалы международной научной конференции (1–5 июля 2002 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. С. 140–142.

18. Психология личности в национальной модели мира / С. И. Гармаева // Проблемы личности на рубеже третьего тысячелетия: в 2 частях. Улан-Удэ, 2002. Ч. 2. С. 193–196.

19. Поэтика национального образа и картина мира в бурятской литературе / С. И. Гармаева // Вестник Бурятского университета. Серия 6: Филология. 2003. № 6. С. 16–23.

20. Методология современного литературоведения: поиски, перспективы / С. И. Гармаева // Высшая школа: проблемы преподавания словесности: в 2 частях. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. С. 14–18.

21. Менталитет и образование / С. И. Гармаева // Евразийский фронт: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах. Улан-Батор, 2006. С. 29–31.

22. Методология национального художественного мышления в контексте современных социокультурных процессов / С. И. Гармаева // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста : материалы региональной научной конференции (27–28 ноября 2006 г.): в 2 частях. / Федер. агентство по образованию [и др.] ; ответственный редактор С. Ж. Балданов. Улан-Удэ, 2006. Ч. 1. С. 9–13 [О: «Жестокий век»].

23. Национальный характер в литературах Сибири / С. И. Гармаева // Проблемы становления и развития национального самосо-

знания : сборник статей / ответственный редактор В. В. Башкеева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 127–133 [Серия: Русский национальный текст]

24. Художественное освоение философии Чингисхана / С. И. Гармаева // Россия в Монголии: история и современность: сборник материалов международной научно-практической конференции / под редакцией Т. В. Бронской, Т. Цэцэгмы, Г. Туи. Улан-Батор, 2008. С. 425–432.

25. Глобализация и эталон обучения в национальном вузе / С. И. Гармаева // Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы и приоритеты : материалы I межвузовской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора В. Б. Махатова (28–30 марта 2009 г.): в 2 частях. Улан-Удэ: ГУП ИД «Буряад үнэн», 2009. Ч. 1. С. 26–28.

26. Национальные реалии как факторы формирования художественного сознания / С. И. Гармаева // Евразийский фронт: концепт «национальное» в русском, монгольском и бурятском языках и литературах : материалы международного круглого стола (2–4 июня 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 4–8.

27. Духовные и религиозные ценности литературы и образование / С. И. Гармаева // Образование и глобализация : материалы III Байкальской международной научной конференции (1–4 июля 2009 г.): в 2 частях. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. Ч. 2. С. 152–154.

28. Фольклорная память как основа духовности / С. И. Гармаева // ЭТНО: литературоведение, литературное образование, культура : межвузовский научно-методический сборник. Экспериментальный выпуск. Улан-Удэ: ГУП ИД «Буряад үнэн», 2009. С. 8–14.

29. Этнопоэтическое в литературе и литературоведении / С. И. Гармаева // ЭТНО: литературоведение и литературное образование: перспективы и приоритеты : материалы регионального научного симпозиума с международным участием, посвященного 75-летию профессора С. Ж. Балданова. Улан-Удэ, 2010. С. 181–183.

30. Формирование национального мышления в эпоху глобализации / С. И. Гармаева // Экология, духовные и социально-экономические перспективы развития Байкальского региона : материалы международной научно-практической конференции, посвя-

щенной памяти ламы-гелонга Данзан-Хайбзуна Самаева. Улан-Удэ, 2010. С. 88–102.

31. Личность в поликультурном образовательном пространстве / С. И. Гармаева // Актуальные исследования Байкальской Азии : материалы международной научной конференции, посвященной 15-летию Бурят. госуниверситета (28 сент. 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 426–428.

32. Идеи ламы Д.-Х. Самаева как основа нравственного воспитания молодежи / С. И. Гармаева // Экология, духовные и социально-экономические перспективы развития Байкальского региона : материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ГУЗ РЦМП МЗ РБ, 2011. С. 42–45.

33. Концепция человека в восточной литературе / С. И. Гармаева // Россия — Азия: ценностные установки и социальный опыт : сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 45–47.

34. Концепт *дом* в русскоязычной бурятской литературе: повесть Александра Эрдынеева «Кот в законе» / С. И. Гармаева // Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода : коллективная монография / Г. Ц. Бадужева и др. ; [Редкол.: В. В. Башкеева, С. С. Имихелова (отв. ред-ры)]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 96–98 [Серия: Русский национальный текст].

35. Предисловие / Г. Ц. Бадужева, С. И. Гармаева // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 томах. Т. 2. Проза / составители Г. Ц. Бадужева, В. В. Башкеева; вступ. ст. Г. Ц. Бадужевой, С. И. Гармаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 5–8.

36. Евразийская модель как социокультурный ресурс / С. И. Гармаева // Евразийский фронтир: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе : сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 173–175.

37. Литература и проблемы ценностных установок / С. И. Гармаева, А. Л. Ангархаев // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвыпуск [1] А. С. 146–150.

38. Этнопоэтическое единство национальных литератур Сибири / С. И. Гармаева, П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвыпуск [1] А. С. 150–154.

39. Творческое наследие Г. М. Васильева как отражение проблем литературной критики 1950–1960-х гг. / П. В. Сивцева-Максимова, С. И. Гармаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвыпуск [1] А. С. 206–211.

40. Евразийская модель в динамике современной художественной картины мира / С. И. Гармаева, С. М. Орус-оол // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2013. Вып. 10. С. 144–147.

41. Духовные и религиозные ценности как ресурс обучения / С. И. Гармаева // Бурятоведение = Буряад шудалал : научный сборник. Вып. 1: Опыт прошлого — взгляд в будущее / ответственный редактор О. Б. Бадмаева. Улан-Удэ, 2014. С. 121–123 [О: Шагжин Ц. Возмездие].

Рецензии на труды С. И. Гармаевой

1. Герасимович Л. К. [Рец. на кн. : Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1998] // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 6: Филология. 1999. Вып. 3. С. 139–141.

О ней

1. Булгутова И. В. Теоретико-методологические подходы С. И. Гармаевой в изучении литератур народов России / И. В. Булгутова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 2. С. 3–8.

2. Гармаевы Вера Жаповна, Светлана Искровна и Лев Искрович, или Как надо жить и выживать // Семейное призвание — педагог / ответственный редактор Г. И. Рогалева; составитель С. Б. Санданова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. С. 40–43.

3. Гармаева Светлана Искровна, доктор филологических наук, профессор // Доктора наук и профессора БГПИ – БГУ (1932–2012) / М-во образования и науки РФ, Бурят. гос. ун-т ; составители С. В. Калмыков [и др.] ; научный редактор С. В. Калмыков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 178–179 : фот.

4. Светлана Гармаева: «В XXI веке человек не будет зависеть от экономических обстоятельств...» : [беседа с доктором филологиче-

ских наук, профессором С. И. Гармаевой] / зап. Б. Сибиданов // Бурятия. 2012. 11 апр. С. 8 : фот.

5. Целикова Е. И. Гармаева Светлана Искровна / Е. И. Целикова // Филологический факультет в лицах: преподаватели и выпускники : сборник статей / ответственные редакторы В. В. Башкеева, С. М. Бабушкин, А. Ц. Хусаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 132–134.

Памяти С. И. Гармаевой

1. Бадужева Г. Ц., Башкеева В. В. О научной конференции «Типология художественных традиций в литературе», посвященной профессору С. И. Гармаевой (1938–2022) / Г. Ц. Бадужева, В. В. Башкеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 89–91.

Содержание

Биографические вехи	3
Награды и почетные звания	4
<i>Целикова Е. И., Бадужева Г. Ц.</i> Светлана Искровна Гармаева: от ассистента до профессора (штрихи к портрету)	5
<i>Булгутова И. В.</i> Теоретико-методологические подходы С. И. Гармаевой в изучении литератур народов РФ	9
<i>Герасимович Л. К.</i> [Рецензия на монографию: Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века]	16
<i>Бадужева Г. Ц., Башкеева В. В.</i> О научной конференции «Типология художественных традиций в литературе», посвященной профессору С. И. Гармаевой (1938–2022)	19
Приветствия конференции	24
С. Гармаева: «В XXI веке человек не будет зависеть от экономических обстоятельств...»	27
Гармаевы Вера Жаповна, Светлана Искровна и Лев Искрович, или Как надо жить и выживать	30
Научные работы С. И. Гармаевой	35
<i>Мировоззренческие аспекты теории литературы</i>	35
<i>Менталитет и образование</i>	39
<i>Духовные и религиозные ценности литературы и образование</i>	43
<i>Концепт дом в русскоязычной бурятской литературе: повесть Александра Эрдынеева «Кот в законе»</i>	48
<i>Предисловие</i>	51
<i>Евразийская модель как социокультурный ресурс</i>	55
<i>Отзыв научного руководителя на диссертацию С. Д.-Н. Малзуровой</i>	61
<i>Отзыв официального оппонента на диссертацию Ю. И. Чаптыковой</i>	62
<i>Отзыв официального оппонента на диссертацию В. Я. Ивановой</i>	67
Воспоминания	72
<i>Хилханов Л. В.</i>	72
<i>Хилханова Э. В.</i>	73
<i>Хилханова А. Д.</i>	75

<i>Гармаева М. Н., Сенгеева Т. Н.</i>	78
<i>Гармаева Д. Д.</i>	82
<i>Жаргал-багша</i>	83
<i>Прокудина В. Д.</i>	85
<i>Номогоева В. В.</i>	86
<i>Башкеева В. В.</i>	89
<i>Затеева Т. В.</i>	92
<i>Березкина Е. П.</i>	95
<i>Болдонова И. С.</i>	97
<i>Цыренова М. Ц.</i>	100
<i>Жорникова М. Н.</i>	102
<i>Харанутова Д. Ш.</i>	103
<i>Бадыева Г. Ц.</i>	105
<i>Дымбрылова Д. Ч. ...</i>	110
<i>Сангадиева Э. Г.</i>	111
<i>Алексеева Н. Н.</i>	112
<i>Матуева А. Б.</i>	116
<i>Дондокова М. Ю.</i>	117
<i>Херел А. Х.</i>	118
<i>Майнагашева Н. С.</i>	120
<i>Тувинский институт гуманитарных и прикладных соци- ально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва</i>	120
<i>Бадмаева О. Б.</i>	121
<i>Абидыева (Буянтуева) Г. Ц.-Д.</i>	123
<i>Доржиева Э. С.</i>	124
<i>Алагуева О. Л.</i>	125
<i>Балданова А. Б.</i>	127
<i>Новокрещенных Е. Г.</i>	131
<i>Гимальдинова Н. В.</i>	132
<i>Выпускники филологического факультета БГПИ–БГУ</i>	133
<i>С. И. Гармаева — научный руководитель диссертацион- ных исследований</i>	141
<i>Аспиранты С. И. Гармаевой</i>	142
<i>С. И. Гармаева – оппонент диссертационных исследований</i>	143
<i>Библиография трудов С. И. Гармаевой</i>	144

Научно-популярное издание

«Во всем мне хочется дойти до самой сути...»:
Гармаева Светлана Искровна
(к 85-летию со дня рождения)

Редактор Г. Ц. Бадужева

Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 09.02.24. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 7,55. Усл. печ. 8,84. Тираж 500. Заказ 12.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а